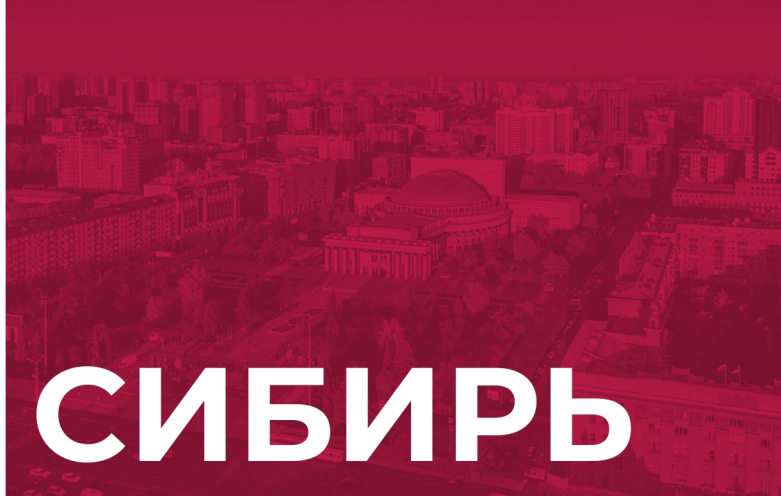

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС НОВОСИБИРСК

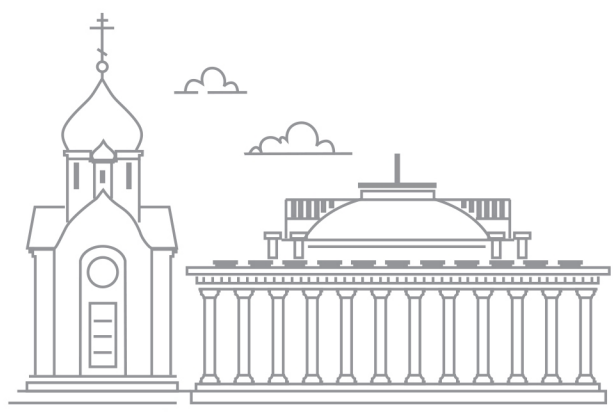

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Siberia humanitaria

2023 №1 (1)
ISSN 2949-1568

SIBERIA HUMANITARIAN

Quarterly scientific-practical journal

2023

№ 1 (1)

Founded
in 2022

EDITORIAL BOARD

Vladimir E. Zubov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Yuri P. Ivonin, Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk
Anna A. Izgarskaya, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Tatiana S. Ilarionova, Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Moscow
Elena V. Kiseleva, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Mikhailov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Vladimir P. Motrevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Yekaterinburg
Valentina S. Pel, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Savchenko, Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Alexander S. Smykalin, Doctor of Law, Professor, Russia, Ekaterinburg
Elena E. Tikhomirova, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Oleg D. Fedorov, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Boris L. Khavkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow
Denis V. Chernov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Marina V. Shakurova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Voronezh

EDITION

Editor in Chief *Natalia M. Markdorf*, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Deputy Editor in Chief *Elena A. Belaya*, Candidate of Pedagogical Sciences
Scientific editor *Oksana A. Beregovaya*, Doctor of Philosophy, Associate Professor
Executive Secretary *A. O. Doronina*
Editors: *T. V. Borodina*, *N. A. Zolotenina*
Technical Editor *O. A. Gladunova*

Editorial office address: Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102. Tel. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Founder — Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”

The mass media registration certificate *III № ΦC77-83738 dated August 5, 2022*, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.
Link to the journal “Siberia Humanitarian” is mandatory when materials are used.

Release date 21.02.2023. OCE print. Format 70×108 1/16. Conventional printed sheet 9,45. Publisher's signature 10,24. Edition of 500 copies. Order 1.

SibAGS Publishing House. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Printed on the printing facility of the Siberian Institute of Management — a branch of RANEPa. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Subscription price 180.

© Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Siberian Institute of Management — branch of RANEPa”

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Ежеквартальный научно-практический журнал

2023

№ 1 (1)

Основан
в 2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Зубов Владимир Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Ивонин Юрий Перфильевич, доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск
Изгарская Анна Анатольевна, доктор философских наук, доцент, Россия, Новосибирск
Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, Россия, Москва
Киселева Елена Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Михайлов Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Пель Валентина Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Савченко Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Смыкалин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Тихомирова Елена Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент, Россия, Новосибирск
Федоров Олег Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва
Чернов Денис Владимирович, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Шакурова Марина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, Россия, Воронеж

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор *Наталья Михайловна Маркдорф*, доктор исторических наук, доцент
Зам. главного редактора *Елена Александровна Беляя*, кандидат педагогических наук
Научный редактор *Оксана Александровна Береговая*, доктор философских наук, доцент
Ответственный секретарь *А. О. Доронина*
Редакторы: *Т. В. Бородина, Н. А. Золотенина*
Технический редактор *О. А. Гладунова*

Адрес редакции: 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6. Тел. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Учредитель — ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации *ПИ № ФС77-83738 от 5 августа 2022 г.*, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.

При использовании материалов журнала «Сибирь гуманитарная» ссылка на журнал обязательна.

Дата выхода в свет 21.02.2023. Печать ОСЕ. Формат 70×108 1/16. Усл. п. л. 9,45. Уч.-изд. л. 10,24. Тираж 500 экз. Заказ 1.

Издательство СибАГС, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Отпечатано на полиграфической базе Сибирского института управления — филиала РАНХиГС. 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Цена по подписке 180 руб.

© ФГБОУ ВО «Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС»

EDITORIAL COUNCIL

Maria A. Abramova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Marina N. Wolf

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk

Arkady A. Herman

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Saratov

Victor Denninghaus

Doctor of Historical Sciences, Professor, Germany, Lüneburg

Olga V. Zinevich

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk

Stefan Karner

Doctor of Historical Sciences, Professor, Austria, Graz

Viktor M. Kirillov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Nizhny Tagil

Anatoly S. Kolesnikov

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, St. Petersburg

Anatoly G. Kosichenko

Doctor of Philosophy, Professor, Kazakhstan, Almaty

Nikolay I. Krasniakov

Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk

Gulnara M. Mendikulova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazakhstan, Almaty

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Ekaterinburg

Alexander M. Sidorkin

PhD, Professor, USA, Sacramento

Tatiana B. Smirnova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Omsk

Gulnaz K. Tleuzhanova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazakhstan, Karaganda

Dmitry A. Funk

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow

Lazar S. Heifets

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, St. Petersburg

Irina V. Cherkazyanova

Doctor of Historical Sciences, Russia, St. Petersburg

Alexey A. Chernobrov

Doctor of Philology, Professor, Russia, Novosibirsk

Lubinka Shkodric

PhD, Doctor of History, Serbia, Belgrade

Irina I. Shulga

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абрамова Мария Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Вольф Марина Николаевна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Герман Аркадий Адольфович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Саратов

Дёнингхаус Виктор

доктор исторических наук, профессор, Германия, Люнебург

Зиневич Ольга Владимировна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Карнер Стефан

доктор исторических наук, профессор, Австрия, Грац

Кириллов Виктор Михайлович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Нижний Тагил

Колесников Анатолий Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Косиченко Анатолий Григорьевич

доктор философских наук, профессор, Казахстан, Алматы

Красняков Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск

Мендикулова Гульнара Малбагаровна

доктор исторических наук, профессор, Казахстан, Алматы

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург

Сидоркин Александр Михайлович

PhD, профессор, США, Сакраменто

Смирнова Татьяна Борисовна

доктор исторических наук, профессор, Россия, Омск

Тлеужанова Гульназ Кошкимбаевна

кандидат педагогических наук, доцент, Казахстан, Караганда

Функ Дмитрий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва

Хейфец Лазарь Соломонович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Черказьянова Ирина Васильевна

доктор исторических наук, Россия, Санкт-Петербург

Чернобров Алексей Александрович

доктор филологических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Шкодрич Любинка

PhD, доктор истории, Сербия, Белград

Шульга Ирина Ивановна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

CONTENTS

THEORETICAL ASPECTS OF THE STUDY NON-MATERIAL HERITAGE	8
Ivonin Yu.P. Cultural continuity as an object of philosophical research.....	9
Ilarionova T.S. Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU: an intangible contribution to the formation of the knowledge society	17
Yarkov A.P. Peculiarities of identification of Muslims in the Asian part of Russia.....	26
Shlegel E.A. The Potential of the category “ethnicity” (on the example of the ethnic identity of Russian Germans)	33
ETHNOCULTURAL HERITAGE	40
Savinov L.V. Ethnocultural heritage in the system of national security of modern Russia.....	40
Shulga A.A., Yurchenko M.A. Agricultural rituals of the Dai (China).....	47
Blinova A.N., Smirnova T.B. Preservation and actualization of the non-material cultural heritage Russian Germans	54
Borodina E.M. Reflection of historical reality in Cossack song folklore	61
Zhigunova M.A. Historical and cultural heritage of the Siberian Cossacks: tradition and modernity	72
READING CIRCLE	81
Herman A.A. E.A. Arndt. Economy and life of the Volga Germans (XIX—XX centuries) = Wirtschaft und Alltag der Wolgadeutschen (im XIX. und XX. Jahrhundert). Saratov: Volga, 2021. p. 296 p.: ill.....	81
PERSONALITIES	86
Khanin G.I. How I competed with the CIA (episode from memories).....	87
Kiseleva E.V. To V.S. Pel — to the professional, to the woman, to the friend	89
Rogachevskaya M.A.	94
From the first person.....	94
AUTHOR AFFILIATIONS	102
INFORMATION FOR AUTHORS	104

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ.....	8
Ивонин Ю. П.	
Культурная преемственность как объект философского исследования	8
Иларионова Т. С.	
Академия общественных наук при ЦК КПСС: нематериальный вклад в становление общества знаний.....	17
Ярков А. П.	
Об особенностях идентификации мусульман азиатской части России.....	26
Шлегель Е. А.	
Потенциал категории «этничность» (на примере этнической идентичности российских немцев)	32
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ.....	40
Савинов Л. В.	
Этнокультурное наследие в системе национальной безопасности современной России	40
Шульга А. А., Юрченко М. А.	
Сельскохозяйственные ритуалы дайцев (Китай).....	47
Блинова А. Н., Смирнова Т. Б.	
Сохранение и актуализация нематериального культурного наследия российских немцев.....	53
Бородина Е. М.	
Отражение исторической действительности в казачьем песенном фольклоре	61
Жигунова М. А.	
Историко-культурное наследие сибирского казачества: традиции и современность	72
КРУГ ЧТЕНИЯ	81
Герман А. А.	
Е. А. Арндт. Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX—XX вв.) = Wirtschaft und alltag der Wolgadeutschen (im XIX. und XX. Jahrhundert). Саратов : Волга, 2021. 296 с. : ил.....	81
ПЕРСОНАЛИИ.....	86
Ханин Г. И.	
Как я соревновался с ЦРУ (эпизод из воспоминаний)	87
Киселева Е. В.	
Посвящение В. С. Пель — профессионалу, женщине, другу	89
Рогачевская М. А.	
От первого лица.....	94
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	100
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	104

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

THEORETICAL ASPECTS OF THE STUDY NON-MATERIAL HERITAGE

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 08—16.
Siberia Humanitarian. 2023;(1):08—16.

Теоретические аспекты изучения нематериального наследия

Научная статья
УДК 304.9

Культурная преемственность как объект философского исследования

Юрий Перфильевич Ивонин

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация,
ivonin-yp@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу ряда методологических проблем исследования социального механизма преемственности в развитии духовной культуры. Целью работы является представление культурной преемственности как совокупности взаимосвязанных информационных процессов. Духовная культура рассматривается как подсистема культуры, ее содержание определяется как исторически конкретный вариант формационного типа духовного производства.

Преемственность существует как аспект генетической связи, она устанавливается между духовными культурами, сменяющими друг друга в рамках отдельного социального организма. Культурная преемственность — это воспроизведение содержания прошлой духовной культуры в системе последующей и ее изменение. Культурная преемственность существует только в составе революционного процесса (межкультурного перехода), носящего социальный характер формационного сдвига и/или политического сдвига, изменения политической системы, если это изменение можно рассматривать как культурную трансформацию, демонстрирующую глубинные изменения политического мировоззрения и политического господства. В составе культуры следует различать: а) мировоззренческое ядро, образованное ценностями, специфичными для нового качественного состояния культуры; б) аксиологически нейтральную периферию, включающую инфраструктуру духовного производства, научное и техническое знание. Последнее является приоритетным объектом преемственности, поскольку передается в новую культуру с минимальными изменениями и искажениями. Преемственность — это всегда коммуникация. Первоначально она носит характер взаимодействия субъектов живой духовной деятельности и затем — одностороннего воздействия опредмеченной деятельности (текст, являющийся культурным наследием) на своих преемников. Живая деятельность начинает и завершает акт коммуникации. Консервативный момент преемственности — это акты понимания. Понимание — это устойчивое воспроизводство содержания послания (культурного текста). По мере упрочнения новой культуры и деинституционализации

старой единство живой и опредмеченной деятельности в коммуникации разрушается, что ставит под вопрос аутентичность понимания.

Ключевые слова: культура, преемственность, духовное производство, информационное взаимодействие, культурная конкуренция

Для цитирования: Ивонин Ю. П. Культурная преемственность как объект философского исследования // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 08—16.

Theoretical aspects of the study non-material heritage

Original article

Cultural continuity as an object of philosophical research

Yuri P. Ivonin

Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation, ivonin-yp@ranepa.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of a number of methodological problems of the study of the social mechanism of continuity in the development of spiritual culture. The aim of the work is to present cultural continuity as a set of interconnected information processes. Spiritual culture is considered as a subsystem of culture, its content is defined as a historically specific variant of the formational type of spiritual production.

Continuity exists as an aspect of genetic connection, it is established between spiritual cultures that replace each other within a separate social organism. Cultural continuity is the reproduction of the content of the past spiritual culture in the subsequent system and its change. Cultural continuity exists only as part of a revolutionary process (intercultural transition), which has the social character of a formational shift and/or a political shift, a change in the political system, if this change can be considered as a cultural transformation that demonstrates profound changes in the political worldview and political state. In the composition of culture, it is necessary to distinguish: a) the ideological core formed by values specific to the new qualitative state of culture; b) axiologically neutral periphery, including the infrastructure of spiritual production, scientific and technical knowledge. The latter is the priority object of succession, because it is transferred to the new culture with minimal change and distortion. The continuity is always a communication. Initially it has the character of interaction of subjects of living spiritual activity and then — unilateral influence of the objectified activity (the text, which is the cultural patrimony) on their followers. The live activity begins and completes the act of communication. The conservative moment of morality is acts of understanding. Understanding is a stable reproduction of the content of the message (cultural text). As the new culture strengthens and the old one is deinstitutionalized, the unity of living and objectified activity in communication is destroyed, which calls into question the authenticity of understanding.

Keywords: culture, continuity, spiritual production, information interaction, cultural competition

For citation: Ivonin Yu.P. Cultural continuity as an object of philosophical research. *Siberia Humanitarian*. 2023. № 1. С. 08—16.

Изучение духовной культуры в предметной области философского знания предполагает отображение специфики реализации формации того или иного типа в отдельном обществе относительно общих закономерностей развития общественно-экономической формации, выделенных на ее предельно общем описании. Помимо понятия «культура» необходимы средства фиксации пространственных границ сообщества. Таковыми оказываются понятия «отдельный социальный организм» (на абстрактном уровне описания) и «страна» (индивидуальный вариант социального организма). Самым простым субъектом культуры принято считать этнос, а наиболее развитым субъектом оказывается нация. Страна как пространственно-географическая общность не тождественна ее политическому оформлению, каковым ока-

зывается государство. Возможны следующие варианты соотношения государств и стран:

1. Государство включает одну страну и несколько культурно-географических общностей (этнических территорий), еще не ставших странами или вообще не имеющих таких перспектив.

2. Государство включает в себя несколько стран. Как правило, существует лидирующая страна, объединяющая иные страны и добивающаяся от них лояльности. Пример: Речь Посполитая, образовавшаяся из союза польских и литовских территорий. Правда, как показал XX в., лояльность литовских территорий оказалась разрушенной.

3. Государство включает фрагменты разных стран и не привязано ни к одной из них. Некоторые мыслители полагают, что государство вообще не должно быть связано факторами «крови» и «почвы», т. е. естественной общностью страны, и может быть составлено из граждан разной этнической и культурной принадлежности и даже мигрантов. Их лояльность обеспечивается высокими стандартами защиты прав человека, которые они не могут найти на своих исторических территориях.

Применительно к избранной автором методологической позиции преемственность как аспект генетической связи устанавливается между духовными культурами, сменяющими друг друга в рамках отдельного социального организма. Культурная преемственность — это воспроизведение содержания прошлой духовной культуры в системе последующей и ее изменение. Культурная преемственность существует только в составе революционного процесса (межкультурного перехода), носящего социальный характер формационного и/или политического сдвига, изменения политической системы, если это изменение можно рассматривать как культурную трансформацию, демонстрирующую глубинные изменения политического мировоззрения и политического господства. Эта привязанность культурной преемственности к революции предполагает присутствие взаимосвязанных процессов: 1) воспроизводства идей, складывающегося из их аутентичного понимания и легитимации; 2) отрицания идей [1, с. 108] посредством их дискредитации и репрессирования исторической памяти; 3) освоения идей через их трансформацию и инкорпорирование (культурно-историческая ассимиляция).

Создание новой духовной культуры сопровождается изменениями социальных практик и присущих им социальных регулятивов. Поэтому в составе культуры следует различать: а) мировоззренческое ядро, образованное ценностями, специфичными для нового качественного состояния культуры; б) аксиологически нейтральную периферию, включающую инфраструктуру духовного производства, научное и техническое знание. Последнее является приоритетным объектом преемственности, поскольку передается в новую культуру с минимальными изменениями и искажениями.

Мы полагаем, что главный механизм культурной преемственности — трансляция инокультурного знания. Трансляция инокультурного знания не может рассматриваться как генерация нового знания, она выступает в качестве одного из факторов такой генерации. Приращение нового знания осуществляется в ходе деятельности по производству специализированного уровня сознания, а участие в данном процессе инокультурного знания предполагает, что одним из субъектов данного вида духовной деятельности является субъект прошлой духовной культуры в форме живой или определенной деятельности.

Таким образом, классификация межкультурного взаимодействия может быть построена по такому основанию, как различие культурной принадлежности субъектов двух видов духовной деятельности: а) деятельности по

производству специализированного уровня сознания; б) деятельности по трансляции (информационное воздействие).

В рамках использованного в статье познавательного подхода социальная информация может быть рассмотрена как упорядоченная совокупность знаков, как текст, а само информационное воздействие — как набор операций над текстами. Использование данной стороны информационного подхода позволяет уточнить различие содержания деятельности по производству знания и деятельности по его трансляции. Новое знание возникает как синтез противоположных точек зрения на исследуемый объект. Знание, принадлежавшее сторонам взаимодействия, рассматривается как регулятив познания; регулятивы утрачивают свою специфичность¹, хотя результат познания содержит их частичные признаки. Напротив, результат трансляции не приводит к ассимиляции чужого знания, сохраняя его себестождественность. Изменяется только носитель, субстрат, на котором разворачивается знание — текст, знаковая система. Знание сохраняет себестождественность, если удерживается структура его значений (и что является дискуссионным — смысл). Таким образом, культурная преемственность начинается тогда, когда знание, транслированное из прошлой духовной культуры, сохраняет присущую ему структуру значений. В отличие от культурной преемственности, являющейся результатом межкультурного информационного взаимодействия, результат второго типа межкультурного взаимодействия (участие культурного наследия в генерации нового знания) может быть обозначен как культурно-историческая ассимиляция.

Революция в духовной культуре всегда предшествует революции в материальной сфере. Сначала происходит изменение сознания и только затем — изменение повседневного уклада жизни. В известном смысле новая культура лишена материального базиса, за исключением очагов революционной практики. Возникающая новая духовная культура, предполагающая новые мировоззренческие основания, оказывается в конкурентных отношениях со старой. Культурная конкуренция обладает определенной последовательностью² (таблица).

Тип культуры	Общественный статус культуры	Общественный статус культурного субъекта	Базовое требование к общественному существованию (базовая ценность)	Тип коммуникации с «другими»
Предшествовавшая	Доминирующий Конкурентный Репрессируемый	Репрезентативный Институционализированный Деинституционализированный	Объективный порядок Толерантность	Понимание Выборочное признание Культурная мимикрия
Последующая	Репрессируемый Конкурентный Доминирующий	Деинституционализированный Институционализированный Репрезентативный	Субъективация реальности Свобода в рамках порядка	Понимание Дискредитация Выборочная ассимиляция и культурная игра

Поясню эту таблицу. Она отражает ситуацию перехода европейских обществ к модерну, который остается незавершенным проектом. В извест-

¹ Примером является судьба наследия Гегеля, усвоенного еще в дореволюционной России и ставшего частью ее культуры. Жонглирование терминами немецкого мыслителя в эпоху «красных профессоров» сохранило номинацию слов, но исказило их смысл. Это преподносилось как усилие «поставить Гегеля с головы на ноги». Культурная игра выдавалась за адекватное прочтение текстов.

² Эта последовательность носит очевидный циклический характер. Взаимодействующие культуры осуществляют сходные действия, но не одновременно. Можно сказать, что процесс преемственности сам носит преемственный характер.

ном смысле модерн совпадает с движением Просвещения и секуляризацией. В ценностно-смысловом аспекте культуры европейских стран ориентированы по ценности модерна (современности), обосновывающие когнитивную и поведенческую самостоятельность личности. Конкурирующие культурные программы — традиционализм и постмодерн — пока не преодолели маргинального статуса, при этом традиционализм обоснованно рассматривается как культурное наследие минувшей эпохи.

Первые две характеристики — *общественный статус культуры и общественный статус ее субъекта* — подвижны, поскольку связаны со сменой и удержанием господства. Еще Платон отметил, что общество состоит из условных государств. Для античного автора это было «государство богатых» и «государство бедных». Стандартный тип отношения между ними — тихая гражданская война. При этом человеческий субстрат этих образований был одинаковым. Это были граждане одного государства, но ощущение их взаимосвязанности сменилось взаимным отчуждением. В платоновском диалоге «Пир» упомянуты только люди, репрессированные режимом. Сократ — символ репрессированной культуры, сознательно находящийся вне официальной институционализации.

Предшествующая культура всегда институционализированна. Она контролирует образование, искусство и медиа. У нее официальный статус возвестителя и толкователя истины, ее поддерживает государство. Новая культура всегда маргинальна, имеет статус частных, неформальных объединений. Таковой была редакционная коллегия универсального справочника «Энциклопедии, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Мирозрание новой культуры в предреволюционной Франции циркулировало в светских салонах, но совсем не было представлено в университетах. Наконец, все авторы французского Просвещения испытали недоброжелательное внимание цензуры. Известный общественный паритет конкурирующих культур был достигнут к концу эпохи Просвещенного абсолютизма, когда оппозиционные мыслители получили покровительство (довольно условное и двусмысленное) европейских монархов, ясно осознававших, что они имеют дело с «плебейской философией». Так, компромиссный И. Кант, с одной стороны, в конце жизни откровенно поддержал доктрину деизма, с другой — требовал свободы слова для экспертов и был демонстративно нелоялен к церкви. После упразднения *ancien régime* новая секуляризованная культура из гонимой превращается в гонительницу. Ни в том ни в другом случае нельзя говорить о честной конкуренции, поскольку оппоненты откровенно прибегали к использованию властного ресурса. Эти методы властного воздействия могут существенно различаться, но неизменным остается их ядро — требование личной лояльности к новому порядку. Лояльность может быть результатом как морального давления и дискредитации (как в революционной Франции), так и откровенного изъятия нежелательных элементов из культурного пространства (как в революционной России и Германии). Обеспечение лояльности сопровождается деинституционализацией старых культурных образований. Типичным примером оказывается секуляризация и отделение церквей от государства.

Базовое требование к общественному существованию. Революция — это всегда смена общественного и политического порядка. Охрана такого порядка оказывается основным требованием предшествовавшей культуры. Ее обычный аргумент — утверждение о том, что общественный порядок оказывается отображением сверхиндивидуального космического порядка, не терпящего произвола, и поэтому человеческие притязания к власти недопустимы. Такое умонастроение было выражено в знаменитом афоризме: один Бог на небе, один монарх на земле. Порядок как неизменность (и потому предсказуемость) противопоставляется изменчивой индивидуаль-

ной свободе, обвиняемой в «анархичности». Сменяющая ее культура, напротив, подчеркивает ценность личной свободы, доводя ее до требования субъективации реальности, практическим приложением которой виделись конвенциональность и мягкость общественного порядка. Индивид подчиняет себе ранее неподконтрольные ему условия существования, прежде всего политическую сферу. К XIX в. стремление к присвоению условий жизнедеятельности отобразилось в проекте нации, а затем и социального государства. Предшествовавшая культура, оттесненная на общественную периферию, противопоставляет «репрессивной толерантности» своих победителей (общественной свободой не может пользоваться ее враг), которые долгое время, в силу социальной инерции, составляют агрессивное меньшинство [2, с. 7]. Она готова в служебных целях эксплуатировать идеал свободы. Образцовым в этом отношении считается заявление французского клерикала в адрес республиканцев: «Я требую от вас свободы, поскольку она в ваших принципах, я отказываю в ней вам, потому что она не входит в число моих принципов».

Культурная коммуникация. Преемственность — это всегда коммуникация. Первоначально она носит характер взаимодействия и затем — одностороннего воздействия. Мы остановимся на двух аспектах коммуникации. Это проблема объективации коммуникации и проблема ее рефлексивности. Коммуникация представляет соединение живой и опредмеченной деятельности — носителя человеческой субъективности и объективированного текста. Живая деятельность начинает и завершает акт коммуникации (текст должен быть понят и усвоен в сознании получателя сообщения). Консервативный момент преемственности — это акты понимания. Понимание — это устойчивое воспроизводство содержания послания (культурного текста). В акте понимания получатель текста устойчиво (т. е. без информационных помех) опознает объект, зафиксированный отправителем. Акт коммуникации носит синхронный и аутентичный характер. Актуальность текста всегда поддерживается двумя субъектами информационной связи, которая носит характер взаимодействия (каждый участник коммуникации способен оповестить другого о сложностях понимания). Акт понимания делает текст защищенным от искажения. Классическим примером в этом отношении является полемика противника Французской революции Жозефа де Местра. Он непредвзято изложил доводы революционеров и увидел в них объективные основания.

По мере упрочения новой культуры и деинституционализации старой единство живой и опредмеченной деятельности в коммуникации разрушается, что ставит под вопрос аутентичность понимания. Постепенный уход носителей старой культуры делает коррекцию понимания культурного наследия проблематичной. Наследник остается с наследием, но без необходимого информационного посредника, каковым был носитель старых культурных смыслов. Знаменитый вопрос «Что действительно сказал Маркс?» приобретает постоянную злободневность.

Исчезновение культурных посредников порождает значимые коммуникативные эффекты. Понимание заменяется интерпретацией. Сохранение смысла терминов сопровождается изменением их значения. Развитие культуры презумптуруется как непрерывный и преемственный процесс, имеющий собственную природу и направленность развития. Происходит сочетание двух принципиально различных подходов: герменевтического («антикварного») и интерпретационного («презентистского»). В первом случае объект исследования фиксируется в его уникальности, специфичности. Исследовательская стратегия антикваризма (историзма) враждебна генерализации, привнесению в описание объекта языковых средств исследователя. В итоге это превращается в практику герменевтического вхождения

в объект и усвоение самоописания последнего, т. е. утрату какой-либо исследовательской дистанции. Это провоцирует скептицизм относительно ценности культурного наследия.

Презентистский контекст предусматривает установление соизмеримости идейных конструкций прошлого и достижений современной философской теории. Усвоению самоописания объекта здесь противопоставляется использование модельных представлений о философии вообще. Презентизм достигает соизмеримости объектов исторической реконструкции за счет момента исторической уникальности. Изучаемый автор превращается в носителя современной исследовательской проблематики, а его идеи становятся частным случаем современного дискурса и получают завершение в актуальных дискуссиях. Сам автор становится объектом полемики, которая осуществляется на языке его преемников. История становится непредсказуемой в зависимости от пристрастий исследователя. Такой подход представляется наиболее реализуемым и актуальным, ведь исследователь всегда устанавливает соизмеримость идейного наследия с проблематикой.

Интерпретация становится ничем не сдерживаемой игрой с прошлым. Текст изымается из закрепляющего его культурного контекста. Теперь ничто не мешает превратить циничного коллаборациониста или неадекватную девицу в спасителей Отечества.

Игры с культурным наследием не остаются безнаказанными. Рефлексивность культурной преемственности ослабляется и замещается стихийным процессом культурного усвоения.

Преемственность фрагментов культурного наследия различается по степени осознанности (рефлексивности). Для мировоззренческого ядра деинституционализированной культуры характерен стихийный процесс воспроизводства. Средой проникновения оказываются не институты духовного производства, а обыденное, массовое сознание, воздействующее на революционное поколение. В превратной и превращенной форме это поколение воспроизводит и транслирует старые культурные символы. Примером может служить «красная Пасха» в революционной России. Так происходит «вторжение в человеческую субъективность объективно заданной и культурной реальности» [3, с. 78]. Массовое сознание превращает идеи прошлого в паттерны повседневного поведения, не требующие не только обозначения, но и проговаривания. Идеи, перестающие опознаваться и превращающиеся в «облако» традиции, существуют вне концептуального оформления [4, с. 60]. Культурная преемственность реализуется как практика молчаливого большинства, сопротивляющегося затеям революционного авангарда. Например, в 20-х гг. XX в. провалилась большевистская попытка построить новую гендерную этику на основе принципов свободной любви мужчины и женщины. Массы же населения сохранили приверженность консервативному пониманию института семьи и брака, дождавшись ликвидации реформаторов. Общеизвестна устойчивость монархического сознания в России, благополучно пережившего несколько циклов культурной преемственности. Оно утратило связь с социальными условиями своего первоначального функционирования и мимикрировало в культ «революционного вождя» (затем — «вождя нации»). Этот «лучший друг советских физкультурников» имел мало общего с лидером освобожденного народа, зато был хорошо узнаваем как извечный «хозяин земли Русской».

Современную духовную культуру специфицирует выработка ею научного мировоззрения. Научное знание рассматривается как последовательно рефлексивное. Рефлексивность данного знания распространяется и на знание своего генезиса, собственных оснований. Основанием современной духовной культуры является буржуазная духовная культура в ее классиче-

ском элитарном варианте. Для того чтобы инокультурные основания были осознаны, они должны быть представлены в сознании субъекта современности и существовать как тексты, т. е. должны быть воспроизведены в ее системе.

Освоение культурного наследия на уровне понимания недостаточно для новой духовной культуры: нерелексивный способ фиксирует концептуальное, а не мировоззренческое различие двух культур. Релексия над культурным наследием рассматривается как начальный этап деятельности по производству специализированного уровня сознания, характеризующийся единством исторического (сохраненного содержания прошлой культуры) и логического (привнесенного последующей культурой). Представление всего культурного наследия в системе данной культуры релексивным способом — предел познавательного движения, тождественный завершению становления научного мировоззрения, полное знание его оснований. Релексивный способ преодолевает объективность культурного наследия как условия деятельности субъекта новой духовной культуры, и тем самым адекватен новому обществу, которое «делает невозможным все то, что существует независимо от индивидов» (К. Маркс). Этот процесс может быть только постепенным. Первоначальное освоение культурного наследия оказывается аутентичным его изначальным смыслом, а новая культура воспроизводит иллюзии прошедшей, усваивая ее самописание. Например, понимание государства в рамках концепта «общественного договора», когда властные учреждения рассматриваются как сервисные службы, обслуживающие граждан. Господствующая интерпретация не позволяла сформулировать вопрос, дискредитирующий «договорную концепцию»: каким образом слуги народа могут отдавать распоряжения нанимателю — народу-суверену? Релексивное отношение к усвоенному культурному наследию всегда избирательно: в нем выделяется содержание, которое совместимо с новой культурой, и та часть, которая бы деформировала новые ценности. Культура модерна отказалась от классических требований буржуазного эгалитаризма — идеи равенства всех перед законом как в юридическом смысле (заменив требованием привилегий «угнетенным» так называемой защиты прав меньшинств), так и в социальном смысле (предложив принцип «позитивной дискриминации»).

В заключение отметим, что культурная преемственность является сложным, многосоставным и по своей природе информационным процессом, необходимо связанным с революционными общественными изменениями, в котором присутствуют консервативная и новаторская составляющие. Накопленный в прошлом инструментальный социальный деятельности является ресурсом оптимизации человеческих усилий в ситуации неопределенности. Культурное наследие дает шанс осмыслить неизвестное через известное, осуществить контролируемую редукцию нового к старому. Во многом это зависит от того, окажется преемственность процессом осознанным или протекающим стихийно и создающим те же риски непредсказуемости.

Список источников

1. Рубанов В. Г. Понятие «преемственность» и его социальное измерение // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323, № 6. С. 103—109.
2. Ионин Л. Г. Восстание меньшинств. М. ; СПб. : Университетская книга, 2013. 237 с.
3. Колодина А. А. Преемственность культуры в обществе риска: философский анализ. М. : Изд-во ООО «ТРИП», 2016. 252 с.
4. Исаев А. А. Апория преемственности. М. : РГТУ, 2005. 479 с.

References

1. Rubanov V.G. Ponyatie «preemstvennost'» i ego sotsial'noe izmerenie [The concept of “continuity” and its social dimension], Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [The Proceedings of the Tomsk Polytechnic University], 2013, vol. 323, no. 6, p. 103—109.
2. Ionin L.G. Vosstanie men'shinstv [Minority Rebellion]. Moscow, Saint-Petersburg, Universitetskaya kniga, 2013, 237 p.
3. Kolodina A.A. Preemstvennost' kul'tury v obshchestve riska: filosofskii analiz [The Continuity of Culture in the Risk Society: A Philosophical Analysis]. Moscow, Publ. ООО «TRP», 2016, 252 p.
4. Isaev A.A. Aporiya preemstvennosti [The Aporia of continuity]. Moscow, RGGU, 2005, 479 p.

Информация об авторе

Ивонин Юрий Перфильевич — доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ivonin-yp@ranepa.ru

Information about the author

Yuri P. Ivonin — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ivonin-yp@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 10.09.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 15.09.2022.

The article was submitted 10.09.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Теоретические аспекты изучения нематериального наследия

Научная статья
УДК 94(41/99)

Академия общественных наук при ЦК КПСС: нематериальный вклад в становление общества знаний

Татьяна Семеновна Иларионова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, Российская Федерация, ts.ilarionova@igsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-5374>

Аннотация. В статье на основе материалов Российского государственного архива социально-политической истории рассматривается деятельность Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС — образовательной организации, которая стояла в центре системы партийной подготовки кадров в СССР после Великой Отечественной войны, обладала целым рядом привилегий и в то же время способствовала критическому осмыслению действительности. Самой большой привилегией преподавателей и аспирантов АОН при ЦК КПСС была возможность доступа к информации закрытого характера, участия в международных обменах. Эти две стороны деятельности Академии и рассматриваются в статье. Автор делает вывод, что в условиях послевоенного развития СССР был значительно расширен круг людей, которые имели представление о социалистической реальности и международной обстановке и способствовали изменению умонастроений в советском обществе.

Ключевые слова: Академия общественных наук при ЦК КПСС, образовательные учреждения, партийное образование, нематериальное наследие

Для цитирования: Иларионова Т. С. Академия общественных наук при ЦК КПСС: нематериальный вклад в становление общества знаний // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 17—25.

Theoretical aspects of the study non-material heritage

Original article

Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU: an intangible contribution to the formation of the knowledge society

Tatiana S. Ilarionova

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation, ts.ilarionova@igsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-5374>

Abstract. The article, based on the materials of the Russian State Archive of Social and Political History, examines the activities of the Academy of Social Sciences (AON) of the CPSU Central Committee, an educational organization that was at the center of the system of party training in the USSR after the Great Patriotic War, which had a number of privileges and at the same time helped to critically understand reality. The greatest privilege of professors and graduate students at the AON of the CPSU Central Committee was the ability to access information of a classified nature and to participate in international exchanges. These two sides of the Academy's activity are considered in the article. The author concludes that in the conditions of the post-war development

of the USSR was significantly expanded circle of people who had an idea of the socialist reality and the international situation and contributed to the change of mindsets in the Soviet society.

Keywords: Academy of Social Sciences under the CPSU Central Committee, educational institutions, party education, intangible patrimony

Для цитирования: Ilarionova T.S. Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU: an intangible contribution to the formation of the knowledge society. *Siberia Humanitarian*. 2023. № 1. С. 17—25.

Введение

Проблема изучения нематериального наследия того или иного народа нередко сводится исследователями к поискам ценностей, растворенных в материальной культуре. Однако здесь кроется немало ловушек, не позволяющих увидеть общественные процессы в их объеме и полноте. Продуктивен, на наш взгляд, другой, индуктивный, подход, когда появление того или иного, подчас искусственно созданного, социального института рассматривается с точки зрения преобразовательских последствий, меняющих характер, вид, плотность связей между людьми, группами, между государством и обществом, в целом в социуме.

Значение системы образования в нашей стране, как, наверное, и во многих других странах, требует именно такого индуктивного подхода, когда отдельные решения политического руководства страны, деятельность конкретных учебных заведений могли бы быть исследованы как приведшие в конечном счете к значимым и необратимым изменениям, к тому, что обозначается термином «прогресс» и является на протяжении двух последних веков важной целью цивилизационного развития.

Место АОН при ЦК КПСС в системе образования СССР

Академия общественных наук при ЦК ВКП(б) была создана во исполнение Постановления ЦК ВКП(б) от 2 августа 1946 г. «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников» [1, с. 39—48]. Показательно, что кадрами для партийных, советских и хозяйственных органов руководство страны озаботилось практически сразу (через год) после окончания Второй мировой войны. Конечно, в постановлении ставилась задача подготовки и переподготовки таких кадров, которые бы укрепляли режим, способствовали идеологическому воспитанию советского общества, гарантировали не просто стабильность, а незыблемость партийно-государственного строя и доминирование Коммунистической партии. Однако, как часто бывает с самого разного рода намерениями, цели, при видимости их достижения, оказываются не соответствующими ожиданиям и начинается новый этап развития, который вынуждает ставить новые (или, напротив, старые) цели. АОН при ЦК КПСС была привилегированным учебным заведением, у которого в советское время были предшественники, но не было аналогов, оно развивалось как головное учреждение в разветвленной и чрезвычайно важной для существования политического режима системе партийного образования. Однако привилегии, которыми располагали слушатели и аспиранты, профессора и преподаватели Академии, в конечном счете стали ориентиром для преобразования всего СССР.

К сожалению, история развития Академии практически не нашла своего отражения в научных трудах, отдельные воспоминания преподавателей или ответственных работников ЦК КПСС [2 ; 3, с. 253 ; 4] дают лишь отрывочные представления о том, каков был ее вклад в развитие страны.

Доступ к информации

Если проанализировать названия диссертационных исследований, которые проводились в стенах АОН при ЦК КПСС, то можно увидеть, что научного содержания в них не так много, в основном это были работы, целесообразность которых была продиктована исключительно идеологическими задачами. В центре внимания были вопросы партийного строительства, международного коммунистического и рабочего движения, научного коммунизма и диалектического материализма. Даже работы по экономике или социологии преследовали цель проповедовать, всячески подкреплять советскую концепцию развития общества. Часто научные руководители и сами аспиранты не очень утруждали себя даже при формулировании научной задачи. Например, видно, что только по кафедре истории ВКП(б) в 107 работах из 206 в заголовке содержалось слово «борьба» («Борьба партии большевиков за...», «Борьба партии большевиков против...») [5, с. 3—32]. Было много работ, посвященных восхвалению вклада Ленина и Сталина в самые разные сферы общественного развития («Ленин и Сталин об основных признаках общего кризиса капитализма», автор — Ф. И. Зорин, дата защиты — 17 декабря 1947 г. [5, с. 56]; «Проблема возможности и действительности в произведениях Ленина и Сталина», автор — А. И. Ристо, дата защиты — 10 февраля 1948 г. [5, с. 67]; «Ленин и Сталин о внесении социалистического сознания в рабочее движение», автор — Г. И. Масленников, дата защиты — 31 октября 1947 г. [5, с. 73]).

Все эти «труды» отличало жесткое выполнение правила добросовестного цитирования — ни труды В. И. Ленина, ни труды других деятелей партии не могли быть приведены без указания конкретного тома и страницы, откуда взята цитата; строгие требования предъявлялись к работам по истории — обязательной была ссылка на архивные источники. Однако только этим дело не ограничивалось. Академия добивалась того, чтобы ее обучающиеся и преподаватели имели доступ к информации ЦК КПСС. Практика закрытого информирования коммунистов о тех или иных событиях и решениях установилась еще в 1930-х гг. Академия не сразу была принята «в круг избранных». Спустя пять с половиной лет после ее создания, 16 апреля 1952 г., ректор Д. И. Надточеев направил куратору Академии М. А. Суслову просьбу «разрешить, по примеру Высшей Партийной Школы, систематически на закрытых партийных собраниях знакомить аспирантов, курсантов и преподавателей Академии с важнейшими решениями Оргбюро ЦК ВКП(б). Целесообразность этого мероприятия вызывается тем, что абсолютное большинство аспирантов и курсантов принимаются в Академию с руководящей партийной работы, а также тем, что многие из них работают над диссертациями по важнейшим вопросам политики партии в современный период» [6].

Утверждая темы и планы исследований, Академия стремилась всячески помогать начинающим ученым получать доступ к необходимой для них информации: речь шла о получении стенограмм Пленумов ЦК КПСС, писем ЦК КПСС и других документов за исследуемые периоды [7]. Большое внимание уделялось комплектованию библиотеки, получению книг и периодики из-за рубежа, переводной литературы. Переписка относительно увеличения бюджета Академии именно для покупки литературы велась постоянно. Вот как эта просьба ректором Академии Д. Надточеевым обосновывалась в 1953 г. в письме секретарю ЦК КПСС И. А. Михайлову: «Для всестороннего разоблачения современных реакционных теорий в повседневной учебной и научной работе Академии общественных наук необходима переводная иностранная литература. Государственное издательство иностранной литературы высылает в Академию лишь незначительную часть своих переводов (по одному списку). Прошу Вас решить вопрос о ре-

гулярном снабжении Академии всей переводной литературой по вопросам общественных наук» [8].

Кроме этого Академия открыла для себя еще один источник пополнения фондов, где хранилась литература с грифом «секретно». Им стал конфискат. В годы, когда начали активно действовать самые разные религиозные объединения, пытавшиеся привозить в СССР книги и брошюры своим братьям по вере, были существенно пополнены фонды, так необходимые созданному в 1964 г. Институту научного атеизма. Делалось это по согласованию с идеологическим отделом ЦК КПСС [9]. Таможня направляла ценными пакетами наложенным платежом Институту научного атеизма «по два экземпляра каждого вида задерживаемой литературы» [10].

Постоянно велась переписка и с архивами, причем находившимися не только в Москве, но и в других городах страны, чьи материалы были нужны аспирантам.

Однако доступ к закрытой литературе имел и оборотную сторону: сами диссертации подчас не допускались к открытой защите, согласование, а то и вымарывание многих мест из подготовленных текстов работ были неизбежны. Причем в цензуре участвовали практически все партийные и государственные органы, сами же дававшие доступ к своим материалам.

И все же такая политика неизбежно приводила к тому, что знать о действительном положении дел, владеть сведениями о происходящем, поверх пропаганды стремиться оценить развитие страны становится делом гуманитарной науки и — шире — советского общества. Диссертации были наполнены критическими оценками происходящего, в них давались рекомендации по улучшению работы партийных и советских органов, в том числе со ссылками на иностранные образцы.

Это проявилось в 1976—1977 гг. при проведении так называемого Обнинского эксперимента, когда силами преподавателей и аспирантов АОН была проведена масштабная оценка деятельности городского комитета КПСС в Калужской области. Ученые установили, что в отделы пропаганды и агитации поступает огромное количество устной и письменной информации о состоянии идеологической работы на местах. «Из общего количества письменной информации, поступающей в горкомы и райкомы партии, 41 процент приходится на неформализованные справки от партийных организаций, 21 процент — на справки, подготовленные собственно работниками партийного аппарата или членами его идеологических комиссий, 23 процента составляют материалы периодической, но тоже неформализованной отчетности. И только 7 процентов информации поступает в РК и ГК КПСС в форме, удобной для сравнительного анализа как во времени, так и по предприятиям. Поэтому работникам городских и районных комитетов партии приходится все больше времени проводить в кабинетах за переработкой поступающей информации, проводить множество не творческих, а сугубо технических операций по ее сбору, накоплению, систематизации и, в то же время, испытывать постоянную неудовлетворенность уровнем оценки состояния дел на местах, оценкой эффективности принятых решений. По данным экспертного опроса (если суммировать каждодневные затраты времени работников отделов пропаганды и агитации на переработку поступающей к ним информации), получается, что из 6 рабочих дней недели они приблизительно 3,5 дня полностью вынуждены заниматься только этой работой» [11].

Исследование дало толчок развитию новых управленческих технологий, повсеместному внедрению вычислительной техники, оптимизации деятельности партийных и советских органов, распространению научных методов руководства организациями, наконец, перевооружению самой Академии. АОН практически первой организовала собственный компьютерный центр, и он был задействован для дальнейшего проведения исследований

по проблемам общественных наук. Фактически шаг к информационному обществу с широким использованием компьютерных технологий был сделан именно тут.

Международное сотрудничество

С последним выстрелом Второй мировой войны, как известно, противостояние в Европе и мире не закончилось. Оно обрело новые формы, образовались новые альянсы, блоки и союзы, и напряженность, позже названная холодной войной, стала характеризовать международные отношения на протяжении многих десятилетий.

Итогом войны стало расширение «советского мира» — в орбиту влияния СССР вошли страны Восточной Европы, в большинстве из них стояли войска Советской армии, ширилось коммунистическое и рабочее движение, получавшее поддержку из СССР. Политика самоизоляции 1930-х гг. была уже в прошлом, и новый внешний курс только силами дипломатии обеспечить было уже невозможно. Нужно было включать в работу по установлению отношений с партнерами из-за рубежа новых игроков, проверенных, идеологически подкованных, и одним из таких, если не первым, стала рассматриваться Академия общественных наук. Это нашло свое отражение еще в Постановлении ЦК ВКП(б) от 2 августа 1946 г. «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников» [1, с. 39—48], в котором ставились задачи для вновь создаваемой академии, среди них была и подготовка кадров для международной деятельности. Создавались кафедры экономики и политики зарубежных государств и международного права, международных отношений, позже эти подразделения были преобразованы в кафедру истории международного коммунистического и рабочего движения. Много внимания уделялось изучению аспирантами иностранных языков — эти занятия занимали самое большое место в учебном плане. Предполагалось, что расширение лингвистических компетенций позволит аспирантам в последующем активно участвовать в установлении и развитии связей СССР с внешним миром. В 1946 г. среди приоритетных языков был немецкий — из 15 членов кафедры восемь были преподавателями именно немецкого языка [12].

АОН при ЦК КПСС стала выполнять своего рода дипломатические функции, налаживая отношения сначала со странами народной демократии, а позже активно участвуя в обмене студентами и учеными с университетами и научными центрами капиталистических стран. Причем на первых порах Академия была по преимуществу принимающей стороной. Так, первый полноценный визит иностранных коллег (из Польши) состоялся в сентябре 1950 г., он потребовал напряжения сил десятков преподавателей и сотрудников, которые были обязаны организовать встречи на должном идеологическом уровне. Поляки хотели ознакомиться с организацией архивного дела в СССР и работой одного из госархивов; с Высшей партийной школой при ЦК ВКП(б); истфаком и кафедрой славяноведения Московского государственного университета; Институтом славяноведения Академии наук СССР. Они просили также устроить встречу с советскими историками, занимающимися историей Польши, экскурсию в Ленинград [13].

Большое значение придавалось обмену литературой. Так, в ту же Польшу в декабре 1950 г. были отправлены книги АОН — всего 17 наименований [14].

С 1955 г. поездки аспирантов в страны народной демократии становятся постоянными. В 1955 г. на 45 дней аспиранты направлялись в Польшу [15], Чехословакию [16], Китай [17]; в 1956 г. — в ГДР, Болгарию [18]; Китай [19]. Интенсивность возрастает после XX съезда КПСС. Конечно, за границу направлялись проверенные кадры. Но требовались не только идеологиче-

ская подкованность, но и знание языка, страноведческая компетентность. Из письма в ЦК КПСС ректора АОН И. Дорошева от 20 марта 1956 г.:

«Академия общественных наук при ЦК КПСС просит разрешить научные командировки аспирантам Академии тт. Баскакову С. И. в Болгарскую Народную Республику, Новодрану В. А. и Ольшанскому П. Н. в Польскую Народную Республику на время их учебной практики по 45—50 дней.

Тов. Баскаков С. И. — аспирант III курса кафедры новой истории работает над диссертацией по теме: „Коммунистическая партия Болгарии в борьбе за создание и укрепление союза рабочего класса и крестьянства (1944—1954 гг.)”. Для работы над избранной темой тов. Баскакову требуется изучить материалы в Институте истории Академии наук Народной Республики Болгарии, в библиотеке им. Коларова (г. София), в Дирекции статистики и в комитетах Отечественного фронта в гг. Пловдиве и Сталино. Тов. Баскаков С. И. знает болгарский язык.

Тов. Новодран В. А., аспирант III курса кафедры новой истории, работает над диссертацией по теме: „Борьба польского народа за свободу и независимость в период Второй мировой войны (1941—1943 гг.)”. Для изучения истории Народного фронта в Польше тов. Новодрану потребуется работа в архиве истории партии ЦК ПОРП, в архиве новейшей истории, в архивах воеводств: Варшавском, Краковском, Люблинском и Лодзинском. Тов. Новодран знает польский язык» [20].

Некоторые поездки выглядели как настоящие спецоперации. Одной из подобных операций стал выезд в 1958 г. в Соединенные Штаты Америки, в Колумбийский университет, Александра Николаевича Яковлева, в последующем секретаря ЦК КПСС, а тогда молодого человека, фронтовика, орденосца, аспиранта третьего курса кафедры новой истории АОН при ЦК КПСС [21]. Яковлев ранее окончил исторический факультет Ярославского педагогического института, владел английским языком, некоторое время работал преподавателем в своем родном вузе, а потом перешел на партийную работу. В Академии, куда он поступил учиться, «проявил себя принципиальным и зрелым политическим работником. В течение двух лет он избирается в состав партийного комитета и работает в качестве зам. секретаря парткома Академии». Официально подобную стажировку продолжительностью в целый год организовывало Министерство образования, и было принято решение, чтобы Яковлев отправился в поездку не как аспирант Академии: в «соответствии с указанием ЦК КПСС аспирант Академии общественных наук тов. Яковлев А. Н. командировается в научных целях в Соединенные Штаты Америки в качестве аспиранта Ярославского Педагогического института, на основе соглашения о взаимном обмене группами студентов США и СССР» [22].

Нужно ли напоминать, что именно такие люди, как А. Н. Яковлев, внесли позже неоценимый вклад в преобразование СССР, в то чтобы страна стала более открытой миру, развивалась и в конечном счете пошла по пути демократии.

В длительные командировки выезжали и преподаватели. Их задачей на первых порах было организовать по образу и подобию АОН партийные академии в социалистических странах — разработать учебные планы, наладить отбор аспирантов, поставить на ноги кафедры.

По завершении своих поездок и аспиранты, и преподаватели, помимо подготовки научных трудов и диссертаций, готовили для ЦК партии аналитические записки, в которых откровенно делились своими мыслями по поводу советской политики за рубежом. Вот, для примера, выдержка из записки аспиранта А. Глуговского от 22 декабря 1956 г. о его пребывании в Бухаресте:

«1. В самом городе, в квартале, где проживает один из сотрудников института, расположены 2 советские воинские части. Одна из них занимает

небольшой двор, окруженный со всех сторон жилыми домами, куда выходят окна многих квартир. Начиная с 6 ч. утра, т. е. с подъема, и вплоть до отбоя во дворе идет обычная жизнь воинской части. Особенно тяжело приходится жителям квартала по воскресеньям, когда каждый рассчитывает спокойно отдохнуть или поработать дома (Здесь проживают в основном партийные работники Бухареста).

В воинской части с утра вступает в действие на предельную мощность радиоло, в одном конце играет гармонист, в другом шум и крик на волейбольной площадке, откуда мяч нередко попадает в окна. Мой собеседник с горечью говорил, что в выходные дни они не имеют возможности ни отдохнуть, ни поработать. „Иногда закрываешься одеялом, кладешь на голову подушку, чтобы поспать час-другой после обеда, но увь!”

В свое время жители через уличный комитет обращались к командиру части и просили его не пускать радиолу так громко, однако все продолжалось по-прежнему...

2. 22 октября с. г. я побывал в советской военной комендатуре в Бухаресте за разрешением на проживание в гостинице „Мунтения”. Нас встретил рядовой солдат, который на неряшливом клочке бумаги написал по-русски разрешение.

Не берусь судить о целесообразности советской комендатуры в Бухаресте, но и здесь очевидно необходимо соблюдать элементарные правила приличия и сноситься с администрацией румынской гостиницы более культурным образом и конечно на румынском языке.

3. В гостинице „Мунтения” я познакомился с механиком здания, который любезно согласился провести меня на телефонную станцию. Он мне поведал, что пользуется большим доверием у русских офицеров, которые проживают в указанной гостинице, что они его часто берут с собой в офицерский ресторан. Кроме похвал по их адресу, он рассказал мне „по секрету”, что иногда бывают и серьезные скандалы, когда офицеры, изрядно напившись, не хотят платить и т. д. Однажды, кажется в комнате гостиницы, дело дошло до того, что один из офицеров направил на механика пистолет и угрожал застрелить. Правда, на второй день после отрезвления он же на коленях просил у механика прощения и возврата пистолета, который был у него отобран.

4. Очень болезненно реагировала румынская интеллигенция на проводившуюся в Молдавской ССР линию отрыва молдавского языка от румынского, что просто-напросто противоречит элементарному здравому смыслу.

Кроме того, румынские товарищи не понимают, почему некоторые официальные представители Молдавской ССР, побывавшие в Румынии, предпочитают разговаривать с румынами через переводчика, вернее по-русски» [23].

Как мы знаем из истории, далеко не все эти критические замечания были услышаны людьми, принимавшими в СССР решения по вопросам внешней политики. Но тут важно другое: ширился круг тех, кто вовлекался в международные обмены, кто видел иную жизнь, кто понимал, что многое можно было бы позаимствовать у коллег из-за рубежа, кто критически оценивал советскую действительность, кто проникался идеей нового связанного, глобального мира. Не случайно, что в постсталинский период укрепляются идеи разрядки и сотрудничества с зарубежными странами — у этой перемены курса уже оказалась сформированной социальная база, и преподаватели с аспирантами АОН при ЦК КПСС были одними из ее драйверов. Это и было тем самым нематериальным наследием, которое повлияло в значительной мере на изменение советского режима в целом.

Заключение

Академия общественных наук при ЦК КПСС — одна из важнейших образовательных организаций, влиявших в советское время на карьерный рост тех, кто приходил сюда на обучение. Возникнув в 1946 г., с годами она стала обязательным звеном в партийном аппарате, неотъемлемой его частью, выполняла функцию фильтра для номенклатуры, обеспечивала приток новых сил в ряды высокопоставленных работников, способствовала их ротации. Значение Академии для формирования советской элиты (партийной номенклатуры, хозяйственного актива) трудно переоценить. Ее привилегированное положение среди других образовательных учреждений в то же время свидетельствовало о значении образования и науки в советское время в целом. В СССР создается, разумеется на основе марксистско-ленинской теории, настоящее общество знаний, в основе которого — обязательное получение образования. Такое отношение к образованию после Великой Отечественной войны приходит на смену назначению кадров исключительно с опытом практической работы, самоучек. Образование, доступ к которому получают люди самого разного происхождения, нивелирует предвоенную стратификацию общества на «пролетариев», «выходцев из крестьян» или «социально чуждые элементы». Образование позволяет установить новую «цену» человеку: становится престижным получать высшее образование, приобретать дополнительные компетенции. Сегодня можно с полной ответственностью утверждать: такие институты образования, как АОН при ЦК КПСС, которые были бастионами догматического и даже регрессивного знания, как раз и способствовали возникновению новой структуры общества, утверждению новых ценностей, подготавливали масштабные социальные и политические перемены.

Список источников

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 8 : 1946—1955 гг. 9-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1985.
2. Биккенин Н. Б. Как это было на самом деле: сцены общественной и частной жизни. М., 2003. 542 с.
3. Пихоя Р. Г. Историк в потоке времени. М., 2021. 278 с. URL: https://lai-urgi.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15173/news/pikhoia/ISTORIK_V_POTOKE_VREMENI.pdf?fbclid=IwAR29gHMIh5fxJ_joY7GjtBjmVGH-fPjDJgx8Tm9AL1JBOS6igg2MrQkAfx8 (дата обращения: 12.04.2022).
4. Соколов В. М. Интересная жизнь... Интересные времена...: Общественно-биографические, почти художественные, в меру правдивые записки. М. : У Никитских ворот, 2021. 540 с.
5. Кандидатские диссертации, защищенные в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) за 1947—1950 гг. М. : АОН при ЦК ВКП(б), 1951. 100 с.
6. Российский государственный архив социально-политической истории — РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 6. Л. 24.
7. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 14. Л. 63.
8. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 8. Л. 4.
9. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 25. Л. 18.
10. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 25. Л. 17.
11. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 208. Л. 9, 12—13.
12. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 1. Л. 3—4.
13. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 3. Л. 83.
14. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 3. Л. 114—115.
15. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 4. Л. 148.
16. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 4. Л. 149.
17. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 4. Л. 152.
18. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 4. Л. 158.
19. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 4. Л. 159.
20. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 13. Л. 15.

21. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 14. Л. 122—123.
22. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 14. Л. 139.
23. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 13. Л. 99—101.

References

1. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898—1986) [The Communist Party of the Soviet Union in the resolutions and decisions of the congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898-1986.)]. Vol. 8 : 1946—1955 gg. ed. 9. Moscow, Politizdat, 1985.
2. Bikkenin N.B. Kak eto bylo na samom dele: stseny obshchestvennoi i chastnoi zhizni [How it really happened: scenes of public and private life]. Moscow, 2003, 542 p.
3. Pikhoya R.G. Istorik v potoke vremeni [A Historian in the flow of time]. Moscow, 2021. 278 p. Available at: https://lai-urgi.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15173/news/pikhoia/ISTORIK_V_POTOKE_VREMENI.pdf?fbclid=IwAR29gHMLh5fxJjoY7GjtBjmVGH-fPjDJgx8Tm9AL1JBOS6igg2MrQkAfx8 (accessed: 12.04.2022).
4. Sokolov V.M. Interesnaya zhizn'... Interesnye vremena...: Obshchestvenno-biograficheskie, pochtikhudozhestvennyye, v meru pravdivye zapiski [Interesting Life... Interesting Times...: Social and biographical, almost artistic, moderately truthful notes]. Moscow, U Nikitskikh vorot, 2021. 540 p.
5. Kandidatskie dissertatsii, zashchishchennyye v Akademii obshchestvennykh nauk pri TsK VKP(b) za 1947—1950 gg. [PhD dissertations defended at the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in 1947-1950] Moscow, AON pri TsK VKP(b), 1951, 100 p.
6. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii — RGASPI [Russian State Archive of Social and Political History - RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 6, p. 24.
7. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 14, p. 63.
8. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 8, p. 4.
9. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 25, p. 18.
10. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 25, p. 17.
11. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2, fol. 208, p. 9, 12—13.
12. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 1, fol. 1, p. 3—4.
13. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 3, p. 83.
14. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 3, p. 114—115.
15. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 4, p. 148.
16. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 4, p. 149.
17. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 4, p. 152.
18. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 4, p. 158.
19. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 4, p. 159.
20. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 13, p. 15.
21. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 14, p. 122—123.
22. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 14, p. 139.
23. RGASPI [RSASPH], coll. 606, aids 2/s, fol. 13, p. 99—101.

Информация об авторе

Иларионова Татьяна Семеновна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ts.ilarionova@igsu.ru

Information about the author

Tatiana S. Ilarionova — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Public and Municipal Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: ts.ilarionova@igsu.ru

Статья поступила в редакцию 10.09.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 15.09.2022.

The article was submitted 10.09.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 26—31.
Siberia Humanitarian. 2023;(1):26—31.

Теоретические аспекты изучения нематериального наследия

Научная статья
УДК 94 (47)+297:908

Об особенностях идентификации мусульман азиатской части России

Александр Павлович Ярков

Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация, ayarkov@rambler.ru

Аннотация. Умма азиатской части России в ходе развития всегда представляла собой неравновесную систему. Она состояла и состоит из элементов (личности и сообщества, связи между ними и окружающей средой, консервативные или прогрессивные убеждения и представления), каждый из которых в процессе культуротворения вносит вклад в характеристики этой системы и влияет на идентификацию всех своих членов.

Ключевые слова: умма азиатской части России, система, идентичность, время и обстоятельства

Для цитирования: Ярков А. П. Об особенностях идентификации мусульман азиатской части России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 26—31.

Theoretical aspects of the study non-material heritage

Original article

Peculiarities of identification of Muslims in the Asian part of Russia

Alexander P. Yarkov

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, ayarkov@rambler.ru

Abstract. The Umma of the Asian part of Russia in the course of its development has always been a non-equilibrium system. It was and is composed of elements (personalities and communities, connections between them and the environment, conservative or progressive beliefs and ideas), each of them contributes to the characteristics of this system in the process of cultural formation and influences the identification of all its members.

Keywords: The Umma of Asian Russia, system, identity, time, and circumstances

Для цитирования: Yarkov A.P. Peculiarities of identification of Muslims in the Asian part of Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023. № 1. С. 26—31.

Идентификация жителя азиатской части России всегда была различна: на уровне его гражданства (если фиксировалась в прошлом), внутри группы (этноса или конфессии), от наблюдающих со стороны.

В научной литературе представлены два взгляда на историю исламизации сибирских территорий. В некоторых научных изданиях говорится о том, что 1394—1395 гг. — время массового приобщения (через военные действия) к исламу жителей Прииртышья, ставшего первым в мегарегионе по времени и числу обращенных. Однако этот факт не находит подтверждения в письменных источниках и археологических материалах, отразившись только в местных тюркских рукописях в арабской графике — сачара. Подлинные или мнимые могилы погибших от рук непокоренных язычни-

ков миссионеров (шейхов) из Средней Азии — астана стали объектом почитания, а в условиях отдаленности от Мекки их посещение — «временным заместителем» хаджа. Большинство ученых считают, что лишь спустя столетия мирными усилиями, обогатившись местными языческими элементами, родился феномен сибирского ислама.

Первыми в период развитого Средневековья (в Европе это уже Возрождение) осознали себя мусульманами не кочевавшие по лесам и степям тюркские племена (еще не татары и казахи), а правители. Их исламские имена свидетельствуют о постепенно закрепившихся традициях. Известно, что один из сибирских правителей — хан Шибан позиционировал себя наместником Аллаха, который якобы возглавлял «истинных мусульман», охранял ислам во всей чистоте, а также уничтожал еретиков и отступников. Именно он присвоил титул имам уз-заман ва халифат-ур-Рахман — имама эпохи и халифа милосердного, что могло стать причиной включения этого образа в предания сибиряков, проживавших на периферии мусульманского мира.

В период другого правителя — Сайид Ибрахима Сибирское ханство укрепилось, но ислам не стал государственной религией. Сообщения источников о роли там ислама фрагментарны, хотя в грамоте московскому правителю Сайид Ибрахим пишет: «Яз — бесерменской государь, а ты христианской государь, от сех мест вперед меж бы нас добродетель бы наша была» [1, с. 18]. Упоминание «царства бесерменского в Сибири» не является свидетельством массовой принадлежности к исламу: край оставался пестрым в этноконфессиональном отношении. А преимущественно кочевой или полукочевой уклад хозяйства никогда не способствует закреплению монотеизма. Примеры — по всему миру.

Факты постепенного утверждения в массах ислама находят отражение в упомянутых сацара. О закреплении некоторых исламских традиций как своих говорят похоронные обряды: например, атаман Ермак погребен отдельно как иноверец.

Ненасильственная конфессиональная ассимиляция обуславливалась тем, что, с одной стороны, существовали границы религиозной общности, а с другой стороны, жесткого конструирования образа Другого как врага по отношению к язычникам не могло быть в среде местных мусульман, многие из которых были рождены от браков тюрков и угров. Сохранившиеся у них не только культ предков, но и элементы прежних верований образовали синтетический образ.

Чтобы «включить» архаичные элементы в исламские ритуалы, хан Кучум пригласил из Бухары и Хивы богословов — улемов, объехавших астану и ознакомившихся с местными традициями. В результате сакральные для сибиряков элементы стали признанными, а ритуалы, включая поминовение предков, допустимыми. Для значительной части тюрков этнокультурная идентичность стала с того времени совпадать с исламской, в том числе с помощью преданий о шейхах и астана.

Османский чиновник Сейфи Челеби говорил о самом Кучуме как стороннике ханафитской ветви суннизма: «...он мусульманин, принадлежащий к вероисповеданию Имама Азама» [2, с. 261], в русских летописях встречаются неоднократные упоминания о Кучуме как «бесурманском сибирском царе» [3, с. 22]. Пришелец с мечом из Средней Азии стал своим, а родством с ним (генетическим или мифическим) до сих пор гордятся некоторые сибиряки.

Вхождение Сибири в состав Российского государства, с одной стороны, привело к консолидации местной уммы и осознанию себя муслимом, с другой стороны — «некрепких в вере» вернуло к язычеству предков или привело в христианство. Зная, что многие из первых жителей Тюмени, Тары, Тобольска были крещеными татарами, нельзя считать эти города только рус-

скими. Это не соответствует генетическим материалам и культурологическим аксиомам: носитель этнокода не может в один момент стать Другим, а прежняя культура не может стать и спустя годы чужой.

В «Большой России» всегда была сложной схема межличностных отношений. Примеры есть и в азиатской ее части, где на социальной и этноконфессиональной основе казахи именовали всех служилых татар «бухара»; в ведомости Тюменской воеводской канцелярии 1746 г. указывалось: «...бухарцы и татары называют русских людей орус, а себя называют мусельмане» [4, с. 209—210]. Эуштинцев в 1770-е гг. характеризовали как «добрых мусульман», а многие телеуты и чаты еще долго оставались «язычниками» [5].

Нагнетание информации, например, о мусульманском фанатизме формировало (сохранилось и в XX в.) определенные стереотипы. Это углубляло социальный и психологический антагонизм между «русским центром» и коренным населением мегарегиона, типизировавшимся с помощью терминов «азиат», «мусульманин», «татарин», попадающим в обобщенно-политическую категорию зла.

Такое отношение к исламу со стороны «русского центра» осложняло управление окраинами. Это отразилось, например, в переписи 1897 г. Тогда многие из мусульман были напуганы известием о переписи, собираясь в мечетях и в резиденциях у мулл. Некоторые из более разумных инородцев приезжали в Тару за разъяснениями. В результате переписи все же удалось установить, что в Амурской, Забайкальской, Енисейской, Иркутской, Приморской, Тобольской, Томской, Якутской губерниях и областях проживало 170 875 мусульман.

Идентичность по религиозному признаку на фоне не оформившегося этнического (тугумная принадлежность важнее) — всего лишь ответ на вызов эпохи — миссионерское давление РПЦ и русификаторское со стороны правительства.

Рубеж XIX и XX вв. продемонстрировал изменение идентичности. Иногда это делило этнос: в Среднем Приобье если одни помнили о происхождении от башкирских/уфимских татар и называли себя не только усредненно «татар-башкурт», но и вполне определенно — «мусульмане», то западные и южные манси исчезли, ассимилированные татарами и русскими, соответственно ставшие мусульманами или православными.

Значимо укрепление в годы революций и Гражданской войны идеи самоорганизации, а традиционной формой ее проявления стали национально-культурные автономии тюрко-татар и съезды: всесибирские, областные, уездные, волостные и т. д., названные «мусульманскими». Это наименование, как полагал С. М. Исаков, не абстракция. Оно отражало существование общины (общности, социума) российских мусульман (на основе их самоощущения), включавших различные этносы [6, с. 72—73]. Большинство мусульман не отделялось от инородцев, откликаясь на инициативы. Так, от имени делегатов-инородцев Томского губернского народного собрания (проходило в апреле — мае 1917 г.) телеграмму Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов подписал казах Кынев, а съезд представителей инородческих волостей Алтая в июле 1917 г. приветствовал представитель благотворительного общества З. Т. Габдулхаков.

В советские годы продолжилось административное переустройство Сибири и Дальнего Востока, связанное со стремлением «огосударствить этничность», порою рождая конфликты (но, заметим, не кровавые). Татары, бухарцы, казахи и башкиры, жившие на границах республик, оказались «разорванными», но это компенсировалось их конфессиональной принадлежностью. Сохранялась и «плавающая этничность»: иные сибиряки определяли себя согласно тугумным представлениям, а лишь затем — татарами (бухарцами, башкирами, казахами), но в представлении верующих — «все-

гда мусульмане». Поэтому у многих процесс административно-территориального размежевания не вызвал той реакции, какая наблюдалась в других регионах СССР после «топорного разделения».

Поскольку религия выступала критерием этнической и языковой идентичности, то в первые годы советской власти это отражалось в наименованиях: например, тобольский мусульманский детский дом. В немногочисленных мусульманских ячейках РКП(б) и РКСМ еще только шло формирование советских кадров управленцев.

В последующий период власти решили искоренить религиозность, но если внешне эти дела решались просто, то внутренне все обстояло сложнее (опрос учащихся в школах показал — число верующих колебалось от 28 до 80 %). Вера уходила в приватную сферу, институализировалась в этике, капсулировалась в традициях и самосознании [7, с. 146]. На этом фоне показательно, что в советских переписях 1920-х гг. нагайбаки фиксировались отдельно, но с 1930-х гг. их записывали татарами. Тем не менее к религии далеких предков, за редким исключением, они не вернулись. Все советские годы мусульманки через одежду и особо повязанный платок могли «говорить» о своей принадлежности. Мужчины же надевали головной убор только в ритуальных случаях. А вот борода укрепляла их повседневную самоидентификацию.

Возрождение исламской духовной жизни в 1990-х гг. в мегарегионе проходило неоднозначно. Появились общины в тех регионах Дальнего Востока и на севере Сибири, где ислам никогда не исповедовался. Строились мечети и молельные дома за счет личных средств, при финансовой помощи местных и зарубежных спонсоров. Последние настораживали большинство здравомыслящих и возрастных мусульман. Все чаще появлялась информация о приобщении молодежи к социально опасным идеям, а то и о фактах вовлечения их в незаконные вооруженные формирования. В домашних мечетях существовала агитация за выезд в горячие точки для борьбы с кафирами, к которым вербовщики причисляли и тех, кто поддерживал светское устройство государства.

В 2010 г. в Тюменской области 60,8 % опрошенных татар считали себя мусульманами. Но большинство из них не отличали религиозные праздники от остальных (семейные, календарные и др.). Между тем на идее возрождения и укрепления идентичности основывались те, кто пытался при введении в школах предмета «Духовно-нравственное воспитание» апеллировать к родителям при выборе курса для детей («Основы мусульманской культуры», «Основы православной культуры» и др.).

Специфично положение с самосознанием у живущих в Сибири и на Дальнем Востоке русских мусульман, поскольку их предки ислам не исповедовали. Настораживает, что эта группа неофитов чаще устремляется в радикальный исламизм, не постигнув духовной глубины предписанного Аллахом. Оттуда непонимание, что главное в большом джихаде — борьба с неверием в самом себе и окружающем мире (например, Министерство сельскохозяйственного джихада в Иране), а малый джихад (газават) вправе объявить лишь общепризнанный авторитетный шейх-уль-ислам при определенных условиях.

Нередко ислам воспринимался как неразрывная (обязательная) идентичность: «если татарин/азербайджанец, значит мусульманин». Случаи принятия ислама русскими, немцами, украинцами, евреями (или христианства — мусульманами или иудеями по происхождению) есть лишь воплощенное право личности, а не обязательное предписание.

Анализируя совокупность многих факторов и явлений, оказавших влияние на умму мегарегиона, можно сделать вывод, что эта общность представляет собой неравновесную систему. Она состоит из элементов (личности и сообщества, связи между ними и окружающей средой, консер-

вативные или прогрессивные убеждения и представления), каждый из которых в процессе культуротворения вносит вклад в характеристики этой системы.

В сложных условиях современного мира, где конфликты государств разрушают общегражданский мир, важно оставаться автономно мыслящей личностью, отвергая идею высшей расы/этноса/религии.

Список источников

1. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1508 гг. М. : Наука, 1984. 435 с.
2. Султанов Т. И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник 2003—2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М. : Восточная литература, 2005. 375 с.
3. Летописи сибирские. Новосибирск : Наука, 1991. 234 с.
4. Трофимова О. В. Ведомость Тюменской воеводской канцелярии 1746 года как источник по этнической истории татар // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию академика Д. Г. Тумашевой. Тюмень : Изд-во Тюменского госуниверситета, 2007. С. 207—212.
5. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента : в 8 т. Т. 6: Записки Путешествия Академика Фалька. СПб. : Императорская Академия Наук, 1824. 560 с.
6. Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М. : Наука, 2004. 186 с.
7. Ярков А. П. Сибирский ислам как фактор региональной политики // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт : материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2012. С. 142—149.

References

1. Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogaiskoi Ordoi. 1489—1508 gg. [The embassy book on relations between Russia and the Nogai Horde. 1489-1508]. Moscow, Nauka, 1984, 435 p.
2. Sultanov T.I. Izvestiya osmanskogo istorika XVI v. Seifi Chelebi o narodakh Tsentral'noi Azii [The 16th-century Ottoman historian Seifi Chelebi's notes about the people of Central Asia], *Tyurkologicheskii sbornik 2003—2004: Tyurkskie narody v drevnosti i srednevekov'e* [The Turkic collection 2003-2004: Turkic peoples in antiquity and the Middle Ages]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2005, 375 p.
3. Letopisi sibirskie [The Siberian chronicles]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 234 p.
4. Trofimova O.V. Vedomost' Tyumenskoi voevodskoi kantselyarii 1746 goda kak istochnik po etnicheskoi istorii tatar [The register of the Tyumen Provincial Office of 1746 as a source for the ethnic history of the Tatars], *Tumashevskie chteniya: aktual'nye problemy tyurkologii : materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu akademika D.G. Tumashevoi* [The Tumashev readings: topical problems of turkology : materials of the All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of academician D.G. Tumasheva]. Tyumen', Publ. Tyumenskogo gosuniversiteta, 2007, pp. 207—212.
5. Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoyu Akademiei Nauk, po predlozheniyu ee prezidenta [The complete collection of scientific travels in Russia, published by the Imperial Academy of Sciences, at the suggestion of its president], v 8 vol. vol. 6: Zapiski Puteshestviya Akademika Fal'ka. Saint-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1824, 560 p.
6. Iskhakov S.M. Rossiiskie musul'mane i revolyutsiya (vesna 1917 g. — leto 1918 g.) [Russian Muslims and the Revolution (Spring 1917 - Summer 1918)]. Moscow, Nauka, 2004, 186 p.
7. Yarkov A.P. Sibirskii islam kak faktor regional'noi politiki [The Siberian Islam as a factor in regional politics], *Razvitie politicheskikh institutov i protsessov: zarubezhnyi i otechestvennyi opyt* [The development of political institutions and processes: foreign and domestic experience], *materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Omsk, 2012, pp. 142—149.

Информация об авторе

Ярков Александр Павлович — доктор исторических наук, руководитель учебно-методического направления, Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация. E-mail: ayarkov@rambler.ru

Information about the author

Alexander P. Yarkov — Doctor of Historical Sciences, Head of the educational and methodological direction, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation. E-mail: ayarkov@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 16.09.2022; одобрена после рецензирования 19.09.2022; принята к публикации 21.09.2022.

The article was submitted 16.09.2022; approved after reviewing 19.09.2022; accepted for publication 21.09.2022.

Теоретические аспекты изучения нематериального наследия

Научная статья
УДК 39 (323.1)+168

Потенциал категории «этничность» (на примере этнической идентичности российских немцев)³

Елена Александровна Шлегель

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. Омск, Российская Федерация,
lena_shlegel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5972-0120>

Аннотация. С конца XX в. в связи со становлением многих независимых государств актуализация этнического самосознания через различные факторы этничности приобрела особое значение. Возродился интерес и к существующим теориям этничности. В начале статьи рассматриваются научные взгляды на предмет существенных характеристик этничности, раскрываются психологические факторы этнической самоидентификации человека. Затем на примере российских немцев, как этнической группы, рассматриваются факторы актуализации этнического самосознания на современном этапе. В тексте уделяется внимание механизмам формирования образа «мы», общих этнических интересов и чувства принадлежности к группе. Для решения поставленных задач использовался метод этносоциологического опроса, проведенного в 2020 г., включенного наблюдения и интервьюирования во время этнографических экспедиций по Омской, Новосибирской областям и Алтайскому краю. Также проводился мониторинг деятельности общественных организаций российских немцев в СМИ и на интернет-порталах. Выявлено, что на современном этапе решающую роль в процессе актуализации этнического самосознания группы играют общественные организации российских немцев, которые формируют соответствующий единый образ через создание художественной, мемуарной, научно-популярной и учебной литературы, документальных и художественных фильмов. Самоорганизация немцев формирует и этнические интересы группы, главный из которых — создание условий для реализации этнокультурного потенциала. В конце статьи сделан вывод о том, что этническая идентичность немцев является сложной и многоуровневой по своему составу. На нее оказывают влияние историческое прошлое группы, место проживания, компетенции в родном языке, религия и общественные организации. При этом, по свидетельству многих представителей этнической группы, чтобы чувствовать себя немцем, достаточно только факта рождения в немецкой семье.

Ключевые слова: этничность, этническая идентичность, самосознание, российские немцы, общественные организации, родной язык, этническая история, Международный союз немецкой культуры

Для цитирования: Шлегель Е. А. Потенциал категории «этничность» (на примере этнической идентичности российских немцев) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 32—39.

The Potential of the category “ethnicity” (on the example of the ethnic identity of Russian Germans)

Elena A. Shlegel

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. Dostoevsky Omsk State University. Omsk, Russian Federation, lena_shlegel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5972-0120>

Abstract. Since the end of the 20th century, in connection with the formation of many independent states, the actualization of ethnic identity through various factors of ethnicity has become particularly important. There is a renewed interest in existing theories of ethnicity. At the beginning of the article scientific views on the subject of essential characteristics of ethnicity are considered, psychological factors of ethnic self-identification of a person are revealed. Then, based on the example of Russian Germans as an ethnic group, the factors of ethnic self-consciousness actualization at the present stage are examined. The text pays attention to the mechanisms of shaping the image of "us", common ethnic interests and the sense of belonging to the group. The method of ethno-sociological interviewing, conducted in 2020, included observation and interviewing during ethnographic expeditions to Omsk, Novosibirsk regions and Altai Krai were used to solve the set tasks. We also monitored the activities of public organizations of Russian Germans in the media and on Internet portals. It was found that at the present stage the key role in the process of updating the ethnic identity of the group is played by non-governmental organizations of Russian Germans, which form a corresponding common image through the creation of fiction, memoirs, popular science and educational literature, documentaries and feature films. The self-organization of Germans also shapes the ethnic interests of the group, the main of which is the creation of conditions for the realization of ethno-cultural potential. At the end of the article we conclude that the ethnic identity of Germans is complex and multilayered in its composition. It is influenced by the historical past of the group, the place of residence, the competence in the native language, religion, and social organizations. According to many members of the ethnic group, being born into a German family is enough to feel German.

Keywords: ethnicity, ethnic identity, self-consciousness, Russian Germans, public organizations, native language, ethnic history, international union of German culture

For citation: Shlegel E.A. The Potential of the category “ethnicity” (on the example of the ethnic identity of Russian Germans). *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):32—39. (In Russ.).

В конце XX — начале XXI в. произошел «взрыв этничности». Этнические процессы начали протекать более интенсивно, но вместе с тем возросло количество политических конфликтов на этнической основе. Многие исследователи вновь обратились к сути этничности и ее факторам, способным сыграть ключевую роль в процессе становления независимых государств. Глобально взгляды ученых на предмет этничности можно разделить на два основных методологических подхода: онтологический, или эссенциалистский, к которому относится примордиализм с идеей первоначальной данности этнических свойств человека, и функциональный — с теориями конструктивизма и инструментализма, рассматривающий этнические группы как результат социального конструкта [1, с. 3]. В рамках теорий можно отметить ряд фундаментальных работ по вопросам этничности. В отечественной науке это труды Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилева, В. А. Тишкова и др., в западной — Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, Э. Геллнера и др.

В каждой теории этничности были сформированы свои представления об объекте изучения. Несмотря на то что общего понятия этничности не существует, можно привести пример определения, которое дает

В. А. Тишков: «Этничность — это форма социальной организации культурных различий» [2, с. 483]. То есть благодаря совокупности различных свойств этнической общности группа способна себя осознавать и отличать от другой подобной общности. Примордиализм рассматривает этничность как объективно существующую реальность, а этнические группы — как исторически сложившиеся группы людей, обладающих общими признаками: территорией проживания, хозяйственной деятельностью, культурой, языком, внешним видом, психологическими особенностями, самоназванием и самосознанием. В рамках примордиализма выделились два направления: социобиологическое и социокультурное. Сторонники первого направления утверждают, что изначально существующая в человеке этничность связана с его биологическим происхождением. В России основным теоретиком данного подхода был Л. Н. Гумилев [3]. Идентичность, или принадлежность к определенной группе, человек испытывал всегда, даже до становления государств и наций. На генетическом уровне существовала связь с представителями сообществ, которые имели схожие черты и проживали на одной территории. По праву рождения человек уже относился к той или иной этнической группе, а в процессе личностного становления и социализации происходила самоидентификация соответствующим образом.

Родоначальником социокультурного направления в СССР был Ю. В. Бромлей. Он утверждал, что этнос, как особый тип социальной группы, «складывается и развивается естественным историческим путем, она [группа] не зависит непосредственно от воли отдельных входящих в нее людей и способна к устойчивому многовековому существованию за счет самовоспроизводства» [4, с. 11]. Природа человека способна раскрыться в процессе общения на одном языке, через восприятие своей внешней схожести с другими этническими общностями или отличия от них, посредством представления об общем происхождении и исторической судьбе.

Основными теоретиками инструментализма являются Н. Глейзер, Д. Мойнихэн, и А. Коэн. В России это прежде всего С. А. Арутюнов, М. Н. Губогло и др. Инструменталисты доказывают, что этничность не статична, что возможны подвижки в этническом самосознании людей. Инструментализм рассматривал этнические группы как общности, которые объединены интересами, чаще всего политическими, а этническая идентичность при этом выступала средством достижения интересов групп посредством политической мобилизации.

Так как в рамках инструментализма рассматриваются прежде всего механизмы влияния властных структур на индивидов, то этничность здесь получила возможность трактоваться как инструмент политической стратегии. Этничность, по инструментализму, ситуативна и зависит от внешних социально-экономических или политических условий.

Сторонники конструктивизма полагают, что «этническое чувство и формируемые в его контексте представления и доктрины являются интеллектуальным конструктом, сознательно создаваемым писателями, учеными, политиками» [5, с. 45]. При этом этническая идентичность возникает в ситуации: «мы» — «они», т. е. посредством социального различия, а этнические границы, в рамках которых человек осознает свою принадлежность, — важнейший критерий формирования самосознания.

В России приверженцем конструктивистских идей остается В. А. Тишков. Для него этническая идентичность — «операция социального конструирования „воображаемых общностей“, основанных на вере, что они связаны естественными, и даже природными связями» [6]. В данном подходе этничность также является инструментом, или конструктом, для достижения конкретных целей и создания благоприятных условий развития этнической группы.

Большинство современных социологов, психологов, рассматривающих вопросы этничности и этнической идентичности, отрицают основные постулаты примордиализма о врожденности этнических свойств. Становление этнического самосознания личности происходит только в процессе социализации. Этническая самоидентификация может наступить в раннем возрасте, когда человек оказывается в непривычном для себя окружении, или в более позднем, при этом сложно сказать, что конкретно может спровоцировать процесс идентификации.

В самой структуре этнического самосознания принято выделять несколько компонентов: осознание принадлежности к этнической группе, «образ мы» и этнические интересы [7]. Т. Г. Стефаненко выделяет всего два компонента структуры этнического самосознания: когнитивный и аффективный. В общем виде когнитивный компонент состоит из знаний о своей группе и осознания себя членом данной группы на основе этнодифференцирующих признаков. Наиболее значимая часть когнитивного компонента — этническая осведомленность, которая включает как объективные знания о народе, так и субъективные представления об этнических группах. Вторая часть когнитивного компонента — этническая самоидентификация. Человек должен не просто осознать свое место в группе, но и разделить все этнические чувства с ней. Здесь уже свою роль играет аффективный компонент, который состоит из оценок качеств своей общности и разделенных этнических чувств с ней. Кроме того, аффективный компонент проявляется в позитивных и негативных этнических аттитюдах. Позитивные аттитюды заключаются в том, что человек удовлетворен принадлежностью к этой группе, он горд за свой народ. При негативных аттитюдах человек всячески отрицает свою этническую идентичность, испытывает чувство униженности [8, с. 131].

На территории Российской Федерации проживает народ, чье этническое самосознание трансформируется на протяжении всего периода этноистории. Многие события повлияли на этническую идентичность народа, а современные реалии сформировали сложный характер его этнического самосознания. На примере российских немцев можно рассмотреть современные механизмы актуализации этнического самосознания, укладывающиеся в рамки существующих теорий этничности.

По данным переписи населения 2010 г., в стране проживает более 394 тыс. немцев. Большинство из них, около 198 тыс. человек, сконцентрировано в Сибири [9], где существуют два немецких национальных района, выполняющие функции места компактного проживания этнической группы. Изначально подобными местами являлись регионы Поволжья, Закавказья и Украины. Здесь немцы появились в результате колонизационной политики Екатерины II. Франконцы, баварцы, голландцы, гессенцы и многие другие выходцы из различных земель Германии в этническом плане представляли собой группы, каждая из которых разговаривала на своем диалекте немецкого языка и имела культурные и религиозные отличия. Поселившись компактными группами на территории Поволжья, немцы имели все условия для сохранения элементов национальной культуры, языка и формирования особого этнического самосознания (поволжские немцы).

Позже исторические события XX в. кардинальным образом изменили этническое самосознание немцев. Разрозненный характер проживания в результате депортации ускорил ассимиляционные процессы, а унижения и обида за свой народ привели к формированию негативной этнической идентичности и ее последующему размыванию. После принятия Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в 1991 г. немцы массово стали возвращаться на родину своих предков. Численность немцев резко снизилась по итогам двух пограничных в истории страны переписи-

сей населения 1989 и 2002 гг. Если в 1989 г. немцев насчитывалось более 2 млн человек [10], то в 2002 г. их осталось около 597 тыс. человек [11].

На этом фоне активизируется деятельность Международного союза немецкой культуры (МСНК) — главной связующей общественной организации для всех российских немцев. По стране разворачивается сеть центров немецкой культуры, в крупных городах начинают функционировать российско-немецкие дома. МСНК приступает к реализации языковых, этнокультурных, социальных и молодежных проектов, главной целью которых является сохранение и актуализация этнической идентичности немцев.

Для изучения динамики этнокультурных процессов МСНК инициировал проведение этносоциологических опросов немецкого населения. В 2009 и 2020 гг. было проведено два масштабных опроса по единой схеме. Программа исследования включала в себя блоки вопросов по этнической идентичности, языку, культуре, истории, деятельности общественных организаций и миграционному потенциалу российских немцев. Всего было опрошено 1 000 человек, посчитавших себя немцами. Выборка производилась по всем федеральным округам пропорционально численности в них немцев.

Проведением опроса и ряда других научных и образовательных проектов занимаются члены Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, организованной в 1995 г. Члены ассоциации с момента ее создания активно изучают историческое прошлое народа, формируя его коллективную память. В своей лексике члены ассоциации начали использовать этноним «российские немцы» применительно ко всем немцам, проживающим на постсоветском пространстве. Этноним успешно закрепился в сознании группы, о чем свидетельствуют результаты специального исследования. Так, если во время первых этнографических экспедиций, начатых в Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского с 1989 г., немцы называли себя просто немцами, без каких-либо дополнительных определений, то сейчас, по результатам опроса 2020 г., лидирует самоназвание «российские немцы». Так ответили 60,8 % опрошенных. При этом в различных населенных пунктах в зависимости от истории их основания проживают еще немцы с различным этническим самосознанием. Вынося на первый план территориальный признак этничности, они называют себя «поволжскими», «сибирскими», «волынскими», «украинскими», «казахстанскими» немцами и т. д.

Религиозный фактор этничности на современном этапе уступает остальным факторам, однако среди групп немцев особенно выделяется этноконфессиональная группа меннонитов. Проживают компактно в селах Аполлоновка, Мирлобовка, Солнцевка Омской области, Неудачино Новосибирской области, Протасово, Полевое Алтайского края и других населенных пунктах. Благодаря конфессиональной замкнутости меннониты сохранили лучше остальных групп свои отличительные этнические признаки и этническое самосознание. На вопрос о своей этнической принадлежности меннониты чаще всего отвечают: «я — меннонит», подчеркивая свою религиозную особенность.

Самое большое разнообразие у немцев в языковом отношении. Язык продолжает выступать одним из основополагающих факторов этнической идентичности немцев. Для некоторых групп он имеет решающее значение [12, с. 110—115]. Создать условия для сохранения диалектов немецкого языка в современных реалиях практически невозможно, поэтому российские немцы делают акцент на популяризации литературного немецкого языка. Сейчас, по данным опроса, только 26 % немцев владеют немецким языком и 14 % признают его родным [13, с. 156]. Для популяризации языка проводятся всероссийские конкурсы («Друзья немецкого языка»), акции по написанию диктанта на немецком языке (*Tolles Diktat*), реализуется раннее

обучение немецкому языку в дошкольных учреждениях, при центрах встреч проводятся бесплатные языковые курсы для этнических немцев.

В структуре этнического самосознания немцев прослеживаются все обозначенные теоретические аспекты. МСНК посредством различных проектов формирует образ «мы»-группы. Написано учебное пособие по истории немцев России [14], издана многочисленная художественная литература, отражающая события из жизни российских немцев, тиражом 25 тыс. экземпляров выходит «Московская немецкая газета», как связующее СМИ между Россией и Германией, сняты документальные и художественные фильмы о судьбах российских немцев. В 2022 г. состоялась премьера очередного документального фильма, повествующего о депортации немцев из Республики немцев Поволжья. Цель данных мероприятий — преодоление травмирующих событий истории и формирование позитивной этнической идентичности у молодого поколения. Вся актуальная информация об этническом сообществе представлена на главном информационном портале российских немцев — *RusDeutsch* [15].

Что касается этнических интересов, то долгое время всех немцев объединял один общий вопрос — восстановление Республики немцев Поволжья. Но так как в силу разных обстоятельств этот вопрос остался нерешенным, основное внимание организаций и членов этнической группы было сконцентрировано на создании благоприятных условий для реализации этнического потенциала сообщества при содействии правительств России и Германии. Партнерские отношения стран по данному вопросу позволили добиться значительных успехов. Открытые по всей стране центры немецкой культуры для многих немцев стали не только местом досуга, но и единственной площадкой, где можно разделить этнические чувства с другими представителями группы.

Несмотря на то что история российских немцев полна трагических событий времен Великой Отечественной войны, сегодня среди немцев преобладают позитивные этнические аттитюды. 62 % немцев испытывают чувство гордости за свою этническую принадлежность. Чувство неуверенности или обиды разделяют менее 5 % респондентов. После тяжелых потрясений, когда практически в каждой немецкой семье старались умалчивать о своей этнической принадлежности, не разговаривать на родном языке, это очень высокий показатель, достигнутый за относительно короткий период времени.

Сегодня многоуровневость этнической идентичности немцев заключается в том, что они одновременно могут себя считать казахстанскими немцами, потому что проживают на территории Казахстана, поволжскими, потому что предки были депортированы с Поволжья, и швабами, потому что разговаривают на швабском диалекте. Таким образом, на формирование этнического самосознания немцев повлияла смена места проживания в результате многочисленных миграций этнической группы, в том числе и принудительных, а также языковая и религиозная принадлежность группы.

В меняющемся мире сложно предопределить развитие этнических групп, их поведение в тех или иных обстоятельствах и вычленив единую схему формирования этнического самосознания. Ввиду того что этническая идентичность — сложный и одновременно неустойчивый феномен, существует несколько теорий относительно ее природы, структуры и роли в жизни этнической группы. Многочисленные исследования этнического самосознания немцев находят примеры конструирования и актуализации их идентичности через деятельность общественных организаций, и в то же время в процессе самоидентификации немцы осознают, что не какой-то отдельный признак народа позволяет им соотнести себя с группой, а именно факт рождения в семье немцев. Так или иначе российские немцы продолжают активно заявлять о себе на межкультурном пространстве страны,

а общественные организации и ее лидеры стремятся обеспечить постоянное присутствие этнокультурного компонента в жизни каждого члена этнического сообщества, чтобы как можно раньше запустить процесс этнической самоидентификации и сохранить группу на «карте этничностей» России.

Список источников

1. Рыбаков С. Е. К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 3—15.
2. Тишков В. А. Этничность // Новая философская энциклопедия. М. : Мысль, 2010. Т. 4. С. 482—484.
3. Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. М. : Экспресс, 1993. 544 с.
4. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М. : Наука, 1987. 333 с.
5. Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология. М. : Изд-во Московского университета, 2011. 376 с.
6. Тишков В. А. Конструирование этнической идентичности. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/konstruiro.html> (дата обращения: 19.04.2022).
7. Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология : учеб. пособие для вузов. М. : Аспектпресс, 1999 // ПолитНаука — политология в России и мире : [сайт]. URL: <http://www.politnauka.org/library/uchebnik/ethnosoc.php> (дата обращения: 20.04.2022).
8. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология : учеб. для вузов. М. : Аспект Пресс, 2009. 368 с.
9. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [официальный сайт]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения: 22.04.2022).
10. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. 2022. № 955—956. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 22.04.2022).
11. Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения 2002 года : [офиц. сайт]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 22.04.2022).
12. Шлегель Е. А. Этноязыковые процессы у немцев Алтайского края (по результатам этносоциологического опроса 2020 года) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (48). С. 110—115.
13. Смирнова Т. Б., Шлегель Е. А. Билингвизм российских немцев (по данным социологических опросов) // Вестник антропологии. 2021. № 1 (53). С. 149—165.
14. История российских немцев // RusDeutsch : информационный портал российских немцев. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/> (дата обращения: 22.04.2022).
15. Информационный портал российских немцев. URL: <https://rusdeutsch.ru/> (дата обращения: 22.04.2022).

References

1. Rybakov S.E. K voprosu o ponyatii "ethnos": filosofsko-antropologicheskii aspekt [On the question of the concept of "ethnos": the philosophical and anthropological aspect], *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 1998, no. 6, pp. 3—15.
2. Tishkov V.A. Etnichnost' [Ethnicity], *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [The new Encyclopedia of Philosophy]. Moscow, Mysl', 2010, vol. 4, pp. 482—484.
3. Gumilev L.N. Etnosfera. Istoriya lyudei i istoriya prirody [Ethnosphere. The History of People and the History of Nature]. Moscow, Ekopros, 1993, 544 p.
4. Bromlei Yu.V. Etnosotsial'nye protsessy: teoriya, istoriya, sovremennost' [Ethnosocial Processes: Theory, History, and Modernity]. Moscow, Nauka, 1987, 333 p.
5. Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. Etnopolitologiya [The Ethnopolitology]. Moscow, Publ. Moskovskogo universiteta, 2011, 376 p.
6. Tishkov V.A. Konstruirovanie etnicheskoi identichnosti [The construction of ethnic identity]. Available at: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/konstruiro.html> (accessed: 19.04.2022).
7. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. Etnosotsiologiya [The Ethnosociology], *ucheb. posobie dlya vuzov*. Moscow, Aspektpress, 1999, *PolitNauka — politologiya v Rossii i mire* [Political Science - Political Science in Russia and the World], [sait]. Available at: <http://www.politnauka.org/library/uchebnik/ethnosoc.php> (accessed: 20.04.2022).

8. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya [The Ethnosociology], ucheb. dlya vuzov. Moscow, Aspekt Press, 2009, 368 p.
9. Informatsionnye materialy ob okonchatel'nykh itogakh Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda [The information materials on the final results of the 2010 All-Russian population census], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki, ofitsial'nyi sait* [Federal State Statistics Service]. Available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (accessed: 22.04.2022).
10. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po respublikam SSSR [The 1989 All-Union population census. The ethnic composition of the population by republics of the USSR], *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2022, no. 955—956. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (accessed: 22.04.2022).
11. Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo [National composition and language skills, citizenship] *Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2002 goda* [All-Russian population census of 2002], *ofitsial'nyi sait*. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed: 22.04.2022).
12. Shlegel' E.A. Etnoyazykovye protsessy u nemtsev Altaiskogo kraia (po rezul'tatam etnosotsiologicheskogo oprosa 2020 goda) [Ethno-linguistic processes among the Germans of Altai Krai (based on the results of an ethno-sociological survey in 2020)], *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Vestnik of the Altai State Pedagogical University], 2021, no. 3 (48), p. 110—115.
13. Smirnova T.B., Shlegel' E.A. Bilingvizm rossiiskikh nemtsev (po dannym sotsiologicheskikh oprosov) [Bilingualism of Russian Germans (according to sociological surveys)], *Vestnik antropologii* [Vestnik of anthropology], 2021, no. 1 (53), pp. 149—165.
14. Istoriya rossiiskikh nemtsev [History of Russian Germans], *RusDeutsch : informatsionnyi portal rossiiskikh nemtsev* [RusDeutsch]. Available at: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/> (accessed: 22.04.2022).
15. Informatsionnyi portal rossiiskikh nemtsev [Information portal of Russian Germans]. Available at: <https://rusdeutsch.ru/> (accessed: 22.04.2022).

Информация об авторе

Шлегель Елена Александровна — аспирант, помощник проректора по учебной работе, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Российская Федерация. E-mail: lena_shlegel@mail.ru

Information about the author

Elena A. Shlegel — Postgraduate student, Assistant Vice-Rector for Academic Affairs, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation. E-mail: lena_shlegel@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.09.2022; одобрена после рецензирования 19.09.2022; принята к публикации 21.09.2022.

The article was submitted 16.09.2022; approved after reviewing 19.09.2022; accepted for publication 21.09.2022.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ETHNOCULTURAL HERITAGE

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 40—46.
Siberia Humanitarian. 2023;(1):40—46.

Этнокультурное наследие

Научная статья
УДК 323.1

Этнокультурное наследие в системе национальной безопасности современной России

Леонид Вячеславович Савинов

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация, savinov-lv@ranepa.ru

Аннотация. В работе на основе теоретико-методологического анализа и результатов экспертных опросов предложен авторский взгляд на этнокультурное наследие в системе национальной безопасности современной России. Выделены основные риски и угрозы, а также возможности и ограничения государственной политики сохранения и развития материального и нематериального этнокультурного наследия российских народов. Этнокультурное наследие необходимо рассматривать как важнейший элемент национальной безопасности в условиях многосоставных обществ. Современная Россия, как мультикультурное общество — полиэтническое и поликонфессиональное, должна уделять особое внимание сохранению и развитию этнокультурного наследия всех народов, проживающих на ее территории. Особое внимание необходимо уделять материальному и нематериальному культурному наследию малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: этнокультурное наследие, этнос, национальная политика, национальная безопасность, Россия

Для цитирования: Савинов Л. В. Этнокультурное наследие в системе национальной безопасности современной России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 40—46.

Ethnocultural heritage

Original article

Ethnocultural heritage in the system of national security of modern Russia

Leonid V. Savinov

Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation, savinov-lv@ranepa.ru

© Савинов Л. В., 2023

Abstract. In the work on the basis of theoretical and methodological analysis and the results of expert surveys the author's view on ethno-cultural heritage in the system of national security of modern Russia is offered. The main risks and threats, as well as opportunities and limitations of the state policy of preservation and development of tangible and intangible ethno-cultural heritage of Russian peoples are highlighted. Ethnocultural heritage must be considered as an important element of national security in the context of multi-cultural societies. Modern Russia, as a multicultural society — multi-ethnic and multi-confessional, should pay special attention to the preservation and development of ethnocultural heritage of all peoples living on its territory. Particular attention should be paid to the tangible and intangible cultural heritage of the small indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East.

Keywords: Ethno-cultural heritage, ethnicity, national policy, national security, Russia

For citation: Savinov L.V. Ethnocultural heritage in the system of national security of modern Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023. № 1. С. 40—46.

Актуальность исследования

В рамках российской гуманитарной науки осознание этнического фактора, в том числе этнокультурного наследия как значимой составляющей национальной безопасности, произошло в конце 80 — начале 90-х годов XX в. в ответ на серьезное обострение межэтнических отношений и распад СССР. Именно в этот период этнокультурный и этноисторический факторы определили многие кризисные явления и конфликты, обусловившие этнополитический ландшафт на постсоветском пространстве. Все это обострило внимание к проблемам национальной безопасности [1, с. 71—78]. И сегодня этнокультурное наследие остается значимым фактором в системе национальной безопасности России.

Основные угрозы национальной безопасности в этносоциальной сфере связаны с феноменом политизированной, т. е. в значительной степени мобилизованной, этничности. Не менее актуальны для современного мира и ее регионов проблемы этнического (культурного) национализма и радикализма. Политизация этничности и этнификация политики глобальны в мировом масштабе и совсем не уникальны в границах отдельно взятых государств и обществ.

В широком понимании для постсоветского пространства проблема этничности как фактора безопасности актуальна в нескольких аспектах. Прежде всего речь идет о проблемном измерении «этнос — государство» и «этническое — политическое». Характер современных этносоциальных и этнополитических процессов показывает, что этнический парадокс современности, приобретая глобальный характер и материализуясь в росте этнической мобилизации, в силу разных причин все чаще приобретает деструктивный характер. Одновременно влияние фактора этничности на систему основополагающих условий безопасности все больше усиливается.

В этих условиях основной проблемой современной российской этнополитики, направленной на развитие всех российских этносов как одной из составляющих государственной национальной политики, наряду с политической нациестроительства, ориентированной на формирование и укрепление российской гражданской нации, становится управление этническим (культурным по содержанию) и гражданским (политическим по сущности) самосознанием. Такое управление, конечно, носит политический характер и охватывает не только настоящее и будущее, но и в значительной степени прошлое, управляя исторической и этнокультурной памятью.

В обоснование актуальности исследования этнокультурного наследия в системе национальной безопасности современной России также необходимо обозначить современные риски и угрозы национальной безопасности России, связанные с этническими конфликтами на постсоветском пространстве.

Методология исследования и основные понятия

Методология исследования представлена контекстным инструментализмом (национальная безопасность как политическое явление) и аксиологическим подходом (этнокультурное наследие как ценность). Выбор методов исследования обусловлен общей исследовательской логикой выбранной научной проблематики в контексте современных научных достижений и основан главным образом на синтезе политологического и культурологического анализа.

Под этнокультурным наследием в работе понимаются материальные и нематериальные свидетельства жизнедеятельности этносов, сохраняющие и передающие социально значимую информацию об этнических культурах. Материальное этнокультурное наследие — это недвижимые памятники истории и культуры, музеи-заповедники и национальные парки, музейный фонд, архивный фонд, библиотечный фонд и др. Нематериальное культурное наследие представлено в духовных и культурных практиках и ценностях: обычаях, формах представления и выражения, знаниях и навыках, передаваемых от поколения к поколению.

При этом значимость этнокультурного наследия заключается в поддержании мира и стабильности, диалоге культур, воспитании толерантности, а также сохранении культурного многообразия [2, р. 1552—1567].

В силу того что безопасность реализуется, как правило, в различных обществах, то ее обеспечение всегда проявляется в конкретных формах и содержании в собственной системе безопасности в зависимости от социокультурного базиса и уровня их самодостаточности. Система безопасности любой социальной общности и социальной структуры, в том числе мультикультурной и многоконфессиональной, всегда конкретна и содержит в себе черты общего, особенного и уникального.

В концептуальном плане официальная попытка определения понятия безопасности в России была предпринята в Законе Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», ст. 1 которого определяет безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. При этом оценка состояния безопасности должна трактоваться как уровень безопасности в данное время.

Вместе с тем всякий социальный субъект осуществляет оценку угроз своей безопасности через призму устоявшейся в данном обществе системы ценностей. В свою очередь, тот или иной набор ценностей является одним из важнейших функциональных элементов культуры, в том числе в ее этнических формах. Отсюда следует, что оценка угроз и выработка мер безопасности может варьироваться в зависимости от культурного (этнокультурного) контекста, социально-экономических условий и политических возможностей и ограничений.

Результаты исследования

В современной политологии принято демаркировать национальную и государственную безопасность, которые соотносятся как целое и часть. Они могут совпадать, однако могут и существенно различаться. При этом национальная безопасность (national security) первична, поскольку государство возникает и функционирует в результате заинтересованности в нем общества.

Под национальным интересом принято понимать наиболее существенные потребности общества и государства, удовлетворение которых обеспечивает их существование и развитие, поэтому они являются важнейшими целями внутренней и внешней политики. Приоритетное значение среди этих целей имеет обеспечение безопасности государства как непереносимое условие выживания страны, без чего невозможно достижение любых других целей.

Американский исследователь Д. Нихтерлейн предложил делить национальные интересы на интересы выживания, жизненные интересы, важные и периферийные интересы — классификация основывается на степени ущерба, которую может принести реализация той или иной опасности [3, с. 115].

В свою очередь, система обеспечения национальной безопасности представляет собой совокупность соответствующих структур и определенного процесса принятия и реализации решений. Реакция системы обеспечения национальной безопасности, зависящая от класса угрозы, носит характер профилактики или прямого воздействия. Соответственно задачам определяются силы, средства и методы.

На сегодняшний день в политической теории и практике наряду с теорией национальной безопасности выделяют как минимум еще два подхода. Во-первых, это концепция общей безопасности (*common security*), наиболее широко заявившая о себе в 70—80-х гг. XX в. Данный подход в своих истоках восходит к направлению европейской политической мысли, главенствовавшей еще в эпоху Просвещения и Великой французской революции. Уже тогда проблемы безопасности личности и общества рассматривались как необходимое условие общей безопасности. Согласно этой концепции государство не имеет монополии на определение политики в области безопасности, причем не только внутренней, но и внешней.

Во-вторых, это подход американского политолога Дж. Ная, по мнению которого, политика безопасности должна обеспечивать социальную автономию групп, политический статус, а не только физическое выживание индивидов внутри национальных границ. За структурами самого гражданского общества — неправительственными организациями; органами местного управления; группами граждан, объединенных по профессиональным, национальным, конфессиональным и иным критериям и т. п., признается не меньше прав, чем за государством [4, р. 81—94].

Представители обеих концепций — теории национальной и общей безопасности — оперируют тремя объектами и/или субъектами безопасности, которыми являются личность, общество и государство. Именно в этом «и/или» коренится принципиальное различие между концепциями национальной и общей безопасности. Так, согласно теории национальной безопасности, в качестве субъекта безопасности выступает государство. Теория общей безопасности в качестве субъекта безопасности определяет общество и личность.

И, наконец, в конце XX в. как ответ на глобальные и системные трансформации мирового порядка зарождается принцип социетальной безопасности (*societal security*). Согласно концепции социетальной безопасности в основу безопасности личности, общества и государства положен принцип приоритетной защиты системы благ, накопленных уникальной социокультурной средой, от угрожающих внешних воздействий. В качестве возможных угроз социетальной безопасности выступают давление на комфортность социальной среды, образуемой материально преуспевающим населением, усугубление экологических проблем, негативное воздействие этнических конфликтов и «импорт» терроризма. Данный подход к проблеме безопасности в большей степени замыкается на безопасности крупных мировых региональных сообществ, причем с высоким уровнем жизни и благополучия. В первую очередь это страны и регионы Западной Европы и Северной Америки.

Однако проблема трансформации этнических условий в фактор политической нестабильности особенно актуальна для многоэтнических обществ, которые, как отмечает А. Лейпхарт, «отягощены политическими проблемами, вызванными глубокими противоречиями между сегментами их населения и отсутствием объединяющего консенсуса» [5, с. 224]. Поэтому

угроза безопасности современной России может исходить от процессов фрагментации и атомизации полиэтнического социума на основе центробежных этнонационалистических настроений. Именно поэтому сохранение и развитие этнокультурного наследия всех народов России является условием обеспечения высокой степени национальной безопасности.

Под этнобезопасностью мы предлагаем понимать этническое содержание национальной безопасности в условиях многосоставного общества как этносистемы [6, с. 162]. Понятие этносистемы, введенное в научный оборот П. В. Черновым, учитывает принцип системности единого целого и качественные отличительные черты [7, с. 58]. Анализируя это понятие, выделим его существенные черты. Этносистему мы понимаем как совокупность традиционных национально-этнических взаимоотношений с четко сложенной этнонациональной субординацией, которая не ущемляет в правах ту или иную часть системы, а наоборот, способствует ее прогрессу. Более того, оторванная часть этой системы существовать автономно не способна [8, с. 72—78].

В политическом аспекте серьезную реальную и потенциальную угрозу этнобезопасности несут смена или исчезновение общенациональной идеологии — национальной идеи. В конце 80-х гг. XX в. в России идеологию интернационализма сменили идеи, основанные на старых этнических стереотипах, и основанные на них политические программы.

В условиях политического, социального, экономического, духовно-нравственного транзита, характерного не только для России в целом, но и в большей степени для ее регионов и территорий, этнический аспект остается одним из инструментов как политической социализации, рекрутирования, коммуникации, так и массового политического участия. В этих условиях потенциал и характер этнической мобилизации становится одним из важнейших факторов политической стабильности и безопасности всей социальной системы.

Проведенные нами экспертные интервью показывают значимость этнокультурной среды, в том числе этнокультурного наследия, при реализации политических, экономических, социальных и культурных практик как на федеральном, так и на региональном уровне. Это особенно актуально, по мнению экспертов, для территорий компактного проживания малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. И, конечно же, этнических субъектов Российской Федерации, особенно Татарстана, Башкирии, Тывы, Якутии и республик Северного Кавказа. Так, 73 % опрошенных экспертов считают, что сохранение и развитие материального и нематериального культурного наследия народов России должно быть включено в государственную национальную политику. При этом 85 % экспертов уверены в том, что этнокультурное наследие — это реальный и значимый фактор национальной безопасности. Эксперты также выделяют основные риски и угрозы в данной области:

- потерю языка малочисленных народов Российской Федерации;
- эрозию традиционного образа жизни малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока;
- излишнюю коммерциализацию этнотуризма;
- утрату музейных, библиотечных и иных фондов.

Вместе с тем большинство экспертов (94 %) определяют значимость общероссийской гражданской идентичности как неперемennого условия государственной политики по сохранению этнокультурного наследия народов России. По их мнению, этнокультурный партикуляризм не противоречит гражданскому универсализму. Другими словами, большая часть экспертного сообщества видит позитивный потенциал в этнокультурном многообразии, как и в самой политике культурного и этноконфессионального плюрализма. Примечательно, что почти половина экспертов (57 %) предла-

гают вернуться к советской терминологии «дружба народов» и «интернационализм» при определении символических оснований государственной национальной политики.

Результаты экспертного опроса также позволили представить исследовательскую матрицу (рисунок), на основе которой возможно проведение комплексных исследований этнокультурного наследия как фактора национальной безопасности.

Государство и государственные институты	Объекты научного анализа		Общество и институты гражданского общества
	Нация (категория политическая)	Этнические группы (категория культурная)	
	Идентичность		
	Гражданская	Этническая	
	Национализм		
	Гражданский (политический)	Этнический (культурный)	
	Политика		
	Нациестроительство	Этнополитика	
Этнокультурные, этносоциальные и этнополитические риски и угрозы, возможности и ограничения			

Исследовательская матрица: этнокультурное наследие как фактор национальной безопасности
Research Matrix: ethnocultural heritage as a factor of national security

Результаты экспертного опроса показали высокую значимость влияния этнокультурного наследия на политику идентичностей, прежде всего политику формирования этнической идентичности. Вместе с тем эксперты говорят и о воздействии этнокультурного наследия на политику нациестроительства, выделяя прежде всего русский язык и русскую культуру как основы российской гражданской нации.

По мнению экспертного сообщества, важно не только различать гражданский и этнический национализм, но и видеть этнокультурные, этносоциальные и этнополитические риски и угрозы, а также возможности и ограничения в сфере формирования и реализации государственной национальной политики как совокупности этнополитики и нациестроительства.

Выводы и рекомендации

Этнокультурное наследие необходимо рассматривать как важнейший элемент национальной безопасности в условиях мультикультурных обществ, в число которых входит современная Россия, имеющая богатый опыт сохранения и этнокультурного объединения народов, проживающих на ее территории.

В условиях информационного общества появились новые технологии сохранения этнокультурного наследия народов России за счет, например, оцифровки музейных, библиотечных и иных фондов. Традиции природопользования, художественные промыслы, народные ремесла, обрядовые народные и религиозные обычаи, фольклор — все это должно быть сохранено для будущих поколений.

Этнокультурное наследие всегда несет на себе отпечаток бытия культуры народов и потому является значимым каналом передачи этнокультурных традиций и инструментом консолидации мультикультурного общества по принципу «единство в многообразии».

Список источников

1. Савинов Л. В. Национальная политика и этнобезопасность // Вестник Российской нации. 2021. № 3(79). С. 71—78.
2. Ethnocultural Space of Krasnoyarsk Krai: The Current State / K. V. Reznikova, N. N. Pimenova, A. V. Kistova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 8. P. 1552—1567. DOI 10.17516/1997-1370-0464.
3. Кардашова И. Б. Основы теории национальной безопасности : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2020. 303 с.
4. Nye J., Keohane R. Power and Independence in the Informational Age // Foreign Affairs. 1998. Vol. 77, № 5. P. 81—94.
5. Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Политические исследования. 1992. № 1—2. С. 217—225.
6. Савинов Л. В. Этнополитика и этнобезопасность : моногр. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2009. 184 с.
7. Чернов П. В. Россия: этногеополитические основы государственности. М. : Восточная литература, 1999. 192 с.
8. Савинов Л. В. Этнобезопасность: смыслы социосинергетического понимания // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. 2010. № 1. С. 72—78.

References

1. Savinov L.V. Natsional'naya politika i etnobezопасnost' [The national policy and ethnosecurity], *Vestnik Rossiiskoi natsii* [Bulletin of the Russian Nation], 2021, no. 3(79), pp. 71—78.
2. Reznikova K.V., Pimenova N.N., Kistova A.V. [et al.] Ethnocultural Space of Krasnoyarsk Krai: The Current State, *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2019, vol. 12, no. 8, p. 1552—1567. DOI 10.17516/1997-1370-0464.
3. Kardashova I.B. Osnovy teorii natsional'noi bezопасnosti, *ucheb. dlya vuzov* [The basics of national security theory]. Moscow, Yurait, 2020, 303 p.
4. Nye J., Keohane R. Power and Independence in the Informational Age, *Foreign Affairs*, 1998, vol. 77, no. 5, pp. 81—94.
5. Leipkhart A. Mnogosostavnye obshchestva i demokraticheskie rezhimy [Multicultural societies and democratic regimes], *Politicheskie issledovaniya* [Political studies], 1992, no. 1—2, pp. 217—225.
6. Savinov L.V. Etnopolitika i etnobezопасnost' [Ethnopolitics and ethnosecurity], monogr. Novosibirsk, Publ. SibAGS, 2009, 184 p.
7. Chernov P.V. Rossiya: etnogeopoliticheskie osnovy gosudarstvennosti [Ethno-geopolitical foundations of statehood]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1999, 192 p.
8. Savinov L.V. Etnobezопасnost': smysly sotsiosinergeticheskogo ponimaniya [Ethnosecurity: meanings of a sociosynergetic understanding], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya: Politologiya* [Izvestia of the Irkutsk State University. Series: Political Science], 2010, no 1, pp. 72—78.

Информация об авторе

Савинов Леонид Вячеславович — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: savinov-lv@ranepa.ru

Information about the author

Leonid V. Savinov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: savinov-lv@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 22.09.2022; одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 27.09.2022.

The article was submitted 22.09.2022; approved after reviewing 23.09.2022; accepted for publication 27.09.2022.

Этнокультурное наследие

Научная статья
УДК 615.849

Сельскохозяйственные ритуалы дайцев (Китай)

Анна Александровна Шульга¹, Маргарита Алексеевна Юрченко²

¹ International Online Center «Speak Russian», Севастополь, Российская Федерация

² Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация

¹ levshavnin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5948-1991>

² yurchenko-maa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

Аннотация. Среди этнических групп в азиатской муссонной зоне традиционные обычаи и праздники связаны с темой урожая. В работе освещена обрядность одного из наименее изученных в российской науке сообществ — дай. Открытие дикорастущего риса сыграло решающую роль в эволюции человечества, особенно в развитии и процветании населения юга Евразии. Постепенное развитие рисоводства способствовало эволюции сообществ в муссонном поясе, обогащению их культуры. С одной стороны, следы этих процессов мы видим в материальной сфере: росте численности населения, усложнении структуры экономической деятельности, формировании племенного и раннегосударственного устройства социума. В то же время нельзя забывать о влиянии риса на нематериальную культуру.

Ключевые слова: Китай, урожай, сельскохозяйственная обрядность, дай, рисоводство, нематериальная культура

Для цитирования. Шульга А. А., Юрченко М. А. Сельскохозяйственные ритуалы дайцев (Китай) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 47—52.

Ethnocultural heritage

Original article

Agricultural rituals of the Dai (China)

Anna A. Shulga¹, Margarita A. Yurchenko²

¹ International Online Center “Speak Russian”, Sevastopol, Russian Federation

² Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation

¹ levshavnin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5948-1991>

² yurchenko-maa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

Abstract. Among the ethnic groups in the Asian monsoon zone, traditional customs and festivals are related to the theme of harvest. The paper highlights the rituals of one of the least studied communities in Russian science, the Dai. The discovery of wild rice played a decisive role in the evolution of mankind, especially in the development and prosperity of the population of southern Eurasia. The gradual development of rice-growing contributed to the evolution of communities in the monsoon belt, enriching their culture. On the one hand, we see the traces of these processes in the material sphere: the growth of the population, the complication of the structure of economic activity, the formation of the tribal and early state structure of society. At the same time, we should not forget the influence of rice on the non-material culture.

Keywords: China, harvest, farming rituals, Dai, rice farming, non-material culture

Для цитирования. Shulga A.A., Yurchenko M.A. Agricultural rituals of the Dai (China). *Siberia Humanitarian*. 2023. № 1. С. 47—52.

Рис. 1. Артефакты царства Дянь с зооморфным оформлением
Artifacts of the Dyan kingdom with zoomorphic decoration

Этнокультурные процессы в Евразии по оси Север — Юг, насколько мы можем реконструировать по материалам археологии, этнографии и письменной истории, были весьма интенсивны, по крайней мере, с середины I тыс. н. э. [1, с. 77]. Один из наиболее ярких примеров взаимодействия населения Сибири и прилегающих регионов (так называемый скифо-сибирский ареал) с народами, населявшими территории, ныне входящие в южные провинции КНР, — культура государства Дянь [2, с. 89]. В рамках государства, тесно связанного с донгшонской общностью Вьетнама [3], бытовало своеобразное искусство, очень близкое к скифскому (рис. 1) [2, с. 89].

Этот пример, как и многие другие, доказывает, что исследование развития социума, хозяйства и культуры Евразии возможно лишь при условии параллельного анализа материалов из различных ее регионов [4, с. 690], какими бы далекими они подчас нам ни казались [5, с. 661]. В настоящей статье мы рассмотрим нематериальную культуру народности дай, а именно обрядность, связанную с рисоводством, представим малоизвестные в отечественной науке материалы.

Дайцы (傣族) являются потомками западной ветви древней общности юэ (越人), так называемых белых юэ (байюэ, 百越族), а если точнее — народности шань (掸人). В китайских нарративных источниках они именовались различно. Например, «дяньюэ» 滇越 (здесь тот же иероглиф, что и в названии царства Дянь¹) — в трудах эпох Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) и Цзинь² (265—420 гг. н. э.); «народ шань» — в период Тан (618—907 гг.); «цзиньчи» (金齿), «манмань»³ (茫蛮), «бай»⁴ (白衣 или 白夷) —

¹ Впрочем, мы не утверждаем, что современные дай есть потомки жителей древнего государства с его синкретичной культурой. Помимо царства данный иероглиф относился и к озеру. При этом укажем, что реконструируемые границы Дянь частично совпадают с ареалом дай.

² Опять же видим родовой этноним «юэ» [6].

³ Мань — обобщенное название южных инородцев в китайских нарративных источниках. Например, у Чжугэ Ляна (традиционно «Вертоград полководца») приписывается ему) читаем: «Южные Мань. Южные народы многочисленны, и их натуру невозможно изменить. Они постоянно образуют союзы племен, преследуя общие интересы. Как только исчезает польза от их союзов, они нападают друг на друга. Они проживают в пещерах горы И. Есть те, которые собираются вместе. Есть те, которые рассредоточиваются повсюду — на западе до хребта Куньлунь, на востоке до морей. Рядом с морем имеется множество редких товаров, поэтому они жадные и искусные в войне. Весной и летом они часто заболевают. Именно это время подходит для нападения на них. Они не смогут долго сопротивляться» [7, с. 118].

⁴ Здесь иероглиф 夷 взаимозаменяем с 夷, также звучащим как [и]. Последний знак обычно обозначал не южных, а восточных инородцев. «Особенности восточных народов (东夷): пренебрежение ритуалами, отсутствие добродетелей и воинственность. Они скоры на расправу. Проживая рядом с горами и морями, они

при династии Сун (960—1279 гг.) [4, с. 12]. Дайцы сохранили многие культурные особенности, приписываемые байюэ (развитое рисовое хозяйство, обычай стричь волосы и татуировать тело, ношение женщинами специфически декорированных юбок, проживание в огороженных домах, традиция украшения зубов и т. д.). Сельское хозяйство с сильным преобладанием земледелия (рисоводство) традиционно составляло основу экономики дайцев и до сих пор остается главным занятием. К земледелию у дайцев сформировался особый пиетет: выращенные злаки являются не только продуктом питания, но и предметом поклонения. Отдельные традиции и элементы ритуалов в настоящее время продолжают существовать в виде различных праздников, где оживают обычаи, передающиеся из поколения в поколение¹.

Основные празднества дайцев (Сюньтяньба (巡田坝), Лунши (隆示), Воба (窝巴), ритуал призвания духа зерна (谷魂节) и др.) связаны с сельскохозяйственной деятельностью.

Сюньтяньба — традиционный ежегодный праздник народа дай, который проводится в тринадцатый день первого лунного месяца, сопровождается песнями встречи весны. Торжество состоит из массового шествия, которое, по мысли участников, играет важную роль в защите деревьев. Рано утром тринадцатого числа первого месяца по лунному календарю мужчины и женщины, умеющие петь и танцевать, одетые в праздничные костюмы, собираются под большими деревьями в деревне, бьют в гонги и барабаны. Певцы держат в руках ароматное рисовое вино, поют веселые весенние песни. Когда восходит солнце, старейшина объявляет о начале Сюньтяньба. Местные жители, увлеченные пением и танцами, образуют группу во главе с восемью молодыми людьми, несущими разноцветные флаги и играющими на трубах. Этот праздник формирует некоторые сельскохозяйственные табу. Например: ранний рис необходимо сажать до тринадцатого числа первого месяца; никому не разрешается рубить дерево в запретных местах, нарушители будут оштрафованы на 30 чаш вина и 30 фунтов свежего мяса. Если правила нарушат местные жители, то понесут наказание вдвойне.

Следующий не менее важный праздник — Лунши. Это древнее традиционное торжество народа дай, в некоторых местах его также называют Лунгань (隆赶), семантически связанное с культом леса. В прошлом среди дай было принято сажать деревья в ознаменование закладки поселения, так как древесные духи считались защитниками. Конкретное время празднования варьируется от деревни к деревне. Обычно во главе со старейшинами мужчины села идут приносить жертвы под определенное дерево. Юноши и девушки отправляются в горы и деревни, чтобы найти партнера для распевания песен. На второй день празднеств местные жители приходят к реке для ловли рыбы и раков, а затем отпускают их обратно, это символизирует, что в наступающем году река будет полна жизни.

Среди религиозных обрядов дайцев развиты практики жертвоприношений. Наиболее яркий пример — призвание духа зерна. Это ритуал, который проводится в десятом месяце по лунному календарю, когда вся деревня за-

используют этот рельеф для обороны. Внутри их страны царит мир и согласие. Простой народ живет в благодушии, поэтому они никогда не замышляют нападений. Если среди знати происходит мятеж, то среди простого народа начинают появляться сепаратистские настроения. В такой ситуации можно начинать заниматься подрывной деятельностью, что приведет их к расколу. А потом использовать гуманность и добродетель для привлечения их на свою сторону, или же напасть на них с мощной армией, что непременно приведет к победе» [7, с. 118].

¹ В Китае сохранилось достаточно много национальных меньшинств с развитой сельскохозяйственной обрядностью, причем не только в континентальной части, но и на Тайване [9]. Правда, стоит отметить, что если на материке доминирует рис [10], то на островах велика роль проса как основной культуры [11].

канчивает вспашку. Цель данного жертвоприношения — отблагодарить силы природы за дары и вознести моление о хорошей погоде и богатом урожае в наступающем году. Все мужчины, женщины и дети выстраиваются в ряд и следуют к месту проведения ритуала. Впереди идет старейшина, который несет большого петуха¹, за ним следуют жители, в руках которых сельскохозяйственные инструменты и снопы зерна. Чаще всего ритуал проводится за пределами деревни под большим баньяновым деревом. После призвания духа зерна женщины берут небольшое количество колосьев домой и кладут их в амбар, чтобы продемонстрировать духам, что зерна вернулись домой и амбар открыт для подношения [8, с. 13].

Исследование сельскохозяйственных ритуалов, являющихся неотъемлемой частью жизни дайцев, весьма актуально в контексте реконструкции

жизни древних обществ Евразии. Очевидно, еще со времени перехода древних юэ от присваивающего хозяйства к производящему сохраняется вера в то, что лишь соблюдение ритуалов обеспечит обильный урожай. Напротив, пренебрежение обычаями может привести (по мысли ранних земледельцев) к катастрофическим последствиям для сельского хозяйства и, следовательно, всей общины (что рационально объясняется сравнительно малой производительностью труда).

По мере развития современных социально-экономических отношений самобытность малых народов постепенно размывается, глубинно-семантическая часть культуры забывается. Создание национальных автономий, начатое в СССР и воспринятое КНР (рис. 2), в некоторой степени позволяет минимизировать потери от подобных процессов, сохранить нематериальную культуру Евразии. Тем не менее приходится констатировать недостаточное количество этнографических исследований малых народов, которые могут дать ценные источники для изучения «неолитической революции» и связанных с ней процессов.

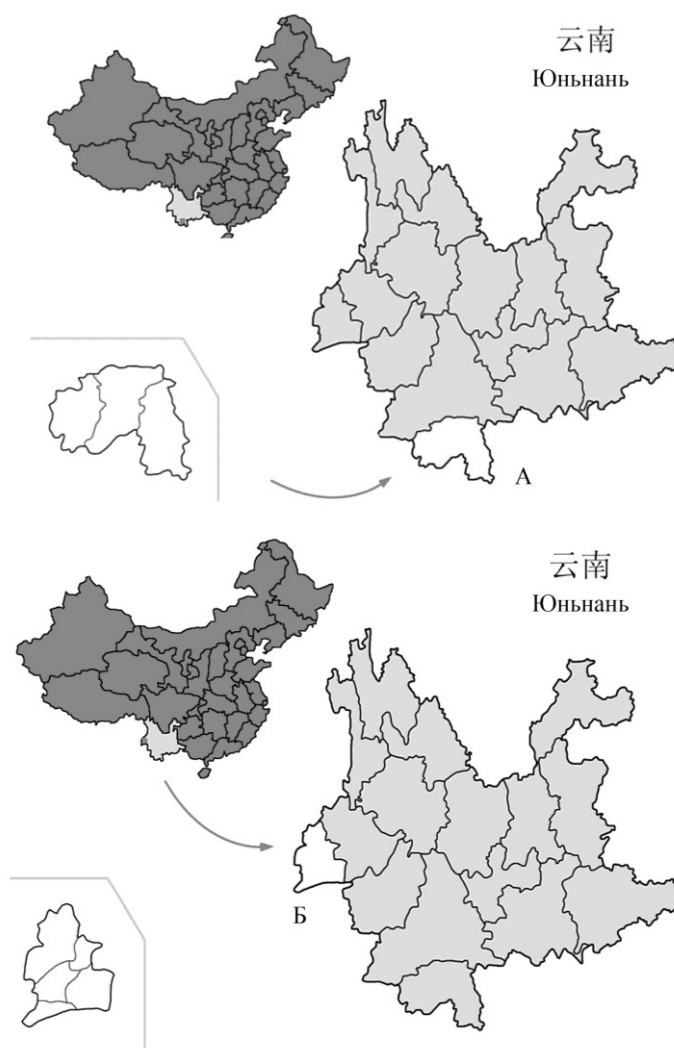

Рис. 2. Национальные дайские административно-территориальные единицы: А — Сишунбаньяна-Дайский автономный округ; Б — Дэхун-Дай-Качинский автономный округ
National Dai administrative-territorial units: A — Sishuangbanna-Dai Autonomous Region; B — Dehun-Dai-Kachin Autonomous Region

¹ Обряды с принесением в жертву домашней птицы вообще широко распространены в Азии.

Список литературы

1. Шульга Д. П. Меридиональные связи в Китае III в. до н. э. как прелюдия Шелкового пути // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 77—85.
2. 吴春明、王樱。"南蛮蛇种"文化史//南方文物2010年第2期。[У Чуньмин, Ван Ин. История культуры «змеев южных инородцев» // Наньфан вэньу. 2010. № 2. С. 89—102].
3. Культура дян (диен) как вариант донгшонской цивилизации / В. И. Молодин, Н. В. Полосмак, С. А. Комиссаров, Ю. А. Азаренко // Развитие территорий. 2015. № 1. С. 6—12.
4. Шульга А. А., Шульга Д. П., Гирченко Е. А. К вопросу об источниках изучения ритуальных жертвоприношений у ранних земледельцев Восточной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 689—694.
5. Шульга А. А., Шульга Д. П., Сидорова М. О. Рисоводческие обряды «малых народов» юго-западного Китая (Юньнань) как возможный ключ к семантике наскальной композиции в уезде Цаньюань // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 657—664.
6. 殷雅娟, 潘洋, 秦莹。云南人口较少民族史诗中传统农业思想报 [Инь Яцзюань, Пань Ян, Цинь Ин. Сельскохозяйственные мотивы в традиционном эпосе малых народов провинции Юньнань // Юньнань нунье дасюэ сюэбао. 2016. № 10 (3). С. 49—53 (на кит. яз.).]
7. Шульга Д. П., Мерзликин А. А. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин : моногр. Новосибирск : Омега Принт, 2016. 136 с.
8. 玄松南。傣族传统文化中的水稻因素 // 中国稻米2007年第6期 [Сюань Суннань. Фактор риса в традиционной культуре народности дай // Чжунго даоми. 2007. № 6. С. 12—14].
9. 余桂榕。小米文化與原鄉婦女的生命力 // 文化研究2008年第7期 [Юй Гуйжун. Культура проса и женская сила у аборигенов Тайваня // Вэньхуа яньцзю (Журнал исследователей культуры). 2008. № 7. С. 151—177].
10. 朱颖祺, 秦莹, 黎恒。云南人口较少民族稻作仪式探究// 云南农业大学学报 [Чжу Инци, Цинь Ин, Ли Хэн. Углубленное изучение рисоводческой обрядности у малых районов провинции Юньнань // Юньнань нунье дасюэ сюэбао. 2016. № 10 (3). С. 46—49 (на кит. яз.).]
11. 鹿憶鹿。從小米神話傳說探討臺灣原住民文化 // 大同大學通識教育年報2010年第6期 [Лу Илу. Исследование связанных с просом мифов и легенд аборигенов Тайваня // Датун дасюэ тунши цзяюй няньбао (Ежегодный образовательный журнал Датунского университета). 2010. № 6. С. 7—26].

References

1. Shul'ga D.P. Meridional'nye svyazi v Kitae III v. do n. e. kak prelyudiya Shelkovogo puti [Meridional connections in 3rd century B.C. China as a prelude to the Silk Road], *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta* [Vestnik of Donetsk National University. Series B: Humanities]. Seriya B: Gumanitarnye nauki, 2020, no. 1, p. 77—85.
2. 吴春明、王樱。"南蛮蛇种"文化史//南方文物2010年第2期。[U Chun'min, Van In. Istoriya kul'tury "zmeev yuzhnykh inorodtsev" [The history of the culture of the "kites of the southern aliens"], *Nan'fan wen'wu*, 2010, no. 2, pp. 89—102].
3. Molodin V.I., Polos'mak N.V., Komissarov S.A., Azarenko Yu.A. Kul'tura dyan' (dien) kak variant dongshonskoi tsivilizatsii [The Dian (Dien) culture as a variant of the Dong Son civilization], *Razvitie territorii* [Territorial development], 2015, no. 1, pp. 6—12.
4. Shul'ga A.A., Shul'ga D.P., Girchenko E.A. K voprosu ob istochnikakh izucheniya ritual'nykh zhertvoprinoshenii u rannikh zemledel'tsev Vostochnoi Azii [On the Study of ritual sacrifice in early East Asian farmers], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archaeology, ethnography, and anthropology of Siberia and adjacent territories], 2020, vol. 26, pp. 689—694.
5. Shul'ga A.A., Shul'ga D.P., Sidorova M.O. Risovodcheskie obryady «malykh narodov» yugo-zapadnogo Kitaya (Yun'nan') kak vozmozhnyi klyuch k semantike naskal'noi kompozitsii v ueзде Tsan'yuan' [The rice-growing rites of the "small peoples" of southwestern China (Yunnan) as a possible key to the semantics of the rock composition in Qianyan County], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and neighboring territories], 2019, vol. 25, pp. 657—664.

6. 殷雅娟, 潘洋, 秦莹. 云南人口较少民族史诗中传统农业思想报 [In' Yatszyuan', Pan' Yan, Tsing' In. Sel'skokhozyaistvennye motivy v traditsionnom epose malykh narodov provintsii Yun'nan' [Agricultural motifs in the traditional epic of small peoples of Yunnan province], *Yun'nan' nun"e dasyue syuebao*, 2016, no. 10 (3), pp. 49—53 (na kit. yaz.)].
7. Shul'ga D.P., Merzlikin A.A. "Vertograd polkovodtsa" Chzhuge Lyana na styke distsiplin, monografiya [Zhuge Liang's "The Vertograd of the Warlord" at the junction of disciplines]. Novosibirsk, Omega Print, 2016, 136 p.
8. 玄松南. 傣族传统文化中的水稻因素, *中国稻米2007年第6期* [Syuan' Sunnan'. Faktor risa v traditsionnoi kul'ture narodnosti dai [The rice factor in the traditional culture of the Dai people], *Chzhungo daomi*, 2007, no. 6, pp. 12—14].
9. 余桂榕. 小米文化與原鄉婦女的生命力, *文化研究2008年第7期* [Yui Guizhun. Kul'tura prosa i zhenskaya sila u aborigenov Taivanya [The culture of millet and women's power in Taiwan's aborigines], *Ven'khua yan'tszyu (Zhurnal issledovatelei kul'tury)* [The Journal of Cultural Researchers]], 2008, no. 7, pp. 151—177].
10. 朱颖祺, 秦莹, 黎恒. 云南人口较少民族稻作仪式探究, *云南农业大学学报* [Chzhu Intsi, Tsing' In, Li Khen. Uglublennoe izuchenie risovodcheskoi obryadnosti u malykh raionov provintsii Yun'nan' [An in-depth study of rice-growing rituals in small areas of Yunnan Province], *Yun'nan' nun"e dasyue syuebao*, 2016, no. 10 (3), pp. 46—49 (na kit. yaz.)].
11. 鹿憶鹿. 從小米神話傳說探討臺灣原住民文化, *大同大學通識教育年報2010年第6期* [Lu Ilu. Issledovanie svyazannykh s prosom mifov i legend aborigenov Taivanya [Study of millet-related myths and legends of Taiwanese natives], *Datun dasyue tunshi tszyaoyui nyan'bao (Ezhegodnyi obrazovatel'nyi zhurnal Datunskogo universiteta* [Annual educational journal of the University of Datuna]), 2010, no. 6, pp. 7—26].

Информация об авторах

Шульга Анна Александровна — преподаватель International Online Center «Speak Russian». Севастополь, Российская Федерация. E-mail: levshavnin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5948-1991>

Юрченко Маргарита Алексеевна — преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

Information about the authors

Anna A. Shulga — Teacher at the International Online Center "Speak Russian". Sevastopol, Russian Federation. E-mail: levshavnin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5948-1991>

Margarita A. Yurchenko — Lecturer of the Department of Foreign Languages and Linguistics, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

Статья поступила в редакцию 22.09.2022; одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 27.09.2022.

The article was submitted 22.09.2022; approved after reviewing 23.09.2022; accepted for publication 27.09.2022.

Этнокультурное наследие

Научная статья
УДК 069

Сохранение и актуализация нематериального культурного наследия российских немцев¹

Анна Николаевна Блинова¹, Татьяна Борисовна Смирнова²

¹ Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Омск, Российская Федерация, anblinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8284-7042>

² Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Омск, Российская Федерация, smirnovatb@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7533-5364>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сохранения и актуализации нематериального культурного наследия российских немцев. События этнической истории привели к формированию уникального культурного наследия российских немцев. К таким событиям можно отнести многочисленные миграции, депортацию, спецпоселение, мобилизацию в трудовую армию, эмиграционное движение конца XX в. Авторы останавливаются на основных видах нематериального культурного наследия российских немцев и дают их характеристику. Некоторые виды этого наследия уже не существуют в культуре современной Германии. В работе, направленной на возрождение, сохранение и актуализацию культурного наследия народа, ведущую роль играют общественные организации разного уровня — от федеральных до местных центров встреч и музеев. Российские немцы стремительно теряют уникальные объекты нематериального культурного наследия — диалекты немецкого языка, в связи с чем в последние годы ведется работа по фиксации и сохранению этого элемента культуры: проводятся научные лингвистические экспедиции, создаются базы данных, появляются детские курсы, на которых носители диалектов знакомят школьников с различными локальными вариантами немецкого языка, создается контент на диалектах для различных медиаресурсов. Песенный, поэтический и прозаический фольклор российских немцев сохранился в редких формах (например песни, исполняемые на диалекте, двуязычные русско-немецкие песни, сочинения, написанные в трудовой армии, или шванки). Ярко выраженной этнической спецификой по-прежнему обладают элементы календарной и свадебной обрядности российских немцев. Они тоже фиксируются и воспроизводятся в различных формах не только в работе общественных организаций, но и в семейных практиках. Многие виды материального культурного наследия имеют и нематериальное воплощение, например традиция и технология изготовления шпрухов или пищевые практики народа, — на их популяризацию также направлено множество проектов. Многие из перечисленных элементов нематериального наследия культуры стали важными инструментами выстраивания этнической идентичности.

Ключевые слова: этническая культура, нематериальное культурное наследие, общественные организации, идентичность, российские немцы

Для цитирования: Блинова А. Н., Смирнова Т. Б. Сохранение и актуализация нематериального культурного наследия российских немцев // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 53—60.

Preservation and actualization of the non-material cultural heritage Russian Germans

Anna N. Blinova¹, Tatiana B. Smirnova²

¹ Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography, and Museum Studies at the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation, anblinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8284-7042>

² Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Siberian Branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Omsk, Russian Federation, smirnovatb@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7533-5364>

Abstract. The article discusses the problems of preservation and actualization of the non-material cultural heritage of the Russian Germans. The events of ethnic history led to the formation of the unique cultural heritage of the Russian Germans. Such events include numerous migrations, deportations, resettlement, mobilization into the labor army, emigration movement in the late twentieth century. The authors focus on the main types of non-material cultural heritage of Russian Germans and characterize them. Some types of this heritage no longer exist in the culture of modern Germany. In the work aimed at reviving, preserving and updating the cultural heritage of the people, the leading role is played by public organizations at various levels - from federal to local meeting centers and museums. Russian Germans are rapidly losing unique objects of non-material cultural heritage - the dialects of the German language. For this reason, in recent years work has been done to record and preserve this element of culture: scientific linguistic expeditions are organized, databases are created, dialect courses are offered to children, in which speakers of dialects introduce students to different local variants of the German language, and content in dialects is created for various media resources. The song, poetic and prose folklore of Russian Germans survives in rare forms (e.g. songs sung in dialect, bilingual Russian-German songs, compositions written in the labor army, or schwanki). As before, elements of calendar and wedding ceremonies of Russian Germans are still distinctly ethnic in character. They are also recorded and reproduced in various forms not only in the work of social organizations but also in family practices. Many types of material cultural heritage also have non-material forms, such as the tradition and technology of spruce-making or the food practices of the people - many projects are also aimed at their popularization. Many of these elements of non-material cultural heritage have become important tools in the construction of ethnic identity.

Keywords: ethnic culture, non-material cultural heritage, public organizations, identity, Russian Germans

For citation: Blinova A.N., Smirnova T.B. Preservation and actualization of the non-material cultural heritage Russian Germans. *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):53—60. (In Russ.).

Культурное наследие, в том числе нематериальное, может иметь выраженную этническую специфику. В отличие от объектов всемирного наследия или национального наследия отдельной страны, обладающих универсальной ценностью, объекты этнокультурного наследия тесно связаны с конкретным народом и называются по имени этого народа: «русский свадебный обряд», «татарский фольклор», «адыгские песни», «хантыйские обычаи гостеприимства» и т. д.

Основными видами нематериального этнокультурного наследия являются фольклор, обряды и обычаи, народные знания и навыки, традиционные виды спорта, семейные и родовые традиции, исполнительские искусства, в том числе народная хореография, актерская игра, пение, народные художественные промыслы и технологии производства, народное изобразительное искусство, музыкальные произведения, народный театр, тради-

ционные народные праздники, кулинарное наследие, строительное наследие, а также язык как носитель нематериального культурного наследия.

Чаще всего нематериальное этнокультурное наследие имеет доиндустриальное происхождение. Элементы духовной культуры в процессе своего развития преодолевают локальность, приобретают особое значение для всего народа, становятся его символами. У каждого объекта нематериального культурного наследия есть свой путь от рождения до приобретения статуса символа народа, но их общей чертой является значительная роль в истории и культуре, объединяющий весь народ характер. Нередко это яркие, красочные, самобытные элементы. Приобретая статус народных традиций, они играют большую роль в становлении и развитии наций.

Культурное наследие народов России достаточно хорошо изучено благодаря системным исследованиям Российской академии наук (РАН), Русского географического общества и других организаций. Сейчас эту системную работу проводят региональные отделения РАН и региональные научные центры РАН, в состав которых входят комплексные институты по изучению языка, литературы, искусства, университеты, краеведческие музеи. Регулярно проводятся конференции, издаются книги, посвященные культуре народов России. Институт этнологии и антропологии РАН издает многолетнюю серию «Народы и культуры».

Сегодня, в XXI в., этнокультурное наследие воспроизводится в основном профессионально или в рамках деятельности национально-культурных общественных организаций, в значительной степени — с помощью информационных технологий. Часто этнокультурное наследие становится основой развития туризма и культурных индустрий. В то же время особенностью этнокультурного наследия является его тесная связь с конкретными представителями народа, его носителями, исполнителями. В России из-за ее огромной территории есть множество региональных и территориальных вариантов этнокультурного наследия, особенно в тех случаях, когда народы проживают не компактно, а в разных частях страны. Поэтому сохраняется большая вариативность этнокультурного наследия, его индивидуальность, традиционные способы его передачи от старших поколений к младшим, семейное бытование. Тем не менее можно выделить такие объекты нематериального культурного наследия, которые исторически связаны в целом с конкретным народом России.

Особенности культуры российских немцев во многом обусловлены непрерывными процессами переселения — добровольными и принудительными. Приехав в Россию, в чужую страну, очень разные группы немецкого населения начинают преодолевать собственное языковое, религиозное, социальное многообразие, вливаясь в принимающее сообщество, усваивая его нормы. В то же время иммигранты, расселяясь по разным регионам новой родины, приобретают иное многообразие, связанное с разными условиями проживания и адаптации к ним, в результате сложились этнотерриториальные группы поволжских, украинских, кавказских, волынских, сибирских немцев со своими неповторимыми локальными культурными особенностями [1, с. 178].

Депортация, по мнению специалистов, стала той точкой отсчета, после которой началось постепенное размывание этнической идентичности и утрата этнокультурных особенностей. Главное негативное последствие депортации было связано с изменением характера проживания советских немцев. Если раньше немцы проживали компактно на территории Республики немцев Поволжья или других населенных пунктов, то после переселения они стали проживать дисперсно, на огромных расстояниях друг от друга. Это сыграло роль в стремительном развитии ассимиляционных процессов: увеличивается количество межнациональных браков, немцы постепенно переходят на русский язык как основной язык общения, происходит замыкание религиозности в семье, в узком кругу родственников, друзей

и соседей [2]. При этом нужно отметить, что российские немцы в силу ограниченности контактов со страной выхода, несмотря на сложные условия проживания на протяжении почти всего XX в., сохранили обряды и другие элементы традиционной культуры, которые у немцев Германии перестали существовать еще в конце XIX в.

Эмиграция в Германию также оказала влияние на все стороны жизни немцев в России: более чем в два раза сократилась их общая численность, выросла доля городского населения, практически исчезли места компактного проживания, немцы окончательно перешли на русский язык, что приводит к потере диалектных форм языка, подавляющее их большинство — это потомки смешанных семей, состоящие в смешанных браках. Все это привело к кардинальным изменениям в процессе передачи этнокультурной информации. То что раньше воспроизводилось в естественных условиях повседневной жизни в сельских сообществах (происхождение, диалект, вера, обычаи), теперь воспринимается опосредованно через литературу, Интернет, деятельность общественных организаций. К сожалению, часть очень важной этнокультурной информации, связанная с устными формами передачи, исчезает.

Все документы, посвященные охране нематериального культурного наследия, подчеркивают роль языков в его сохранении и передаче следующим поколениям. Немцы в России образовали новое языковое сообщество, не имеющее аналогов на исторической родине, поскольку оно прошло другой путь. Уникальность языка российских немцев обусловлена смешением диалектов в иноязычном окружении и приобретением ими локальных черт. Привезенный переселенцами в Россию родной диалект, еще не тронутый влиянием литературной формы, развивался и функционировал на новой родине только с набором языковых средств, которые были привезены с собой его носителями. К сожалению, сегодня мы видим разрушение языковой системы диалектов в связи с отсутствием среды бытования, в которой бы диалект был средством передачи культурной информации и перманентного общения. Поэтому диалекты нуждаются в охране и поддержке. Работа в этом направлении ведется общественными организациями в регионах Сибири, там, где сильны диалектологические школы и сохранились носители, например в Алтайском и Красноярском краях, Томской области. Яркий пример такой работы — Открытый электронный архив языка российских немцев, представленный на сайте «Немцы Томской области» [3]. Это онлайн-ресурс, который предоставляет всем желающим доступ к систематизированному каталогу аудио- и видеозаписей диалектной речи российских немцев. Данный проект являет собой архив живой, т. е. звучащей, речи, создает уникальную материальную базу для ее сохранения и изучения. Удачной практикой изучения языка является интегрирование его в образовательный процесс. Например, Зара Тевс, учитель школы с. Неудачино Новосибирской области, создала детский языковой клуб на Plautdietsch, где изучение диалекта происходит устно, поскольку он не имеет устойчивой письменной формы. Дети играют, рисуют, разыгрывают сценки. На популяризацию общения на диалекте направлен цикл кулинарных передач Ирины Скворцовой [4].

С языком тесно связана еще одна важная часть нематериального культурного наследия — фольклор, во многом он является квинтэссенцией души народа, в нем отражаются накопленные многими поколениями жизненная мудрость и опыт, этническое самосознание и восприятие окружающего мира. И здесь мы тоже имеем виды песенного, поэтического и прозаического творчества, сохранившиеся в редких формах, не существующих в Германии уже в течение многих десятилетий. Среди песенного фольклора особую ценность как объекты нематериального культурного наследия народа имеют песни, исполняемые на диалекте, двуязычные русско-немецкие (макаронические) песни или сочинения, написанные в трудовой

армии. Поэтому неудивительно, что в Каталоге объектов нематериального культурного наследия народов России российские немцы представлены четырьмя позициями и все они находятся в категории «народное исполнительство»: колыбельные песни меннонитов с. Неудачино (Новосибирская область), детский песенный фольклор меннонитов с. Неудачино (Новосибирская область), духовные песни немцев-католиков с. Шумановка (Алтайский край), традиция духовных песен немцев-лютеран с. Подсосново (Алтайский край) [5].

Особым жанром немецкого фольклора является шванк — короткий юмористический рассказ. Шванк российских немцев остается до настоящего времени одной из форм сохранения языка и культуры. Его характерная черта — отражение типичных разговорных и диалектных особенностей языка, быта и тонкостей национального юмора. Здесь тоже существуют интересные проекты, направленные на актуализацию этого вида нематериального культурного наследия российских немцев, например созданный Новосибирским областным Российско-Немецким домом анимационный мини-сериал «Schwänke von einst und jetzt» (на диалекте Plautdietsch) [6] или видеозаписи шванков Адольфа Вальтера на верхнегессенском диалекте, подготовленные Культурно-деловым центром г. Омска [7].

Календарная и семейная обрядность российских немцев тоже сохранила свое своеобразие. Христианский церковный календарь выступал основой немецкого народного календаря, с ним связывалась сложившаяся система праздников, чередование праздничного и будничного времени. Главные праздники церковного календаря становятся значимыми и основными и в народном календаре, к ним приурочиваются разные обычаи и обряды. К главным праздникам в культуре российских немцев относятся Weihnachten (Рождество), Ostern (Пасха), Pfingsten (Пятидесятница, Троица). Существенными компонентами праздников являлись и материальные компоненты — подготовка и оформление пространства жилища, праздничная пища. Праздничные формы поведения включали индивидуальные, семейные и общественные ритуалы. Среди наиболее распространенных праздничных форм следует назвать молитвенные собрания, поздравительные обходы, семейные застоля. Обрядовые действия ряженых в рождественском цикле имеют локальную специфику и являются частью нематериального культурного наследия, как и пасхальные игры, подготовка «пасхальных гнезд», установка майского дерева на Pfingsten, создание жатвенных венков на Erntedankfest (Праздник урожая). Для календарной обрядности российских немцев сегодня характерен выход из активного бытования большей части обрядовых практик. Деятельность общественных организаций по возрождению праздников и обрядов чаще приводит к актуализации новаций и модернизации обрядности, связанных с обращением к традициям немцев Германии, нежели к собственным региональным и локальным вариантам обрядности.

Ярко выраженной этнической спецификой обладают элементы свадебной обрядности, например приглашение на свадьбу или обряд снятия венка и второго дня свадьбы. Локальные технологии изготовления свадебных венков и букетов жениха — важная составляющая нематериального культурного наследия российских немцев. Кульминацией свадебного торжества является ритуал снятия венка с невесты (так называемый ритуал очепления). В этнографической литературе существует мнение, что в Германии в конце XIX — начале XX вв. обычай очепления встречался уже очень редко. У российских немцев, однако, этот обычай повсеместно распространен до настоящего времени. Раньше после снятия венка на молодую было принято надевать чепец, про новобрачную говорили, что она «идет под чепец» (kommt unter die Haube), поэтому этот обычай и получил название «очепление». Смысл этого обычая заключается в том, что, с одной сторо-

ны, он отделяет новобрачную от незамужних подруг, а с другой стороны, означает вступление ее в группу замужних женщин. Позже вместо чепца стали использовать платок (в некоторых деревнях чепчик невесте надевали вплоть до 1970-х гг.). Замужние женщины обязательно носили платки, причем завязывали их так, чтобы не высовывалась ни одна прядка волос. Волосы являлись важнейшей составляющей женской красоты, поэтому после замужества любоваться на них мог только муж, а не посторонние мужчины. Несмотря на то что платки заменили собой чепцы, сам ритуал фактически не изменился. В полночь новобрачных сажают в центре комнаты на стулья. Гости становятся вокруг и поют песню «Schön ist die Jugend». В разных группах немцев существовали разные варианты этой песни. Самый распространенный на сегодняшний день вариант песни о прекрасной молодости бытовал среди поволжских немцев, он был записан диалектологами и впоследствии опубликован [8, с. 266]. Вместо этой песни могут петь песню о снятом венке или другие песни, как правило, печальные, и невеста во время этого обряда плачет, прощается с прекрасной молодостью. В д. Поповка Азовского района Омской области этот ритуал носит название «отпевание венка» [9]. Свои варианты этого ритуала есть практически в каждой деревне. Возможно, что это связано с тем, что он занимает центральное место в свадебном обряде, поэтому его проведение было четко регламентировано [10, с. 22—26].

Произведения декоративно-прикладного искусства являются частью как материального наследия народа, так и нематериального, потому что для их изготовления применялись уникальные технологии. Особым видом художественной росписи российских немцев являются шпрухи — красочно оформленные изречения различного содержания (Spruch — изречение). В настоящее время шпрухи представляют собой в основном красочно оформленные изречения из Библии или краткие назидания. Эти разнообразные по технологии, оформлению и содержанию картины воплощают яркие черты немецкого народного творчества, которое сегодня по-прежнему востребованно. Актуализация этого вида культурного наследия происходит с помощью мастер-классов, конкурсов (например, с 2017 г. Национально-культурная автономия немцев Усинска проводит городской муниципальный конкурс — «Шпрухи. Возрождение немецкой традиции»), издания альбомов и открыток [11—13] и т. д.

В последние годы большие усилия были приложены для актуализации и популяризации национальной кухни, пищевых традиций и практик российских немцев. К блюдам своей национальной кухни российские немцы относят тушеное свиное мясо с квашеной капустой, картофелем и рулетиками из теста — штруделями (Strudel), куриный суп с домашней лапшой (Nudelsupp), кребль (Kräbbel), пирог с посыпкой — ривелькухен (Riewelkuche), фигурные пряники (Prenig). Проводятся различные мероприятия: фестивали, семинары, мастер-классы и т. д., направленные на сохранение и развитие уникального этнокультурного наследия. Наиболее востребованным форматом стали кулинарные книги и передачи о национальной кухне на YouTube-каналах [14].

Нематериальное культурное наследие российских немцев — уникальное, живое, синкретичное явление, актуализация которого должна основываться на живом интересе современных людей к прошлому своего народа и восприниматься ими не как нечто давно отжившее, а как источник новых смыслов и ресурсов, позволяющих сохранять и выстраивать свою этническую идентичность. Общественные организации российских немцев прилагают много усилий для сохранения культурного потенциала своего народа, сегодня можно говорить о продуманной схеме как языковой, так и этнокультурной работы с применением актуальных технологий, что дает надежду на дальнейшее устойчивое развитие культуры российских немцев.

Список источников

1. Российские немцы : моногр. / [Е. А. Арндт, А. Н. Блинова, Д. И. Вайман и др.] ; отв. ред. Т. Б. Смирнова, В. А. Тишков. М. : Наука, 2021. 718 с.
2. Блинова А. Н., Смирнова Т. Б., Шлегель Е. А. Влияние депортации на идентичность немцев России и Казахстана // Журнал фронтальных исследований. 2021. № 6 (4 (24)). С. 91—116.
3. Открытый электронный архив языка российских немцев // Немцы Томской области : [сайт]. URL: <https://www.tomdeutsche.ru/dialects/>
4. Скворцова И. О еде и диалекте: видеопроект «Daheim ist Dahoom» // BIZ-BOTE : информационно-методический журнал Института этнокультурного образования — BIZ. 2021. № 4. С. 48—50.
5. Реестр объектов нематериального культурного наследия // Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/traditions/culture-heritage/location-russia?query=&sort=-publishDate>
6. Первый канал российских немцев // YouTube : [видеохостинг]. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLWPAGZ2M5C46aQ--JbCMTn_8HTzA0b5a2
7. Русско-Немецкий Дом // YouTube : [видеохостинг]. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLCqppXrNERHIdbeUB0mwnKhaCoCkz1K-f>
8. Шишкина-Фишер Е. М. Немецкая свадьба=Deutsche Hochzeit. М. : МСНК-пресс, 2008. 286 с.
9. Музей археологии и этнографии Омского государственного университета. Ф. I. Д. 83-2. Л. 3, 4.
10. Вальц Л. Песня «Schön ist die Jugend» как часть нематериального культурного наследия российских немцев // BIZ-BOTE : информационно-методический журнал Института этнокультурного образования — BIZ. 2021. № 4. С. 22—26.
11. Шпрукх немцев Урала / Die Sprüche der Uraldeutschen: [комплект открыток] / сост. Д. И. Вайман. Пермь : Маматов, 2014. 16 л.
12. Усинские шпрукх. Возрождение традиций : [комплект открыток]. Усинск, 2018. 16 л.
13. Шпрукх / сост. И. И. Фризен. Барнаул, 2020. 20 л.
14. Сарманова С. Р. Пища как маркер идентичности: современные формы репрезентации немецкой кухни // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2022. № 1 (11). С. 123—131.

References

1. Arndt E.A., Blinova A.N., Vaiman D.I. et al., Smirnova T.B. (ed.), Tishkov V.A. (ed.) Rossiiskie nemtsy [Russian Germans], monogr. Moscow, Nauka, 2021, 718 p.
2. Blinova A.N., Smirnova T.B., Shlegel' E.A. Vliyanie deportatsii na identichnost' nemtsev Rossii i Kazakhstana [The influence of deportation on the identity of Germans in Russia and Kazakhstan], *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy* [Journal of frontier studies], 2021, no. 6 (4 (24)), pp. 91—116.
3. Otkrytyi elektronnyi arkhiv yazyka rossiiskikh nemtsev [Open electronic archive of the Russian German language], *Nemtsy Tomskoi oblasti* [Germans of the Tomsk region]. Available at: <https://www.tomdeutsche.ru/dialects/>
4. Skvortsova I. O ede i dialekte: videoproekt «Daheim ist Dahoom» [About food and dialect: "Daheim ist Dahoom" video project], *BIZ-BOTE: informatsionno-metodicheskii zhurnal Instituta etnokul'turnogo obrazovaniya* — BIZ [BIZ. BIZ-BOTE : information and methodological journal of the Institute of Ethnocultural Education - BIZ], 2021, no. 4, pp. 48—50.
5. Reestr ob"ektov nematerial'nogo kul'turnogo naslediya [Register of objects of non-material cultural heritage], *Kul'tura.RF* [Culture.RF]. Available at: <https://www.culture.ru/traditions/culture-heritage/location-russia?query=&sort=-publishDate>
6. Pervyi kanal rossiiskikh nemtsev [The first channel of Russian Germans], *YouTube*, [videokhosting]. Available at: https://www.youtube.com/playlist?list=PLWPAGZ2M5C46aQ--JbCMTn_8HTzA0b5a2
7. Russko-Nemetskii Dom [Russian-German House], *YouTube*, [videokhosting]. Available at: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLCqppXrNERHIdbeUB0mwnKhaCoCkz1K-f>
8. Shishkina-Fisher E.M. Nemetskaya svad'ba=Deutsche Hochzeit [A German wedding =Deutsche Hochzeit]. Moscow, MSNK-press, 2008, 286 p.
9. Muzei arkhologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta [The museum of archeology and ethnography of Omsk State University], coll. I, fol. 83—2, pp. 3, 4.
10. Val'ts L. Pesnya «Schön ist die Jugend» kak chast' nematerial'nogo kul'turnogo naslediya rossiiskikh nemtsev [Schön ist die Jugend" as part of the immaterial cultural heritage of Russian Germans], *BIZ-BOTE, informatsionno-metodicheskii zhurnal Instituta etnokul'turnogo obrazovaniya* — BIZ [BIZ. BIZ-BOTE : information and methodological journal of the Institute of Ethnocultural Education - BIZ], 2021, no. 4, pp. 22—26.
11. Vaiman D.I. (ed.) Shprukhi nemtsev Urala/Die Sprüche der Uraldeutschen [Spruces of the Urals Germans/ Die Sprüche der Uraldeutschen], [komplekt otkrytok]. Perm', Mamatov, 2014, 16 p.

12. Usinskie shprukhi. Vozrozhdenie traditsii [The Usinskie Spruces. Revival of traditions], [komplekt otkrytok]. Usinsk, 2018, 16 p.
13. Frizen I.I. (ed.) Shprukhi [Shpruces]. Barnaul, 2020, 20 p.
14. Sarmanova S.R. Pishcha kak marker identichnosti: sovremennye formy reprezentatsii nemetskoj kuhni [Food as an identity marker: contemporary forms of representation of German cuisine], *Ezhegodnik Mezhdunarodnoi assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossijskikh nemtsev* [The yearbook of the International association of researchers of the history and culture of the Russian Germans], 2022, no. 1 (11), pp. 123—131.

Информация об авторах

Блинова Анна Николаевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения, Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Российская Федерация. E-mail: anblinova@mail.ru

Смирнова Татьяна Борисовна — доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, зав. отделом национальных культур и историко-культурного наследия, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Омск, Российская Федерация. E-mail: smirnovaTB@omsu.ru

Information about the authors

Anna N. Blinova — PhD in History, researcher at the Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museum Studies, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation. E-mail: anblinova@mail.ru

Tatyana B. Smirnova — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Ethnology, Anthropology, Archeology and Museology, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Head. Department of National Cultures and Historical and Cultural Heritage, Siberian Branch of the D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Omsk, Russian Federation. E-mail: smirnovaTB@omsu.ru

Статья поступила в редакцию 28.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 03.10.2022.

The article was submitted 28.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 03.10.2022.

Этнокультурное наследие

Научная статья
УДК 398.8

Отражение исторической действительности в казачьем песенном фольклоре

Елена Михайловна Бородина

Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Российская Федерация,
elena.folklor@rambler.ru

Аннотация. В статье автор характеризует казачий песенный фольклор воинского содержания, выделяет тематическое многообразие текстов песен, отражающих сложнейшие периоды истории российского казачества и конкретные исторические события. В песнях раскрываются конкретные процессы, явления и факты, мотивы поступков персонажей, характеризуется их внутренний мир. Создаваемые варианты текстов адаптировались к конкретным мелодическим построениям, при этом музыкально-ритмическая основа песен не нарушалась. Синтез таких элементов, как музыкальный язык, текст и ритм, позволил сформировать новую песню как самостоятельное явление фольклора. В статье были использованы материалы современных фольклористов и казаковедов, а также собранные автором в ходе многочисленных фольклорно-этнографических экспедиций, проведенных на территории Кузбасса, сведения о песнях, сказках, сказаниях, отражающие богатый духовный мир российского, в том числе сибирского, казачества.

Ключевые слова: казачий песенный фольклор, исторические события, текст песни, художественный образ, тематическое содержание, литературная переработка

Для цитирования: Бородина Е. М. Отражение исторической действительности в казачьем песенном фольклоре // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 61—71.

Ethnocultural heritage

Original article

Reflection of historical reality in Cossack song folklore

Elena M. Borodina

Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russian Federation, elena.folklor@rambler.ru

Abstract. In the article the author characterizes the Cossack song folklore of military content, marks out a variety of thematic variants of the texts of the songs, reflecting the most complicated periods of the history of the Russian Cossacks and specific historical events. The songs open up specific processes, phenomena and facts, motives of characters' deeds, characterize their inner world. The created variants of the texts were adapted to the specific melodic constructions, without disturbing the musical and rhythmic basis of the songs. The synthesis of such elements as musical language, text and rhythm allowed to form a new song as an independent phenomenon of folklore. The article used materials of modern folklorists and Cossack scholars, and collected by the author in the course of numerous folklore and ethnographic expeditions conducted on the territory of Kuzbass, information about songs, tales, tales, reflecting the rich spiritual world of the Russian, including the Siberian, Cossacks.

Keywords: Cossack song folklore, historical events, lyrics, artistic image, thematic content, literary revision

For citation: Borodina E.M. Reflection of historical reality in Cossack song folklore. *Siberia Humanitarian*. 2023. № 1. С. 61—71.

Фольклор российского казачества напрямую связан с историей Российского государства. Казаки составляли значительную часть вооруженных формирований и участвовали во всех войнах. Все впечатления непосредственных участников боевых действий и социальных движений в России отразились в народной памяти. Это привело к формированию огромного пласта воинского песенного фольклора. Воинский фольклор стал не просто частью культурного наследия казаков, лирической летописью времени, но и боевым духовным оружием, а каждая песня — истинным шедевром.

Казачьи песни не только воссоздают происходящие события (походы, штурмы, сражения), но и передают состояние духа, эмоции героев, их взгляд на происходящее. Душевное состояние позволяло творчески подходить к созданию разных версий текстов известных песен, посвященных конкретным историческим событиям.

Песенный фольклор казаков, одна из самых богатых традиций национальной певческой культуры, складывался в процессе развития российского казачества, обогащался благодаря тем обстоятельствам и событиям, которые его сопровождали.

Синтез слов и музыки, художественная выразительность казачьей песни привлекали внимание современных ученых культурологов, этнографов, фольклористов, этномузыкологов и искусствоведов. Неисчерпаемое творчество казаков стало предметом исследования большого количества авторов в диссертациях, монографиях, научных статьях. Так, например, песенная традиция донских казаков была охарактеризована в работах А. М. Листопадова [1], А. С. Кабанова [2 ; 3], Т. С. Рудиченко [4], О. Г. Никитенко [5]. Жанровое многообразие фольклора уральских (яицких) казаков исследовали С. Я. Арфин [6], Е. И. Коротин, О. Е. Коротин [7], Т. И. Калужникова [8]. Различные аспекты музыкальной культуры сибирских казаков были изучены Е. Я. Аркиным [9], В. М. Щуровым [10], Е. М. Бородиной [11 ; 12], Н. И. Бондаревой, А. В. Мамсеевой [13].

Анализируя работы исследователей казачьего фольклора, а также материалы, собранные лично в этнографических экспедициях в местах компактного проживания казаков, автор приходит к выводу о том, что одна и та же мелодия может повторяться с разными текстами, схожими по смыслу, но воспроизводящими разные по времени военно-исторические события. Этот вывод послужил толчком к более глубокому изучению и осмыслению казачьего фольклора как в литературном, так и музыкальном контексте. Целью данной статьи является анализ собранных автором во время многочисленных экспедиций различных вариантов текстов казачьих песен, отражающих конкретные военно-исторические события, сформировавших значительный пласт военных и походных казачьих песен. Объектом нашего исследования стал воинский казачий фольклор. Предметом — отражение исторических событий в казачьем фольклоре.

Записанные нами казачьи воинские песни можно разделить на несколько смысловых групп. В первой группе песен воссозданы образы полководцев и командиров. Это, бесспорно, положительные герои. Они вдохновляют и воодушевляют на ратный подвиг. Они всегда впереди казачьего войска. Так, например, в текстах раскрывается полководческий талант Александра Суворова, Михаила Кутузова, храбрость атаманов Матвея Платова, Ермака, Степана Разина, Емельяна Пугачева. В то же время есть песни, в которых характеризуются исторические фигуры Ивана Грозного, Петра I, Александра I [14, с. 111]. Во многих песнях повествуется о трагичных судьбах рядовых казаков, гибнущих в бою и похороненных на чужбине (например, «В чистом поле под ракитой», «Поехал казак на чужбину далеко», «Прощай, отец и мать родная»).

Особая группа песен посвящена казакам-героям, где казачье войско выступает как решающая, определяющая исход боя сила («Ночи темны, тучи

грозны», «Засвистали казаченьки», «Мы казаки, гурьбой»). В качестве примера приведем казачью песню «Ночи темны, тучи грозны», посвященную событиям 1790 г., песня имеет несколько вариантов текста. В оригинале она посвящена взятию Измаила.

Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью плывут —
Наши стройные казаки
Под Измаил-город идут,

Идут-идут казаченьки
Своим тихим маршем,
Идут-идут, маршируют,
Меж собою говорят:

«Трудна служба нам, казакам, —
Под Измаил-город поход,
Да еще того раструднее
Под пушечки подбежать».

Под пушечки подбежали,
Закричали враз «ура».
«Ура, ура! Город взяли,
Потрясли мы стены, вал».

Во втором варианте песни повествуется о Суворове.

Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью плывут,
Наши храбры казаченьки
Со ученьица идут.

Они идут скорым шагом,
Меж собою говорят,
Меж собою говорят, да
Все Суворова хвалят.

«Сам Суворов идет с нами,
Нам и смерть с ним не страшна,
Он отец нам всем военным,
Победитель — городам.

За отечество родное
Своей жизни не щадит,
Становит войска в порядок,
Сам командует: „Вперед!“».

И в оригинале и в варианте песни «Взятие Измаила» раскрыты события русско-турецкой войны: в первом случае говорится о трудной службе, а в другом — о том, как русские войска под командованием А. В. Суворова взяли штурмом считавшуюся неприступной турецкую крепость Измаил, в критический момент сражения важную роль сыграли казачьи колонны Платова и Орлова.

Рассмотрим одну из наиболее популярных песен времен Первой мировой войны «Слышали, деды, война началась». Первоначальный текст песни был положен на мелодию романса «Белой акации грозди душистые»,

а припев — на мелодию гусарской мазурки. Известный текст песни был написан адмиралом А. В. Колчаком и М. Штейнбергом и признан как оригинальная имперская история.

I вариант, 1914 г.:

«Слыхали, деды?
Война началась.
Бросай свое дело —
В поход собирайся».

Деды вздохнули,
Руками взмахнули:
«Знать на то воля,
Надо власть спасти».

«Слышали, братья,
Война началась!
Бросай свое дело,
В поход снаряжайся».

С тихого Дона,
С далекой Кубани.
Все собирались
Россию спасти.

Вдали показались
Германские цепи.
С ними мы будем
Биться до смерти.

В годы Гражданской войны в армии А. И. Деникина дополнили и переписали куплеты. В результате художественно-поэтического творчества возникла песня «Слышали, братья, война началась!», ставшая гимном Добровольческой армии [15]:

«Слышали, братья,
Война началась!
Бросай свое дело,
В поход снаряжайся».

Деды вздохнули,
Руками всплеснули:
«Божья, знать, воля,
Отчизну спасай!»

С тихого Дона,
С далекой Кубани —
Все собирались
Россию спасти.

Вдали показались
Красные роты...
Ружья в атаку!
Вперед пулеметы!

Вот и окопы,
Рвутся снаряды,
Их не боятся
Белых отряды.

III вариант:

«Слышали, деды, —
Войну объявили.
Трубы тревожные
Сбор протрубили».

Русь наводнила
Чуждая сила,
Храмы ограбила
И осквернила!

«Мы наступаем,
Рвутся снаряды,
Но не боятся их
Наши отряды!»

Вот и окопы,
Трещат пулеметы,
Но атакуют их
Цепи пехоты.

Вечная память
Павшим героям!
Честь отдадим им
Воинским строем.

В этот же период (1917—1922) были сложены новые варианты этой песни, в том числе и с сатирическим текстом.

Еще одна популярная среди казаков песня «За рекой Ляхэ», известная нашему поколению под названием «Там вдали за рекой загорались огни», также подверглась творческой переработке. В оригинале песни рассказывается об одном из рейдов во время Русско-японской войны (1904—1905), где казаки потеряли более 400 сотоварищей.

Оригинал, 1905 г.:

За рекой Ляхэ загорались огни,
Грозно пушки в ночи грохотали,
Сотни храбрых орлов
Из казачьих полков
На Инкоу в набег поскакали.

Пробирались там день и ночь казаки,
Одолели и горы и степи.
Вдруг вдали, у реки,
Засверкали штыки,
Это были японские цепи...
<...>

Он упал под копыта в атаке лихой,
Кровью снег заливая горячей:
«Ты, конек вороной,
Передай дорогой,
Пусть не ждет понапрасну казачка...»

Один из вариантов песни:

Там, вдали за рекой, засверкали огни,
В небе ясном заря догорала.
Сотня юных бойцов
Из деникинских войск
На разведку в поля поскакала.

Они ехали долго в ночной тишине,
По широкой украинской степи.
Вдруг вдали, у реки,
Засверкали штыки:
Это красноармейские цепи...
<...>
Он упал возле ног вороного коня,
Смежил очи казак от бессилья:
«Ты, конек вороной,
Передай дорогой,
Что я честно погиб за Россию...»

Заметный след в фольклоре казаков оставила Великая Отечественная война. Вновь созданные или переработанные казаками песни стали современным продуктом народного творчества. Именно в годы Великой Отечественной войны появилось такое количество новых песен, какого не было создано во времена Гражданской войны и в последующие периоды мирного строительства.

Нападение гитлеровской Германии на СССР пробудило в народе невиданные творческое вдохновение и желание выразить языком искусства свое отношение к происходящим событиям. Многие из этих песен были опубликованы в репертуарных сборниках. Немало вариантов новых текстов песен, созданных во фронтовой обстановке и положенных на мелодии традиционных казачьих песен, стали поистине народными. Популярность таких песен зависела не только от содержания и соответствия текста живой действительности, но и настроения самих героев, их взгляда на происходящее. Их ценность заключалась в том, что поднимала моральный дух советских людей в борьбе с врагом [16, с. 19—21].

В период Великой Отечественной войны воля русского народа была направлена на разгром ненавистного врага. Создавая новые произведения, характеризующие немецких захватчиков, нередко обращались к старым образам народной поэзии — былинным героям, именую врага «идолищем поганым» «Змеем Горынычем», «Змеем Тугариновым» и т. д.

Новые варианты текстов обретали и такие народные песни, как «Служили два товарища», «Казак с вечера сбирался», «На взморье мы стояли, на германском берегу», «Вот шли два героя с германского боя» и другие. При этом музыка оставалась прежней или претерпевала незначительные изменения, а слова отражали новые события, даты и географическое расположение. Без изменения оставалась тема героизма.

Новую версию получила известная походная казачья песня «По горам Карпатским». Интересная версия была записана автором в одной из фольклорно-этнографических экспедиций [17]:

По горам Карпатским метелица вьется,
Сильные морозы зимою трещат.
Проклятый германец на нас наступает,
На нашу державу, на крест золотой.

Хотели германцы, чтоб наши казаки
К ихнему престолу служить бы пошли.
А наши казаки, славные рубаки,
К ихнему престолу служить не пошли.

Новая версия текста (отрывок):

По горам Карпатским метелица вьется,
Сильные морозы зимою трещат.
Там мой чернобровый, там мой черноокий
Бьется с германцами за Родину свою.

Думали германцы, что наши казаки
К Гитлеру-собаке служить они пойдут.
Но наши казаки твердо дали клятву
Твердо дали клятву Родине служить.

Любая служба или война воспитывала в человеке воинскую дисциплину, верность воинской присяге и, конечно, спланивала казаков, обеспечивая взаимовыручку в бою и крепкую дружбу. Для поднятия духа казаки пели песни. В походной казачьей песне на стихи О. Н. Стёпина «Ой, вспомним, братцы, мы кубанцы», распространенной на Кубани, до войны пелось:

«Ой, да вспомним, братцы, мы кубанцы,
Двадцать первого сентября,
Как дралися мы с поляком
От рассвета допоздна...» [18].

В период Великой Отечественной войны текст был изменен:

«Ой, вспомним, братцы-сталинградцы...
Эх, да вспомним, братцы, вы кубанцы,
Двадцать первого сентября.
Как дралися мы с германцем
От рассвета допоздна».

Существует также дальневосточный вариант песни: «Эх, да вспомним, братцы, вы, амурцы... как дралися мы с японцем». Жители Хопра поют по-иному: «Эх, да вспомним братцы, вы хоперцы». Поэт Е. Исаев предложил среднерусский вариант: «Эх, да вспомним, братцы, вы, ковровцы... как дралися мы с буржуем». Жизнестойкость песни «Ой, да вспомним, братцы, мы кубанцы» подтверждается тем, что она звучала в период Первой мировой войны в Западной Белоруссии, Западной Украине, в годы Второй мировой войны. И всегда содержание ее получало своеобразную окраску [19, с. 353—354].

Более 80 вариантов имеет известная песня «На коне вороном». Один из вариантов мы можем увидеть в сборнике М. М. Багизбаева «Фольклор семире-ченских казаков» [20, с. 41—43] и другой — на сайте фольклорного фонда им. профессора Морохина. В процессе переделки творцы сохранили первую и вторую строфы, значительно изменив следующий за ними текст. Вероятно, это произошло потому, что тексты песни были написаны в разные исторические периоды воинской службы казаков. Приведем несколько версий:

На коне вороном
Выезжал партизан,
Э-э-эх, сабля острая с ём,
Две гранаты, наган.

Он коня подводил,
Потянулся рукой.
Э-э-эх, конь ретивый заржал,
Бил он землю ногой.

На коня парень сел
И фуражкой махнул.
Э-э-эх, и поехал туда,
Отколь слышен был гул.

*

На коне вороном
Уезжал партизан,
Сабля вострая с ним,
Две гранаты, наган.

Он коня удержал,
Потянулся рукой,
Конь ретивый заржал,
Бил о землю ногой...

Две руки, как замок,
Крепко сплелись над ним.
«До свиданья, сынок», —
Сыну молвил старик.

*

На коне вороном,
Выезжал партизан.
Е-эй, сабля вострая с нём,
Две гранаты и наган.

Е-эй, сабля вострая с нём,
Две гранаты и наган.
Две руки, как замок,
Крепко сжались на нем.

Я бы тоже пошел,
Кровь не греет меня.
Е-эй, сабли вострая.
Нет и второго коня.

Песня «Шли два героя с германского боя» имеет довольно много вариантов. Сегодня она известна как песня «Там шли, шли два брата». В оригинале песня рассказывает о двух героях времен Первой мировой войны:

Шли два героя с германского боя,
И шли два героя домой.
Они повстречались на финской границе.
И финн из них ранил одного.

«Товарищ, товарищ, болят мои раны,
Болят мои раны тяжело.
Одна засыхает, другая нарывает,
А с третьей придется умереть...»

Есть и другие варианты или, как их называют, казачьи перепевы. Один из таких перепевов, где два брата возвращаются из турецкого плена, но оказываются почему-то на польской границе, имеет подзаголовок «Баллада донских казаков»:

Там шли ну два брата
С турецкого фронта,
С турецкого фронта домой.
«Лишь только преступили
Мы польскую границу,
Ударил поляк три раза.
Ударил, ударил,
Он в грудь меня поранил,
Болят мои раны, болят.
Одна нарывает,
Другая заживает,
От третей я должен умереть».

Еще один вариант текста песни был создан в ходе советско-польской войны (1920) о сражении Ю. Пилсудского с частями Красной Армии. Переработки сюжета продолжались, и в 1939 г. появился вариант «Шли три армейца на финскую границу»:

Шли три героя с польского боя,
С польского боя домой.
Только они вышли на финскую границу,
По ним финн ударил три раза...

В 1939 г. появился еще один вариант текста, отражающий события советско-финской войны:

Шли три армейца на финскую границу,
На финскую границу воевать.
Только ступили на финскую границу,
Вдруг затрещал пулемет.
Пуля просвистела, вторая пролетела,
Третья до сердца прошла.
«Болят мои раны, болят мои раны,
Болят мои раны в груди.
Одна заживает, другая...»

Таким образом, ядром всех воинских казачьих песен стали исторические события и конкретные боевые подвиги, а их главными персонажами — герои реальной истории. Большой пласт казачьего фольклора отражал трагизм человеческих судеб, тоску по родному краю. Значительная часть казачьего песенного репертуара сегодня имеет огромное количество вариантов текстов, которые возникали в условиях военного времени. Война или конкретное сражение, военно-историческое событие, судьба русского воина вдохновляли на творчество, в результате появлялись различные варианты текстов песен. Каждый вновь созданный вариант той или иной песни был не просто культурным отражением военной жизни казаков, он становился средством самовыражения, источником вдохновения и положительных эмоций. Следует также отметить, что мелодическая основа переделанных песен оставалась без изменения. Изменялся характер исполнения, который в новом варианте становился более волевым и энергичным.

Список источников

1. Листопадов А. М. Песни донских казаков. Т. 1. Ч. II / под общ. ред. Г. Сердюченко. М. : Музгиз, 1949. 478 с.
2. Кабанов А. С. Структура песенного репертуара в традиционных фольклорных коллективах донских казаков // Репертуар художественной самодеятельности: современность традиций. М. : НИИ культуры, 1983. С. 131—151.
3. Кабанов А. С. Многоголосие и ритмика протяжной песни донских казаков // Проблемы взаимодействия самодеятельного и профессионального художественного творчества : сб. науч. тр. Вып. 110. М., 1982. С. 99—143.
4. Рудиченко Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова, 2004. 512 с.
5. Никитенко О. Г. Песенная традиция казаков Верхнего Дона: фольклорное интонирование и речевой диалект : автореф. дис. ... канд. культурологии. Саратов, 2018. 30 с.
6. Арефин С. Я. Среди песенников-казачей (отрывки из воспоминаний) // Вестник Европы. 1912. № 10. С. 196—220.
7. Коротин Е. И., Коротин О. Е. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков: антология. Ч. 1. Самара ; Уральск : Самарский дом печати, 1999. 460 с.
8. Калужникова Т. И. Песни уральских казаков. Екатеринбург : Сфера, 1998. 236 с.
9. Аркин Е. Я. Запевае казак песнь: песни казачьих станиц Омской области. Омск : Наследие. Диалог-Сибирь, 1999. 144 с.
10. Щуров В. М. Песни алтайских казаков. Барнаул : Изд-во АлтГАКИ, 2010. 100 с.
11. Казачьи песни Кемеровской области: сборник материалов фольклорно-этнографических экспедиций / запись, нотирование, составление, вступительная статья и комментарии Е. М. Бородиной. Кемерово : Кемеровская государственная академия культуры и искусств, 2002. 73 с.
12. Бородина Е. М. Воинские песни сибирских казаков // Катанаевские чтения: материалы Седьмой всероссийской научно-практической конференции, посвященной 195-летию Омского кадетского корпуса и 160-летию со дня рождения генерал-лейтенанта Г. Е. Катанаева (Омск, 16—17 мая 2008 г.) / отв. ред. О. В. Гефнер, В. Л. Кожевин, Н. А. Томилов. Омск : Наука, 2008. С. 250—254.
13. Бондарева Н. И., Мамеева А. В. Проснулась да станица: культурно-бытовые традиции чарышского казачества. Барнаул : Изд-во АлтГАКИ, 2006. 163 с.
14. Песни и марши сибирских казаков («Пикой, шашкой и ружьем всю Сибирь мы бережем!») / авт.-сост Ю. А. Фабрика. Новосибирск : Новосибирский полиграфкомбинат, 2006. 280 с.
15. Незабываемые годы: русский песенный фольклор Великой Отечественной войны в записях К. Г. Свитовой / сост. К. Г. Свитова. М. : Советский композитор, 1985. 107 с.
16. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне / запись, предисл. Ф. В. Тумилевича. Ростов-на-Дону, 1945. 46 с.
17. Материалы фольклорно-этнографических экспедиций. Тетрадь № 12. Л. 17, 19 ; № 13. Л. 15.
18. Алмазов Б. А. «Не только музыка к словам...»: мемуары под гитару. М. : Центрполиграф ; СПб. : МиМ-Дельта, 2003. 542 с.
19. Бирюков Ю. Е. Казачьи песни. М. : Современная музыка, 2004. 312 с.
20. Багизбаева М. М. Фольклор семиреченских казаков : в 2-х ч. Алма-Ата : Мектеп, 1977. 280 с.

References

1. Listopadov A.M., Serdyuchenko G. (ed.) *Pesni donskikh kazakov* [Songs of the Don Cossacks], vol. 1, part. II. Moscow, Muzgiz, 1949, 478 p.
2. Kabanov A.S. *Struktura pesennogo repertuara v traditsionnykh fol'klornykh kolektivakh donskikh kazakov* [Structure of the song repertoire in traditional folk groups of the Don Cossacks], *Repertuar khudozhestvennoi samodeyatel'nosti: sovremennost' traditsii* [Repertoire of amateur art activities: the modernity of traditions]. Moscow, NII kul'tury, 1983, p. 131—151.
3. Kabanov A.S. *Mnogogolosie i ritmika protyazhnoi pesni donskikh kazakov* [The polyphony and rhythm of the long song of the Don Cossacks], *Problemy vzaimodeistviya samodeyatel'nogo i professional'nogo khudozhestvennogo tvorchestva* [Problems of interaction between amateur and professional artwork], *sbornik nauchnykh trudov*, issue 110. Moscow, 1982, p. 99—143.
4. Rudichenko T.S. *Donskaya kazach'ya pesnya v istoricheskom razvitii* [Don Cossack song in historical development]. Rostov-na-Donu, Publ. Rostovskoi gosudarstvennoi konservatorii im. S.V. Rakhmaninova, 2004. 512 p.
5. Nikitenko O.G. *Pesennaya traditsiya kazakov Verkhnego Dona: fol'klornoe intonirovanie i rechevoi dialect* [The song tradition of the Upper Don Cossacks: Folklore intonation and speech dialect]. Cand. philos. sci. diss. Abstr. Saratov, 2018, 30 p.

6. Arefin S.Ya. Sredi pesennikov-kazakov (otryvki iz vospominanii) [Among the Cossack songsters (excerpts from memoirs)], *Vestnik Evropy* [*Vestnik of Europe*], 1912, no. 10, pp. 196—220.
7. Korotin E.I., Korotin O.E. Ustnoe poeticheskoe tvorchestvo ural'skikh (yaitskikh) kazakov [Oral Poetry of the Ural (Yaitskiy) Cossacks: An Anthology], antologiya, part 1. Samara, Ural'sk, Samarskii dom pechati, 1999, 460 p.
8. Kaluzhnikova T.I. Pesni ural'skikh kazakov [Songs of the Ural Cossacks. Yekaterinburg]. Ekaterinburg, Sfera, 1998, 236 p.
9. Arkin E.Ya. Zapevaet kazak pesni: pesni kazach'ikh stanits Omskoi oblasti [The Cossack sings a song: songs of Cossack villages of the Omsk region]. Omsk, Nasledie. Dialog-Sibir', 1999, 144 p.
10. Shchurov V.M. Pesni altaiskikh kazakov [Songs of the Altai Cossacks]. Barnaul, Publ. AltGAKI, 2010, 100 p.
11. Borodina E.M. (ed.) Kazach'i pesni Kemerovskoi oblasti: sbornik materialov fol'klorno-etnograficheskikh ekspeditsii [Cossack songs of the Kemerovo region: a collection of materials of folklore and ethnographic expeditions]. Kemerovo, Kemerovskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv, 2002, 73 p.
12. Borodina E.M., Gefner O.V. (ed.), Kozhevnikov V.L.(ed.), Tomilov N.A. (ed.) Voinskie pesni sibirskikh kazakov [War songs of the Siberian Cossacks], *Katanaevskie chteniya: materialy Sed'moi vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 195-letiyu Omskogo kadetskogo korpusa i 160-letiyu so dnya rozhdeniya general-leitenanta G. E. Katanaeva (Omsk, 16—17 maya 2008 g.)* [*Katanaev readings: materials of the Seventh All-Russian scientific-practical conference on 195 anniversary of Omsk cadet corps and 160 anniversary of birthday of lieutenant general G. E. Katanaev (Omsk, May 16-17, 2008)*]. Omsk, Nauka, 2008, pp. 250—254.
13. Bondareva N.I., Mameeva A.V. Prosnulas' da stanitsa: kul'turno-bytovye traditsii charyshskogo kazachestva [Woke up yes stanitsa: cultural and household traditions Charysha Cossacks]. Barnaul, Publ. AltGAKI, 2006, 163 p.
14. Fabrika Yu. A. (ed.) Pesni i marshi sibirskikh kazakov ("Pikoi, shashkoi i ruzh'em vsyu Sibir' my berezhem!") [Songs and marches of the Siberian Cossacks ("With a pike, a sword, and a rifle we take care of all Siberia!")]. Novosibirsk, Novosibirskii poligrafkombinat, 2006, 280 p.
15. Svitova K.G. (ed.) Nezabyvaemye gody: russkii pesennyi fol'klor Velikoi Otechestvennoi voiny v zapisyakh K.G. Svitovoi [Unforgettable years: Russian song folklore of the Great Patriotic War in the records of K. G. Svitova]. Moscow, Sovetskii kompozitor, 1985, 107 p.
16. Tumilevicha F.V. (ed.) Fol'klor kazakov-nekrasovtsev o Velikoi Otechestvennoi voine [Folklore of Nekrasov Cossacks about the Great Patriotic War]. Rostov-na-Donu, 1945, 46 p.
17. Materialy fol'klorno-etnograficheskikh ekspeditsii [Materials of folklore and ethnographic expeditions], no. 12, p. 17, 19 ; no. 13, p. 15.
18. Almazov B.A. "Ne tol'ko muzyka k slovam...": memuary pod gitaru ["Not just music to the words...": a memoir with a guitar]. Moscow, Tsentrpoligraf, Saint-Petersburg, MiM-Del'ta, 2003, 542 p.
19. Biryukov Yu.E. Kazach'i pesni [Cossack songs]. Moscow, Sovremennaya muzyka, 2004, 312 p.
20. Bagizbaeva M.M. Fol'klor semirechenskikh kazakov [Folklore of the Semirechensk Cossacks], v 2 part. Alma-Ata, Mektep, 1977, 280 p.

Информация об авторе

Бородина Елена Михайловна — кандидат культурологии, доцент кафедры народного хорового пения, Кемеровский государственный институт культуры, руководитель регионального информационно-методического центра по возрождению и сохранению казачьей культуры в Кузбассе, Центр народного творчества и досуга Кузбасса, Кемерово, Российская Федерация. E-mail: elena.folklor@rambler.ru

Information about the author

Elena M. Borodina — Candidate of Cultural Sciences, Associate Professor of Folk Choral Singing Department, Kemerovo State Institute of Culture, Head of Regional Information and Methodological Center for Revival and Preservation of Cossack Culture in Kuzbass, Kuzbass Folk Arts and Leisure Center, Kemerovo, Russian Federation. E-mail: elena.folklor@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 04.10.2022; одобрена после рецензирования 06.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 04.10.2022; approved after reviewing 06.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 72—80.
Siberia Humanitarian. 2023;(1):72—80.

Этнокультурное наследие

Научная статья
УДК 39; 391/395; 394; 316.7; 94 (47); 908

Историко-культурное наследие сибирского казачества: традиции и современность¹

Марина Александровна Жигунова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения. Омск, Российская Федерация, marizh.omsk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9719-2525>

Аннотация. Статья базируется на историко-этнографических, этносоциологических, этнопсихологических и музееведческих исследованиях автора 1980—2022 гг. В ней рассматриваются основные вехи этнической истории и культуры сибирских казаков начиная с похода Ермака 1580-х гг. и заканчивая современностью. Историко-культурное наследие казачества базируется на общерусской и восточнославянской основах. Для сибирского казачества характерна особая вариативность самосознания и культурных традиций, обусловленная неоднородностью его социального, этнического и религиозного состава, огромной территорией и различными природно-географическими условиями проживания, многообразием исполняемых функций и хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: Сибирское казачье войско, история и современность, междисциплинарный подход, казачий компонент в социокультурном пространстве Сибири, современное самосознание и специфика традиционно-бытовой культуры сибирского казачества, актуализация и пропаганда казачьих традиций

Для цитирования: Жигунова М. А. Историко-культурное наследие сибирского казачества: традиции и современность // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 72—80.

Ethnocultural heritage

Original article

Historical and cultural heritage of the Siberian Cossacks: tradition and modernity

Marina A. Zhigunova

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography, and Museum Studies. Omsk, Russian Federation, marizh.omsk@mail.ru, <https://orcid.org>

Abstract. The article is based on historical and ethnographic, ethnosociological, ethnopsychological and museological researches of the author in 1980—2022. It examines the main milestones of ethnic history and culture of the Siberian Cossacks from the campaign of Ermak in 1580s up to the present time. The historical and cultural heritage of the Cossacks is based on all-Russian and East Slavic bases. The Siberian Cossacks are characterized by a special variability of self-consciousness and cultural traditions due to the heterogeneity of their social, ethnic and religious composition, the vast territory and different

© Жигунова М. А., 2023

¹ Работа проводится по проекту НИР № 0329-2019-0005 «Население южнотаежной и лесостепной зон Западной Сибири и Северного Казахстана: историко-культурные реконструкции и современность».

natural and geographical conditions of residence, a variety of performed functions and economic activities.

Keywords: Siberian Cossack troops, history and modernity, interdisciplinary approach, Cossack component in the socio-cultural space of Siberia, modern self-consciousness and specificity of traditional and everyday culture of the Siberian Cossacks, actualization and promotion of Cossack traditions

For citation: Zhigunova M.A. Historical and cultural heritage of the Siberian Cossacks: tradition and modernity. *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):72—80. (In Russ.).

Казачество является бесспорным российским феноменом, который А. И. Солженицын назвал «исторической драгоценностью России». Для комплексного исследования заявленной темы автор использовала междисциплинарный подход, а также различные источники: результаты историко-этнографических и фольклорных экспедиций, социологических опросов, музейные коллекции, архивные и статистические материалы, законодательные и нормативные правовые акты и др.

Основной комплекс идентификационных критериев казачьего социума сложился к концу XIX в. В начале XX в. в России насчитывалось 11 казачьих войск и два приравненных к ним конных полка численностью около 10 млн человек. Несмотря на то что в каждом войске имелись свои специфические черты, в культуре казачества явно доминируют общерусская и восточнославянская основы. Истории сибирского казачества посвящены монографии С. М. Андреева, В. А. Исаева, Д. В. Колупаева, Н. М. Маркдорф, Ю. Г. Недбай, Н. И. Никитина, В. А. Шудякова и др., историко-культурному наследию — отдельные публикации Ю. В. Аргудяевой, Е. М. Бородиной, Г. Г. Ермак, М. А. Жигуновой, А. И. Коваленко, Н. В. Леоновой и др. Первая попытка обобщающего описания казачьей культуры была предпринята в начале 2000-х гг. [1]

Слово «казак» в переводе с тюркского обычно переводится как «человек вольный, независимый». Но сибирские казаки никогда не были «вольными», а всегда исключительно «служилыми» [2, с. 1]. Во многих языках коренных народов Сибири слова «казак» и «русский» синонимичны [3, с. 352]. В материалах Всероссийской переписи населения 2002 г. более 140 тыс. человек назвали себя казаками. В Сибири наряду с донскими, кубанскими, забайкальскими, сибирскими зафиксированы казаки омские, алтайские, тюменские и др. Среди вариантов первичной самоидентификации «кем Вы себя считаете прежде всего?» чаще всего назывались: мужчина/настоящий мужчина, русский, россиянин, патриот, вольный казак, воин, сибиряк, чалдон. Согласно современному законодательству, казачество — это граждане Российской Федерации, являющиеся членами казачьих обществ. Среди них встречаются как родовые казаки, так и люди, впервые вступившие в казачество.

подавляющим большинством ученых признается выдающееся значение похода Ермака для России в целом и для Сибири, культурно-хозяйственного освоения этого региона. Согласно летописи атаман Иван Кольцо был послан в Москву, чтобы сообщить о взятии столицы Сибирского ханства. В награду за это Иван IV в 1582 г. присвоил дружине Ермака наименование «Царская Служилая Рать». Именно казаками основаны в Сибири первые русские поселения: Тюменский, Тобольский и Берёзовский остроги, Сургутская и Тарская крепости. В 1808 г. было создано Сибирское линейное казачье войско со столицей в Омске. Сибирское казачество характеризовалось неоднородностью социального, этнического и религиозного состава, но ядро его составляли православные восточные славяне, среди которых доминировали русские (84—99 %) [4, с. 16—21]. К началу 1914 г. войско составляло около 300 тыс. человек, которые проживали в 48 станицах, 123 поселках и 16 выселках [5, с. 40—41]. Территория войска тянулась от Южного Урала до Алтая, от тундры и тайги на севере до степей и гор на юге.

Сибирское казачество являлось основной вооруженной силой на территории Сибири вплоть до распада Российской империи. В годы Гражданской войны большинство казаков поддержало адмирала А. В. Колчака, а Омск получил статус «Белой столицы России». На левом берегу Оми располагались Казачий форштадт, Казачий рынок, Казачье кладбище и казачий Никольский собор (в котором в 1891 г. молился будущий император Николай II). Омский кадетский корпус — старейшее военное учебное заведение Сибири, основанное в 1813 г. Среди его выпускников — известные ученые, военные и общественные деятели: Г. Н. Потанин, Г. Е. Катанаев, В. В. Куйбышев, Д. М. Карбышев и др., на конец XX в. — это 117 георгиевских кавалеров, 73 Героя Советского Союза, два Героя России [6, с. 13].

Статус казачества был упразднен Декретом ВЦИК и СНК от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». Циркуляр ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. допускал беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим участие в борьбе с советской властью. Приказом Сибревкома от 2 декабря 1919 г. Сибирское казачье войско было ликвидировано, многие казаки были репрессированы или эмигрировали. В изданной в 1960-х гг. «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней» казачество не освещалось (как и в учебной литературе).

Ситуация кардинально изменилась в конце XX — начале XXI в. Были организованы и проведены казачьи научно-практические конференции [7 ; 8], межрегиональные фестивали, созданы государственные и общественные организации и фонды, фольклорные коллективы и др. В 1990 г. в Омске состоялся Большой круг Сибирского казачества, на котором был учрежден Союз сибирских казаков (переименованный в 1991 г. в Сибирское казачье войско). В 1994 г. зарегистрирована межрегиональная общественная организация — Сибирское казачье войско. В 1995 г. создано Главное управление казачьих войск при Президенте Российской Федерации. На основании его решения от 30 ноября 1996 г. Сибирское войсковое казачье общество внесено в государственный реестр. В 2009 г. при Президенте Российской Федерации создается Совет по делам казачества, с 1 сентября 2010 г. отмечается День российского казачества. Указом Президента Российской Федерации от 9 августа 2020 г. утверждается Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021—2030 годы.

Главная задача жизни казака определялась пословицей: «Для того казак родится, чтобы царю на службе пригодиться». За подготовку и несение службы отвечала казачья община. Призывники обучались боевому искусству, джигитовке, владению саблей/шашкой, конному бою, военным командам под руководством опытных казаков. Казак уходил служить «при полной амуниции» (вооружение, конь, упряжь, плеть, две пары сменного белья, сумка, ложка и кружка, провиант до места следования). Казачеству были присущи особое воинское мастерство и боевой дух, молодецкая удаль, мужество и стойкость, оптимизм, находчивость и решительность, демократизм, стремление к славе, выносливость и вера в свои силы. Кроме воинской, на сибирских казаков возлагались почтовая и ямская службы, постройка и охрана дорог и крепостей, сопровождение торговых караванов и арестантов, сбор ясака (дань) с народов Сибири, охрана частных золотых приисков, заготовка леса.

Нередко казаки являлись толмачами-переводчиками или использовались в качестве дипломатов. Поскольку они проживали на пограничных территориях и контактировали с различными народами, то наряду с русским у них употреблялись многие другие языки. В современном языке казачества Сибири лингвисты выделяют казачий говор/диалект, северно-

русские и южнорусские вариации, заимствования и трансформации из различных языков других народов, древнерусские слова и др.

Хозяйственная деятельность казаков отличалась многообразием: животноводство, земледелие, рыболовство, охота, садоводство, пчеловодство, табаководство, смолокурение, выгонка дегтя, золотодобыча, заготовка строевого леса, торговля, добыча соли и др. В 1894 г. различными ремеслами занималась только треть казачьих семей [5, с. 272]. Сибирские казаки были зажиточными и образованными. Казачья семья среднего состояния имела от трех до 10 лошадей, 2—4 дойные коровы, 10—30 овец и коз [9, с. 7]. Казаки выращивали различные зерновые и плодовые культуры, капусту, картофель, огурцы, редьку, свеклу, репу, брюкву, морковь, лук, чеснок, горох, бобы, арбузы, дыни, мак, подсолнечник, лен и коноплю. Определенную роль играло собирательство (сбор грибов, ягод, кедровых орехов, черемши, трав и др.).

Казачьи форпосты, редуты, крепости, города, станицы располагались обычно в стратегически выгодных местах, вдоль рек и дорог, по берегам озер. Жилищные комплексы существенно различались планировкой, размерами и строительными материалами, но характеризовались добротностью, чистотой, наличием бань. Типичной чертой жилища являлась русская/духовая печь и расположенный по диагонали от нее красный/передний угол, в котором располагалась божничка — полочка с иконами. Спецификой казачества Сибири было наличие походных церквей/Ермаковых часовен и старообрядческих икон. Особо почитаемой являлась икона святого Николая Чудотворца — небесного покровителя Сибирского казачьего войска. Казачьи жилища украшали также портретами членов царской семьи, атаманов, оружием и конской сбруей, коврами и картинами казачьего быта, зеркалами, позднее — фотографиями.

Сибирское казачество активно использовало покупные ткани и городские модели одежды. У мужчин имелось обмундирование с красными лампасами, которое надевали в воскресные и праздничные дни. Воинская форма почиталась у казаков наряду с холодным оружием, в ней женились, в ней и хоронили. Вплоть до конца XIX в. не было особого единообразия в экипировке, вооружении, обмундировании. Мужчины носили пиджаки, жилеты, брюки, рубахи с прямым разрезом и отрезной кокеткой на груди, ермаковки, которые подпоясывали кожаным ремнем. Многие имели восточные халаты, бешметы, малахаи и другие формы одежды, заимствованные у местных народов. Головными уборами служили фуражки, папахи, бараньи шапки, шляпы. Казачки обычно носили платья, а также юбки и кофты, пошитые из одинаковой ткани (парочки). Головы замужних женщин украшали ажурные файшонки, шамшур, наколки, кашемировые платки и шали. Широко распространена была кожаная обувь — сапоги, башмаки, ботинки, туфли. Зимой использовались меховые шубы и полущубки, валенки.

В основе устойчивой системы питания — продукты земледелия и животноводства, рыболовства и охоты. Из них готовили мясные, овощные и крупяные супы, уху, плов, жаркое, студень, каши. Варили пельмени, вареники, галушки, картошку; жарили мясо, грибы, рыбу. Для праздничного стола характерно обилие мясных блюд, запеченных тушек поросят и птицы. Казаки солили и коптили свиное сало; мясо и рыбу солили, сушили, коптили и вялили. На зиму квасили капусту, солили огурцы, грузди, арбузы, дыни. Из напитков распространены были чай, кисель, компот/узвар, молоко, свекольный и хлебный квас, кумыс. Чай употребляли обычно с сахаром, медом, изюмом, различной выпечкой, конфетами.

Браки сибирских казаков заключались преимущественно в пределах одного селения, реже брали невесту из соседних станиц. Обычным явлением был брак по воле родителей, но учитывалась и взаимная склонность моло-

дых. Собираясь женить сына, собирали совет родственников, где подбирали подходящую невесту, оценивая не только здоровье, хозяйственность, внешние данные, но и умение ездить верхом, смелость и бойкий нрав. Встречались и «свадьбы убёгом», когда молодые тайно венчались и ставили родителей перед этим фактом. Считалось, «когда Бог соединил, то человек не разлучит». Казачьи семьи были крепкими и многодетными, разводов практически не было. На ранних этапах зачастую женились на представительницах местных народов. Согласно данным наших опросов, в 90 % семей современных сибирских казаков имеются родственники других национальностей.

Важным семейным событием являлся церковный обряд крещения, который считался вторым, духовным рождением ребенка, когда он обретал свое имя и становился полноправным членом общества. Крестили ребенка кум и кума — «вторые, названные родители», его духовные наставники. В это время в доме новорожденного родители накрывали столы. При рождении мальчика звали атамана, вспоминали всех прославившихся предков, перечисляя их подвиги, желая вырастить достойного казака.

Наибольшей устойчивостью среди обрядов жизненного цикла отличаются похоронно-поминальные. На похоронах казаков обязательно присутствовал атаман или его представитель, который произносил речь, вспоминая все подвиги и лучшие качества усопшего. Мужчин хоронили в парадной казачьей форме, зачастую со всеми наградами. Погребение сопровождалось похоронными причетами и ружейными выстрелами. По многочисленным сведениям, полученным нами в казачьих станицах, раньше водкой и вином не поминали, выпивку подносили только тем, кто копал могилу. На поминальный стол готовили борщ или лапшу, уху, пельмени, плов, холодец, котлеты, рыбные блюда, пироги, блины, кутью, чай с выпечкой и конфетами, кисель или компот. Если покойника хоронили в пост, то стол был постным.

Музыкальная культура и фольклор казаков отличались значительным жанровым и стилевым многообразием [10], заметное место занимали в нем исторические былины, баллады, сатирические сказки, анекдоты. Существовал особый «мужской фольклор», который характеризовался специфическими исполнительскими приемами, многоголосьем. У казаков широко распространены были лирические песни и городские романсы. Среди своих любимых песен современное русское население Сибири довольно часто называет следующие: «По Дону гуляет казак молодой», «Каким ты был, таким ты и остался», «Черный ворон», «Шёл казак на побывку домой», «Ой, то не вечер», «Любо, братцы, любо!», «Скакал казак через долину», «Розпрягайте, хлопцы, кони» и др.

Годовой цикл календаря сибирских казаков открывало Рождество Христово, на которое ставили и наряжали елку. На Крещение повсеместно освящали воду в церкви и проруби — иордани. Считалось, что купание в крещенской проруби смывает все грехи. Тут же обращали в православие «киргиз» и других иноверцев, которые записались на службу в казаки. Освященной водой окропляли скот, ее набирали в сосуды и хранили весь год, используя при лечении детей и взрослых. Одним из самых любимых праздников сибирских казаков была широкая/разгульная Масленица. Основным развлечением всех возрастов являлось катание на лошадях и скачки — байга. На Иртышской и Пресногорьковской линиях их нередко проводили совместно с казаками. Также устраивали различные соревнования в силе и ловкости: «кулачки», выжимание гири, лазание на столб за призом. Очень популярной среди казаков была игра — взятие снежного городка. Повсеместно катались с гор на санях, санках, шкурах. В последний день Масляной недели — Прощеное воскресенье просили друг у друга прощение, кланяясь в ноги. Вечер завершался кострами, в которых сжигали

чучело Масленицы и различных мусор. Остатки мясомолочных продуктов и куриные яйца раздавали окружающим народам. В период Великого поста рекомендовалось воздерживаться от скоромной пищи, различных соблазнов и развлечений, запрещались венчание и свадьбы. Пищевые ограничения не распространялись на беременных и кормящих женщин, маленьких детей, больных и стариков. Главным смыслом поста считалось духовное совершенствование: старались избавиться от вредных привычек и дурных мыслей, не сквернословить, совершать добрые и милосердные дела. Самым почитаемым праздником являлась Пасха, которую отмечали целую неделю. Обрядовую пищу (куличи, крашеные яйца, творожные «паски», запеченные поросята, мясные колбасы и др.) обязательно освящали в церкви. Популярным пасхальным развлечением являлись игры с крашеными яйцами и катание на качелях.

В современном обществе отношение к казачеству неоднозначно, многие респонденты отмечают: «раньше казаками были служилые люди, защитники Отечества», «люди слова и чести», а сейчас — «не знаю, кого можно отнести к настоящим казакам», «это ряженые самозванцы» [11, с. 87—98]. Один из первых в России месячник казачьей культуры был организован в Омской области в рамках II Всероссийского фестиваля русской культуры «Душа России» в 1994 г. С 1998 г. проводятся Омский областной фестиваль национальных культур «Единение», межрегиональные фестивали казачьей культуры «Наследие» (с 2000 г.) и «Вольница» (с 2002 г.) и др. В 2011 г. при Институте гуманитарных исследований Тюменского госуниверситета был создан Научный координационный совет по изучению истории и культуры казачества Урало-Сибирского региона. Он объединил ученых Барнаула, Екатеринбурга, Кемерово, Омска, Салехарда, Томска, Тюмени, Уфы. Благодаря его деятельности было проведено несколько научно-практических конференций «Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура» (2009—2017) и выпущена серия изданий, посвященных Ермаку и сибирским казакам [12].

Историко-культурное наследие казачества представлено в различных музеях. В Омском государственном историко-краеведческом музее имеются уникальные предметы: портрет Ермака XVIII в., знамена Сибирского казачьего войска 1690—1909 гг., казачьи иконы, кольчуга XVII в., булава атамана, оружие, предметы быта, фотографии [13 ; 14, с. 82—98]. Эта тематика представлена в экспозиции «Сибирский град Петров» и на выставке «Служилые люди Сибири», на официальном сайте музея. Казачья коллекция Музея археологии и этнографии Омского государственного университета включает около 100 предметов, большая часть которых собрана у потомков казаков Иртышской и Пресногорьковской укрепленных линий на территории Северного Казахстана. Среди них: портрет императрицы Александры Федоровны, жестяная коробка для конфет, выпущенная к 300-летию династии Романовых, книжка-поминальник и др. [15]

Аутентичные традиции сибирского казачества представлены в творчестве различных фольклорных ансамблей, которые успешно презентуют их на всероссийских и международных конкурсах. Среди них: народный фольклорный ансамбль «Звонница» (руководитель — Е. Я. Аркин, Омск), народный фольклорно-этнографический ансамбль «Ермак» (руководитель — И. Г. Чумаков, Омск), ансамбль казачьей песни «Росстань» Центра народного творчества Кузбасса (руководитель — Е. М. Бородина, Кемерово), народный самодеятельный коллектив, ансамбль казачьей песни «Вольница» (руководитель — Т. М. Михайлова, Мариинск) и др. Популяризацией казачьей культуры успешно занимается Омский государственный русский народный хор. В 2020 г. он реализовал проект «Здорово ночевали, казаки!», а в 2021 г. представил премьеру вокально-хореографического спектакля «Ермак. Легенда Сибири». Эта масштабная постановка основана

на синтезе музыки, песенного казачьего фольклора, хореографии, кино и мультимедиа. Для постановки были изучены имеющиеся материалы, варианты мелодических распевов и версии поэтического содержания песен, созданы хоровые и оркестровые аранжировки, костюмы и реквизит в русле этнических традиций казаков Сибири.

С 2018 г. в Омске проводятся специализированные межрайонные и областные семинары-практикумы, курсы повышения квалификации для специалистов центров казачьей культуры муниципальных районов Омской области по вопросам сохранения и актуализации традиций сибирского казачества, материалы которых легли в основу учебно-методического пособия [16]. В 2021 г. принято Положение об Ассоциации образовательных учреждений высшего образования, реализующих казачий компонент (Ассоциации казачьих вузов). Важным фактором является непрерывность казачьего образования начиная с детского сада. В Омской области такая деятельность проводится сектором работы с дошкольными образовательными учреждениями Омской епархии Русской православной церкви. История и культура казачества представлена в образовательных проектах творческого объединения «СКАЗ» и центра интеллектуального и творческого развития «Ноосфера». Первый проект «Омская игрушка» — разработка сувенира-оберега по мотивам традиционной казачьей игрушки «Казачья станица» был реализован в 2016 г. при консультативном сопровождении автора. Разработаны приложения для смартфонов и компьютеров «История Омского казачества», подготовлена мобильная интерактивная экспозиция «Омская игрушка — Омские истории».

Поскольку для поддержания культурной традиции необходимо ее постоянное воспроизводство и функционирование межпоколенной связи, в современных условиях особую важность приобретает работа, направленная на изучение, сохранение и пропаганду лучших казачьих традиций, развитие межрегионального сотрудничества, координацию действий представителей академической науки, культуры и образования с представителями государственных органов власти и различных казачьих обществ.

Список источников

1. *Очерки* традиционной культуры казачеств России. Т. 1. М. ; Краснодар : Кубанькино, 2002. 589 с. ; Т. 2. М. ; Краснодар : ЭДВИ, 2005. 632 с.
2. *Катанаев Г. Е.* Краткий исторический обзор службы сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. СПб., 1908. 76 с.
3. *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М. ; Новосибирск : Наука, 2000. 768 с.
4. *Андреев С. М.* Этнический и религиозный состав сибирского казачества // *Сибирское казачество — Отечества служилая рать*. Омск : Полиграфический центр КАН, 2012. С. 16—21.
5. *Тобольск и вся Сибирь : альманах*. Т. 14: Сибирское казачье войско / Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» ; сост. В. А. Шулдяков. Тобольск : Возрождение Тобольска, 2011. 596 с.
6. *Басаев В. Р.* Омский кадетский корпус: история и современность // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 190-летию Омского кадетского корпуса, 13—14 марта 2003 г.* / [редкол.: Д. А. Алисов, В. Р. Басаев, М. А. Гареев и др.]. Омск : ИЗДАТЕЛЬ-ПОЛИГРАФИСТ, 2003. С. 10—15.
7. *Сибирское казачество: история и современность : сб. науч. ст.* Омск : Наука, 2011. 246 с.
8. *Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее : материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 420-летию Сибирского казачьего войска (Омск, 17—18 декабря 2002 г.)*. Омск : Наука-Омск, 2003. 293 с.
9. *Усов Ф. Н.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. 284 с.
10. *Кашина Н. И.* Освоение детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей (на материалах музыкальной культуры казачества). Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2016. 239 с.

11. Жигунова М. А. Сибирское казачество: традиционная культура и современные стереотипы // Вестник Омского университета. Серия : Исторические науки. 2016. № 4 (12). С. 87—98.
12. Ермак — гордость России: краткий исторический справочник. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2016. 344 с.
13. Музей и его коллекции : к 130-летию основания Омского государственного историко-краеведческого музея : [альбом] / М-во культуры Омской обл. ; [сост. Т. М. Назарцева, Р. А. Шанева]. Омск : ОГИК музей : РУСЬ, 2008. 207 с.
14. Этническая панорама Сибири: альбом-путеводитель по экспозиции и этнографической коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея / авторы и составители : П. П. Вибе, М. А. Жигунова. Омск ; СПб. : Любавич, 2020. 144 с.
15. Жигунова М. А., Захарова И. В. Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Омск : Наука, 2009. 266 с.
16. История, культура, традиции сибирского казачества : учеб.-метод. пособие. Омск : Омскбланкиздат, 2022. 106 с.

References

1. Ocherki traditsionnoi kul'tury kazachestv Rossii [Essays on the Traditional Culture of the Cossacks of Russia], vol. 1. Moscow, Krasnodar, Kuban'kino, 2002, 589 p. ; vol. 2. Moscow, Krasnodar, EDVI, 2005, 632 p.
2. Katanaev G.E. Kratkii istoricheskii obzor sluzhby sibirskogo kazach'ego voiska s 1582 po 1908 god [A brief historical review of the service of the Siberian Cossack troops from 1582 to 1908]. Saint-Petersburg, 1908, 76 p.
3. Anikin A.E. Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2000, 768 p.
4. Andreev S.M. Etnicheskii i religiozni sostav sibirskogo kazachestva [Ethnic and Religious Composition of the Siberian Cossacks], Sibirskoe kazachestvo — Otechestva sluzhilaya rat' [The Siberian Cossacks are the serving force of the Fatherland]. Omsk, Poligraficheskii tsentr KAN, 2012, pp. 16—21.
5. Shuldyakov V.A. (ed.) Tobol'sk i vsya Sibir' : al'manakh [Tobolsk and all Siberia : an almanac]. Vol. 14: Sibirskoe kazach'e voisko [The Siberian Cossack Army] / Tyumenskii regional'nyi obshchestvennyi blagotvoritel'nyi fond "Vozrozhdenie Tobol'ska". Tobol'sk , Vozrozhdenie Tobol'ska, 2011, 596 p.
6. Basaev V.R. Omskii kadetskii korpus: istoriya i sovremennost' [Omsk Cadet Corps: History and Modernity] Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 190-letiyu Omskogo kadetskogo korpusa, 13—14 marta 2003 g. [Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference devoted to the 190th anniversary of the Omsk Cadet Corps, March 13-14, 2003] Omsk, IZDATEL'-POLIGRAFIST, 2003, pp. 10—15.
7. Sibirskoe kazachestvo: istoriya i sovremennost' [The Siberian Cossacks: History and Modernity], sb. nauch. st. Omsk, Nauka, 2011, 246 p.
8. Sibirskoe kazachestvo: proshloe, nastoyashchee, budushchee, materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 420-letiyu Sibirskogo kazach'ego voiska (Omsk, 17—18 dekabrya 2002 g.) [The Siberian Cossacks: the past, the present, the future: materials of the interregional scientific-practical conference devoted to the 420 anniversary of the Siberian Cossack Host (Omsk, December 17-18, 2002)]. Omsk, Nauka-Omsk, 2003, 293 p.
9. Usov F.N. Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego voiska [Statistical description of the Siberian cossack troops]. Saint-Petersburg, 1879, 284 p.
10. Kashina N.I. Osvoenie det'mi i molodezh'yu traditsionnykh kul'turnykh i khudozhestvennykh tsennostei (na materialakh muzykal'noi kul'tury kazachestva) [Mastering children and youth traditional cultural and artistic values (on the materials of the musical culture of the Cossacks)]. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2016, 239 p.
11. Zhigunova M.A. Sibirskoe kazachestvo: traditsionnaya kul'tura i sovremennye stereotipy [Siberian Cossacks: traditional culture and modern stereotypes], Vestnik Omskogo universiteta. Istoriicheskie nauki [Vestnik of Omsk University. Series : historical sciences], 2016, no. 4 (12), pp. 87—98.
12. Ermak — gordost' Rossii [Ermak - the Pride of Russia: A brief historical guide]: kratkii istoricheskii spravochnik. Tyumen', Publ. TyumGU, 2016, 344 p.
13. Nazartseva T.M. (ed.), Shaneva R.A. (ed.) Muzei i ego kollektsii : k 130-letiyu osnovaniya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [Museum and its collections : to

- the 130th anniversary of the foundation of the Omsk State Museum of History and Local History], al'bom. Omsk, OGIK muzei, RUS', 2008, 207 p.
14. Vibe P.P. (ed.), Zhigunova M.A. (ed.) *Etnicheskaya panorama Sibiri: al'bom-putevoditel' po ekspozitsii i etnograficheskoi kollekcii Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya* [Ethnic Panorama of Siberia: an album-guide to the exposition and ethnographic collection of the Omsk State Museum of History and regional history]. Omsk, Saint-Petersburg, Lyubavich, 2020, 144 p.
 15. Zhigunova M.A., Zakharova I.V. *Kul'tura vostochnykh slavyan v kollektsiyakh Muzeya arkheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta im. F. M. Dostoevskogo* [The culture of the Eastern Slavs in the collections of the Museum of Archaeology and Ethnography of F. M. Dostoyevsky Omsk State University]. Omsk, Nauka, 2009, 266 p.
 16. *Istoriya, kul'tura, traditsii sibirskogo kazachestva* [History, culture, traditions of the Siberian Cossacks], ucheb.-metod. posobie. Omsk, Omskblankizdat, 2022, 106 p.

Информация об авторе

Жигунова Марина Александровна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения, Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Российская Федерация. E-mail: marizh.omsk@mail.ru

Information about the author

Marina A. Zhigunova — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Omsk, Russian Federation. E-mail: marizh.omsk@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.10.2022; одобрена после рецензирования 06.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 04.10.2022; approved after reviewing 06.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

КРУГ ЧТЕНИЯ READING CIRCLE

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 81—85.
Siberia Humanitarian. 2023;(1):81—85.

Круг чтения

Рецензия на книгу

**Е. А. Арндт. Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX—XX вв.) =
Wirtschaft und Alltag der Wolgadeutschen
(im XIX. und XX. Jahrhundert). Саратов : Волга, 2021. 296 с. : ил.**

Аркадий Адольфович Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация, a.a.german@mail.ru

Reading circle

Review of the book

**E.A. Arndt. Economy and life of the Volga Germans (XIX—XX centuries) =
Wirtschaft und Alltag der Wolgadeutschen
(im XIX. und XX. Jahrhundert). Saratov: Volga, 2021. p. 296 p.: ill.**

Arkady A. Herman

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation, a.a.german@mail.ru

Каталог «Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX—XX вв.)» (*Wirtschaft und Alltag der Wolgadeutschen (im XIX. und XX. Jahrhundert)*) представляет собой второе, переработанное издание, дополненное в том числе переводом на немецкий язык (редактор и переводчик А. Я. Минор). В 2001 г. первое издание каталога (М., 1998) было удостоено премии им. И. Е. Забелина, учрежденной Министерством культуры Российской Федерации по предложению Государственного исторического музея.

Переиздание каталога подтверждает актуальность изучения различных сторон жизни уникальной этнической группы — немцев Поволжья, а перевод на немецкий язык — востребованность материала среди широкого круга исследователей и читателей, в том числе и за рубежом.

Высокий научный уровень каталога обеспечивается четкой, хорошо отработанной структурой материала, максимально охватывающего все сто-

роны жизни поволжских немцев: от земледелия до обрядов, праздников, воспитания детей и др. Описание предметов, выполненное в соответствии с музейными правилами, дает исчерпывающую информацию об их происхождении, владельце/изготовителе, материале, технике изготовления. Бесценен дополненный во втором издании перечень сохраненных диалектных названий предметов, данных в латинской транскрипции. Второе издание каталога также дополнено редкими фотографиями, на которых запечатлена жизнь поволжских немцев (приложение).

Две большие обзорные статьи дают исчерпывающую информацию об истории комплектования коллекции в Саратовском Поволжье, а также обобщают весь материал, выстраивая единую картину быта немцев Поволжья, особенностей ведения хозяйства на протяжении XIX—XX вв. Формирование коллекции шло в течение длительного времени несколькими путями:

- сохранением единичных поступлений (сюжетные фотографии, негативы, рисунки картины);

- целенаправленным комплектованием в период существования Автономной Социалистической Советской Республики немцев Поволжья (АССР НП) (отражение элементов новой колхозной жизни, развитие промыслов и ремесел, проведение различных выставок и т. п.);

- целенаправленным сбором материалов во главе с Эммой Готфридовой Дингес для этнографического музея в Саратове и первой выставки по истории и этнографии немцев Поволжья (1919—1921);

- сбором материалов во время экспедиции Центрального музея АССР НП во главе с Эммой и Георгом Дингес (1925—1928);

- сбором материалов во время экспедиции Саратовского областного музея краеведения (1992—1993), а также научными сотрудниками музеев и вузов Саратова и Германии (1995—1998) по линии Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Международный союз немецкой культуры).

Работа над каталогом показала, что многие предметы быта, костюмы, рукоделия получили свое развитие в послевоенные годы в местах спецпоселений депортированных немцев в Сибири и Казахстане, поэтому наличие каталога позволит правильно атрибутировать предметы, найденные в процессе собирательской работы в этих регионах.

Каталог снабжен развернутым списком использованной литературы, перечнем географических названий немецких сел с учетом переименования, списком принятых сокращений. Представляет собой книгу со стильными дизайном и полиграфией, профессионально выполненными фотографиями.

Издание представляет большой интерес для исследователей, а также читателей, интересующихся вопросами быта, культуры и промыслов поволжских немцев.

Георг и Эмма Дингес с жителями села Галка. АССР немцев Поволжья. 1927 г.
Энгельский краеведческий музей (ЭКМ), основной фонд, 10683
Georg and Emma Dinges with residents of the village of Galka. ASSR of the Volga Germans. 1927
Engels Museum of Local Lore (EKM), main fund, 10683

Семья поволжских немцев. Село Лауве (Яблоновка). Начало XX в. (публикуется впервые)
ЭКМ, основной фонд, 15155
A family of Volga Germans. The village of Lauve (Yablonovka). Early twentieth century (published for the first time)
EKM, main fund, 15155

Поволжская немка за перематыванием нитей. Начало XX в. (публикуется впервые)
ЭКМ, основной фонд, 17483
A Volga German woman reeling threads. Early twentieth century (published for the first time)
ЕКМ, main fund, 17483

Анна Брук с матерью. Село Усть-Золыха (Мессер) Камышинского уезда Саратовской губернии. 1895 г.
Саратовский областной краеведческий музей, основной фонд, 23207/3
Anna Brooke with her mother. The village of Ust'-Zolikhha (Messer) in the Kamyshinsky uyezd. Saratov Province. 1895
Saratov Regional Museum of Regional Studies, main fund, 23207/3

Информация об авторе

Герман Аркадий Адольфович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация. E-mail: a.a.german@mail.ru

Information about the author

Arkady A. Herman — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History and Historiography, Saratov National Research State University after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation. E-mail: a.a.german@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.10.2022; одобрена после рецензирования 13.10.2022; принята к публикации 17.10.2022.

The article was submitted 11.10.2022; approved after reviewing 13.10.2022; accepted for publication 17.10.2022.

ПЕРСОНАЛИИ PERSONALITIES

Доктор экономических наук профессор Гирш Ицкович Ханин — фигура в научных кругах легендарная. Он относится к плеяде тех немногочисленных советских ученых, которые сделали сложный выбор между правдой и комфортом, более того — безопасностью. И для этого, безусловно, нужны не только исследовательский талант, но и научная честность и человеческая смелость.

Многолетний соратник и друг Г. И. Ханина — кандидат экономических наук Дмитрий Александрович Фомин пишет об этом непростом выборе: «У советских экономистов, занимавшихся научной деятельностью, было два пути. Путь первый — путь научных исследований на основе лживой официальной статистики. Этот путь, который выбирало большинство экономистов, гарантировал бесконфликтность, простоту, легкость академической карьеры и, при благоприятном стечении обстоятельств, возможность должностного роста, вхождения в высшие эшелоны власти, высокий материальный достаток. Собственно говоря, ставшие на этот путь достигали всего, кроме возможностей понимания реальности и получения хоть сколько-нибудь ценных научных результатов. Вторым

путем был уход в частные и глубоко специализированные научные исследования. На этом пути можно было сохранить человеческое лицо и научное достоинство, состояться в качестве профессионала. Но нельзя было решить ни одной крупной и по-настоящему значимой научной проблемы.

Г. И. Ханин выбрал третий путь. В 1974 г. он приступил к альтернативным расчетам динамики экономического развития СССР.

<...>

Никакой внешней причины не было. Была внутренняя — продиктованная фатальным пониманием логики научного исследования и четким осознанием потребности в новых знаниях. Изучение характера советской экономики и стоящих перед ней проблем объективно нуждалось в надежных макроэкономических показателях» (из предисловия к изданию: Ханин Г. И. Избранные произведения последних лет. К 85-летию со дня рождения).

Многолетние научные исследования Гирша Ицковича увенчались результатами, не имеющими себе равных ни в СССР, ни за рубежом. Когда они были впервые опубликованы в знаменитой статье «Лукавая цифра», они стали научной сенсацией.

Вот как об этом вспоминает сам автор «лукавой цифры».

Т. В. Бородина

Как я соревновался с ЦРУ (эпизод из воспоминаний)

В 1973 году после защиты ВАК очень быстро утвердил мою кандидатскую диссертацию о фондовых биржах США и передо мной встал вопрос — что делать дальше? Можно было еще несколько лет продолжать исследования по этой теме с хорошими шансами на защиту докторской. Ведь в то время никто в СССР, кроме меня, не занимался этой интересной и абсолютно без-опасной темой. Но я отказался от этой перспективы в силу ряда причин. Во-первых, я считал, что не сделаю в этой области крупных открытий, поскольку этим лучше заниматься в США. Во-вторых, меня больше занимали проблемы советской экономики. Уже с конца 1960-х годов я, ориентируясь на реальные натуральные показатели, обнаружил в ней опасный спад тем-пов развития. Имея доступ в спецхраны и возможность знакомиться с рабо-тами зарубежных специалистов, я знал, что на Западе с начала 1950-х годов многие исследователи рассчитывают реальную динамику советской эконо-мики. К началу 1970-х годов первое место по тщательности и периодично-сти расчетов занимали расчеты специального сектора советского отдела ЦРУ. Но для меня были очевидны не только их сильные, но и слабые сто-роны. Сильные были видны всем, а слабые, судя по литературе, не замеча-ли ни советские, ни западные экономисты. Да, расчеты специалистов ЦРУ давали обобщающие результаты, которые, в отличие от фиктивных резуль-татов ЦСУ СССР, показывали бедственное положение советской экономи-ки. Однако проблема заключалась в том, что они использовали стандарт-ные в статистической практике методы, а потому не могли просчитать весь масштаб искажений в полном объеме. Я решил, что смогу сделать эти рас-четы лучше, точнее, используя не один метод, как в ЦРУ, а несколько взаимопроверяющих и уточняющих методов, опирающихся на достовер-ную информацию. К тому же у меня было преимущество: пользуясь тем, что живу в СССР, я имел возможность брать в расчет информацию, недо-ступную для ЦРУ.

И с начала 1974 года в свободное от работы время я занялся этими рас-четами. Считал преимущественно ручную (лишь однажды на ЭВМ), в от-личие от ЦРУ, где это делал на ЭВМ целый коллектив с очень большими зарплатами.

Не стану утомлять читателя методами расчетов. Желаящие могут озна-комиться с ними по моим опубликованным работам советского периода, особенно периода перестройки.

Я, конечно же, соревновался не с ЦСУ СССР. Порочность их расчетов была очевидна для всех более или менее квалифицированных экономистов. Соревновался с ЦРУ, чьим расчетам доверяли в мире, в том числе амери-канские администрации от Кеннеди до Картера. Им доверяли и в СССР. Советники советских вождей их читали для установления реальной карти-ны в экономике СССР (водители такой черновой работой себя не утруждали).

Расчеты ЦРУ показывали постепенное падение темпов советского раз-вития, не являющееся катастрофическим. Мои же расчеты свидетельство-вали о гораздо более быстром снижении экономических показателей вплоть до неизбежности кризиса уже в начале 1980-х годов. В моих про-гнозах сыграли роль использование многих методов и привлечение более полной информации, почерпнутой из материалов для служебного пользо-вания в советских библиотеках, к которой я имел доступ. Но не только. Бы-ли и явные профессиональные просчеты ЦРУ. Так, они, не имея данных о выпуске продукции в сложных отраслях в натуральном выражении, ис-пользовали очевидно завышенные данные в стоимостном выражении. Большим недостатком расчетов ЦРУ было и то, что они ограничивались

расчетами динамики ВВП. Я же дополнительно исчислил динамику основных фондов и материалоемкости, что позволило объяснить факторы экономических тенденций.

Я пытался донести свои расчеты и связанные с ними тревоги до руководства СССР, но тщетно.

С начала 1980-х годов я начал публиковать результаты своих расчетов в советских экономических журналах в закамуфлированной форме с относительными данными, которые довольно легко было реконструировать в абсолютные. В СССР никто за это не взялся, а в Великобритании замечательный английский советолог Алек Ноув сделал это, опубликовав статью в журнале Королевского статистического общества. Так, мои работы стали известны среди специалистов на Западе.

В феврале 1987 года совместно с замечательным журналистом Василием Селюниным в журнале «Новый мир» я опубликовал статью «Лукавая цифра», в которой были представлены наиболее важные расчеты. Она произвела эффект разорвавшейся бомбы не только в СССР, но и в США. Там при Рейгане расчетам ЦРУ по экономике СССР все меньше доверяли, но у них не было альтернативы: им приходилось полагаться на здравый смысл и микроэкономические оценки, которые подсказывали, что дела в советской экономике очень скверные, но масштаб экономического провала они, основываясь на этом, оценить не могли. Благодаря же моим работам ЦРУ было окончательно посрамлено.

В 1990 году я был приглашен в США и объездил все советологические центры с докладами, которые воспринимались с огромным интересом. ЦРУ среди этих центров не было, что я воспринимал естественным. Тем не менее в начале следующего года ЦРУ выпустило примерно 100-страничный доклад с критикой моих расчетов. В нем признавалась их ценность, но отмечались отдельные недостатки. Где-то действительные, но чаще — мнимые.

Г. И. Ханин — доктор экономических наук, СИУ — филиала РАНХиГС, Научно-исследовательская лаборатория «Центр конкурентной политики и экономики», научный сотрудник

Статья поступила в редакцию 10.11.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 17.11.2022.

The article was submitted 10.11.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 17.11.2022.

Посвящение В. С. Пель — профессионалу, женщине, другу

Слова признания, уважения и восхищения я посвящаю яркому профессионалу, Женщине с большой буквы — Валентине Степановне Пель.

Я пишу о своем учителе, наставнике и просто друге. Годы профессионального и личного общения с Валентиной Степановной не только показали диапазон ее личности, динамику постоянного движения вперед, но и научили меня вслед за ней всегда искать новые возможности и точки

роста в профессиональной деятельности, не унывать и позитивно относиться к трудностям, создавать крепкий семейный тыл и опираться на него.

В юбилейный год хочется говорить много хороших слов хорошему человеку. Не могу не привести здесь теплые слова и воспоминания учеников Валентины Степановны, впоследствии ее коллег и друзей, находящихся рядом уже достаточно долгий период. Без таких воспоминаний и отношений невозможно охарактеризовать ее замечательную личность.

Денис Владимирович Чернов. Осенью 1998 г. меня, студента исторического факультета Новосибирского педагогического университета, пригласила поговорить на кафедру Валентина Степановна. Я не догадывался, о чем будет этот разговор и как коренным образом он изменит мою судьбу. И вот уже через месяц с ее легкой руки я лечу на стажировку в Германию в университет г. Зиген, через год поступаю в аспирантуру и еще через три года прихожу работать к ней в Институт молодежной политики и социальной работы (ИМПиСР).

Не каждому везет в жизни встретить человека, который, не будучи родственником или близким человеком, проявит о тебе столько заботы и внимания к тебе, поможет выстроить приоритеты и придерживаться выбранной стратегии. Особенное место в моей жизни — это Институт молодежной политики и социальной работы. Невероятной сложности проект, который с нуля подняла Валентина Степановна. До создания института о подготовке специалистов для сферы молодежной политики практически никто не думал и, наверное, даже не подозревал о потенциале такого образовательного направления.

2003 год стал прорывом для «молодежки» и новосибирского педагогического вуза, в котором было создано уникальное, не имеющее аналогов за Уралом учебное подразделение. Его высокий статус и востребованность

подтверждались постоянными встречами с Виктором Александровичем Толоконским, Владимиром Филипповичем Городецким, Александром Александровичем Карелиным. Занимая высокие должности в областной и городской администрации, они часто посещали институт и запросто беседовали с нами и со студентами на разные молодежные темы. Никогда больше в дальнейшем у меня не было столь высокопоставленных собеседников. Кому рассказать, не поверят, что ты сидел в деканате за чашкой чая и беседовал с одним из основоположников социальной педагогики профессором Львом Владимировичем Мардахаевым и пионером социальной работы академиком Станиславом Ивановичем Григорьевым. Доброта и отзывчивость, прозорливость этих выдающихся интеллектуалов и сейчас влияют на мои научные исследования. Время ИМПИСР для меня это эпоха больших проектов, ярких событий, и все это связано с именем Валентины Степановны.

Виктор Викторович Кокуш.

Время общения с Валентной Степановной одно из самых ярких и интересных в моей жизни. Но обо всем по порядку... Теперь уже в далеком 2004 году на сцене Дворца культуры «Юность» в Академгородке проводилось итоговое мероприятие, посвященное ежегодному Форуму молодежи Новосибирской области. Тогда впервые я и встретил Валентину Степановну. Вернее сказать, увидел ее на сцене. Мы в зале, воодушевленные своей общественной работой (на тот

момент я был школьником из Колыванского района) — лидеры районных молодежных парламентов. Именно тогда многим, как и мне, стало известно об уникальном институте — Институте молодежной политики и социальной работы Новосибирского государственного педагогического университета.

Через год я оканчивал школу, нужно было поступать в вуз. Выбор был очевидным. Радости не было предела, когда узнал, что любимое дело может стать реальной профессией. Тогда еще не было ЕГЭ и мы сдавали вступительные. Говорю об этом потому, что в те годы в наш институт для поступления недостаточно было успешно сдать экзамены, необходимо было пройти собеседование с членами приемной комиссии и лично с Валентиной Степановной. Знал примеры, когда даже с более низкими баллами люди поступали в институт, потому что их энергия и преданность делу впечатляли преподавателей. Скажу честно, мое поступление было нелегким. Но эта история потянет на отдельный рассказ. Были вопросы, какие — уже и не вспомнить. Но четко помню, что Валентина Степановна поверила в меня и фактически определила дальнейший путь, за что я ей очень благодарен. В 2005 году я стал студентом института, в котором мечтал учиться. На тот момент в нем уже учились мои друзья из Молодежного парламента Новосибирской области, о которых я всегда с теплом вспоминаю (Ольга Мороз, Илья Париман, Женя Печерина, Инга Ракитянская), иногда нам удается общаться. В институте я был избран председателем студенческого совета. Первым важным делом для нас стал переезд на новую площадку. Да, осенью 2005 года мы переехали в здание по ул. Кропоткина. Появлялись новые традиции.

Всегда поражало, как Валентине Степановне, при ее нагрузке, хватает времени на общение со студентами. Постоянно консультировать меня, давать советы и направлять в делах. Во всей этой суматохе она всегда была примером элегантности и стиля, того же требовала и от нас. А самое удивительное — она практически каждого знала по имени и отчеству. А ее появление на линейках и собраниях всегда невольно подталкивало подняться и быть готовым.

За время учебы мы создали не только сильную систему самоуправления в институте, но и Союз молодежных объединений Заельцовского района, который работал долгие годы. По завершении учебы я был избран молодежным мэром города Новосибирска. Была когда-то такая общественная должность в городе. И на этом этапе Валентина Степановна всегда находила время для встреч и советов.

Мы до сих пор поддерживаем контакт, очень приятно быть приглашенным на конференции, форумы с возможностью выступить с докладом.

Я и сейчас благодарен Валентине Степановне за ее энергетику, которой она заряжает при каждой встрече. И только теперь, накопив опыт, я стал понимать, насколько она мудра: еще в студенческие годы она давала мне почти безграничную свободу действий как человеку, как председателю студенческого совета, доверяя и вместе с тем находясь рядом.

Могу сказать, что благодаря Валентине Степановне я стал свободолобивым, мыслящим человеком. Пользуясь возможностью, лично от себя и от всей нашей семьи искренне поздравляю Валентину Степановну с юбилеем! Пусть на ее пути каждый день будет масса поводов для улыбки!

Анна Юрьевна Байкалова. Валентину Степановну Пель можно слушать часами, любоваться необыкновенным сочетанием королевской стати и задорного огонька в глазах. Мне повезло не только учиться у Валентины Степановны, но и два года работать под ее руководством в Институте молодежной политики и социальной работы. При первой встрече бросается в глаза, что это не только ученый, руководитель, но в первую очередь необыкновенной красоты Женщина. Когда я спросила ее, какими качествами в наше время должен обладать идеальный руководитель, она ответила:

«Прежде всего образованность в своей области. Я подчеркиваю, не компетентность, как сегодня любят говорить, а образованность, профессионализм, хорошее знание своего дела. Поэтому первое качество — хорошая профессиональная подготовка и образованность.

Второе — умение брать на себя ответственность. Когда мы создаем какие-то программы, проекты — это прежде всего ответственность. Ответственность предусматривает и преданность делу, и знание дела. Ответственность — это определенные нравственные вещи, в моем понимании.

Третье очень важное качество для любого управленца — это умение профессионально отстаивать свою позицию. Это мужество определенное. Предавать свою позицию в угоду кому-то или чему-то — это значит предать себя. Человек, который легко меняет свою позицию, не может управлять другими».

Уверена, что все три качества идеально сочетаются в Валентине Степановне. Потрясающий человек, талантливый руководитель и очень красивая женщина. Всех вам благ, Учитель!

Николай Николаевич Киселев. Мне кажется, Валентина Степановна всегда была мастером конструирования реальности. У нее получается реализовывать творческие идеи. Задумала Институт молодежной политики — воплотила в жизнь, открыла первую в Сибирском федеральном округе кафедру воспитательных систем, создала при институте общественную организацию вожатых и еще многое другое. Она всегда использовала и у себя и у других тот самый психологический капитал, где базовыми человеческими ресурсами являются: надежда, эффективность, стойкость, оптимизм. На мой взгляд, эти качества напрямую относятся к Валентине Степановне. Но она удивительным образом всегда умеет актуализировать их у других.

Конечно, юбилей всегда повод высказать признание человеку, но мне хочется отметить, что я слышу слова восхищения о ней на протяжении уже многих лет, и не только как о профессионале. Девушки на моем курсе всегда с нетерпением ждали появления на лекции Валентины Степановны, предвкушая увидеть, как она сегодня будет выглядеть. Валентина Степановна никогда не разочаровывала: всегда элегантно, со вкусом одета и неповторима. Значительно позже, общаясь уже по-дружески, узнал, что большинство этих нарядов она шила сама. Когда она начинала говорить — впечатлял ее профессионализм: всегда четкая логика и алгоритм, эрудиция и многое другое, что заставляло уважать ее как профессионала высокого уровня. А чего стоили ее приемы профессиональной коммуникации... Многие студенты знали, что если Валентина Степановна начинает говорить с тобой строго на «вы» и по имени-отчеству (хотя до этого общалась проще и по-дружески) — значит, ты где-то проштрафился, может быть, подвел, не сделал что-то как следует. Такого общения было достаточно, чтобы понять — надо проанализировать и исправить.

В целом же хочется отметить, что еще со студенчества общение с Валентиной Степановной принесло понимание: важно быть профессионалом

и качественно делать дело, за которое берешься; с аристократической тщательностью необходимо поддерживать и формировать свой визуальный образ, он тоже часть твоего профессионального имиджа; следует очень интеллигентно находить нужные приемы влияния, чтобы показать промахи человека. А еще — одной из главных опор в жизни должна стать крепкая семья, замечательные муж и дети, близкие люди.

Историй знакомства с Валентиной Степановной, сотрудничества, многолетней дружбы, участия ее в судьбах

людей многократно больше, чем можно представить в ограниченном пространстве одного текста. И все они наполнены чувством восхищения и благодарности. Размышляя об удивительной способности Валентины Степановны оставлять неизгладимый след в памяти людей, нельзя не отметить ту внутреннюю целостность личности, которая основывается на твердых профессиональных и жизненных ценностях.

В сегодняшнем изменчивом мире такую устойчивую ценностную платформу личности можно считать отдельной ценностью, соприкосновение с которой оказывает очень сильное влияние и задает точные жизненные ориентиры. Для всех ее учеников, друзей, коллег Валентина Степановна является самостоятельной ценностью. Поэтому нам так хотелось подарить ей хорошие слова и эмоциональные воспоминания, выразить свое восхищение и благодарность. Пусть будет еще много ярких моментов в жизни, о которых с удовольствием захочется вспомнить. С юбилеем, дорогая Валентина Степановна!

*Е. В. Киселева — доктор педагогических наук,
профессор кафедры психологии СИУ — филиала РАНХиГС*

Статья поступила в редакцию 11.10.2022; одобрена после рецензирования 13.10.2022; принята к публикации 17.10.2022.

The article was submitted 11.10.2022; approved after reviewing 13.10.2022; accepted for publication 17.10.2022.

Бывают в жизни встречи, которые заставляют остановиться и подумать — чем я живу и так ли я живу. Личное знакомство с Майей Антоновной Рогачевской из числа таких встреч. Удивительное человеческое обаяние, доброжелательность, открытость, ясность и точность мысли, богатая русская речь словно вернули меня к чему-то настоящему, подлинному. Слушая рассказы Майи Антоновны о событиях ее непростой жизни, в которой было военное детство, преодоление, упорство, цели, научный поиск и вдохновение, я подумала, что все это складывается в одно слово — ВЕРНОСТЬ. Верность своему жизненному выбору, верность учителям, верность научным принципам, верность российской науке и сибирской земле.

Прекрасная Майя Антоновна, многих Вам плодотворных лет!

Т. В. Бородина

От первого лица

Родилась 18 мая 1931 г. в с. Спирино Ордынского р-на Западно-Сибирского края в семье служащих. Отец, Дедюшин Антон Иванович, был военнотружующим, мать, Кровякова Матильда Семёновна — ветеринарным врачом.

В школу пошла в 1939 г. в Новосибирске. В 1940 г. отца направили на работу в Западную Белоруссию в г. Белосток, поэтому продолжала учиться там. Белосток — красивый город с многонациональным населением, что обусловило наличие в нем школ с преподаванием на разных языках: русском, польском, белорусском, еврейском. Приехавшие из разных областей Российской Республики естественно учились в русской школе.

17 сентября 1940 г. праздновали День присоединения Западной Белоруссии к Советскому Союзу. Первомайский праздник в 1941 г. отмечался большой демонстрацией. 22 июня ночью мы проснулись от гула моторов летящих на восток самолетов. Утром Белосток подвергся бомбардировке, хотя и незначительной. В 11 часов по местному времени по радио услышали речь Молотова и узнали, что началась война... Стали формироваться эшелоны для эвакуации.

К вечеру того же дня нас поместили в эшелон, который состоял из не оборудованных для перевозки людей товарных вагонов — теплушек, как их позже стали называть. По пути следования эшелон подвергался бомбежкам, но обошлось благополучно. На станциях не останавливались, так как их тоже бомбили. В Минске пришлось задержаться из-за авиационного

налета, разрушившего железнодорожные пути. После их восстановления двинулись дальше на восток. Проехали мимо небольшого городка Негорелое, находившегося на старой границе. Раньше это был пограничный пункт, в котором были доты и другие необходимые укрепления. Стоявшие там пограничные подразделения на некоторое время затормозили наступление немецких войск в этом месте. Как потом мы узнали, Белосток был сдан 27 июня, также держались, сколько могли, и другие города. Путь эшелона пролегал огибая Москву. На станции Ряжск (Рязанская область) встретили первый воинский эшелон, ехавший на фронт. А мы доехали до г. Сарапула в Удмуртии — это был конечный пункт движения нашего эшелона. У нас с собой не было ничего из вещей, и мама решила ехать к родным в Барнаул.

Эвакуированных в Барнауле было еще мало, пока в город прибывали только беженцы из приграничных районов, но городские власти уже уплотняли жителей многокомнатных квартир, оставляя им, в зависимости от численности семьи, одну-две комнаты. Нам помогали и относились к нам со вниманием и заботой.

Учебный год, как и полагалось, начался первого сентября. Школа, в которую мы записались, подчинялась не городскому отделу народного образования, а железнодорожному ведомству, сохранявшемуся со времени строительства Транссибирской магистрали. В октябре ее передали военному ведомству под госпиталь. Учащихся разместили в нескольких зданиях, принадлежавших Управлению железной дороги. Начальную школу, с 1 по 4 класс, поместили в одном здании, неполную среднюю, с 5 по 7 класс, — в другом, а старшие классы, с 8 по 10, — в третьем. Учились в три смены. Численность учеников в классах возрастала по мере приезда эвакуированного населения с территории, подвергающейся оккупации, доходя до 60 человек и больше. Некоторые ученики (из числа осиротевших) из 5-х и старших классов уходили, чтобы работать на военных заводах. Из 9-х и 10-х классов юношей призывали в армию. Остались только девочки. В 1942 г. во всех классах ввели новый предмет — военное дело. В 1943 г. школы преобразовали в мужские и женские. Уходили на фронт учителя. Их заменяли эвакуированные женщины-учительницы. Потом тяжелораненые фронтовики после выздоровления возвращались к работе в школе. При них было стыдно плохо учиться. Учебников не хватало: их не печатали. После окончания учебного года книжные магазины стали принимать (за плату) ставшие ненужными учебники и продавать необходимые школьникам подержанные учебники. Тетрадей не было: писали на старых журналах, бумага которых и шрифт были приемлемы для этой цели.

Помимо школьных занятий приходилось выполнять множество работ: школьники чистили от снега железнодорожные пути, занимались общественным и личным огородничеством, помогали в госпиталях. Городские парки, скверы, пустыри засаживались картошкой.

Затаив дыхание слушали сводки информбюро: сначала с тревогой — «Оставили город... Отошли... Потери ранеными, убитыми...» Волновались за Москву, Ленинград, Белоруссию, Украину, Северный Кавказ... Потом уже с радостью: «Освободили населенные пункты... город... города...» Всех охватывала радость, когда стали сообщать о салютах в честь освобождения городов, начиная с освобождения Орла и Белгорода.

Ждали писем, фронтовые треугольнички. С тревогой встречали почтальона — не несет ли похоронку. Почтальонов продолжали бояться до самого окончания войны.

Школу я окончила в 1949 г. с серебряной медалью.

Поступила в Московский финансовый институт (МФИ) (теперь — университет) на финансово-экономический факультет, который окончила в 1953 г., получив диплом с отличием. В МФИ довелось учиться у замеча-

тельных профессоров, создателей советской финансовой школы. Трудно перечислить корифеев, не жалевших труда при воспитании своих преемников. Скажу о нескольких.

Ректор, профессор Николай Николаевич Ревинский, создал высокопрофессиональный преподавательский коллектив, сам читал курс финансов на старших курсах, приглашал руководителей Министерства финансов, Государственного банка. Курс денежного обращения вел Захарий Вениаминович Атлас, участвовавший в подготовке денежной реформы 1947 г. В 1944 г. ему было поручено Сталиным теоретически обосновать подготовку реформы, опираясь на опыт реформы 1922—1924 гг., проведенной под руководством Сокольникова. Историю народного хозяйства преподавал один из крупнейших специалистов-историков Александр Петрович Погребинский. Его лекции легко было записывать первокурсникам, они были логичны, насыщены фактическим материалом, прививали гордость за свою родину. Историю экономических учений читал профессор Абрам Лазаревич Реуэль, эрудит, сотрудник Института марксизма-ленинизма, в котором были сосредоточены общественно-научные и политические документы, в том числе и рукописи Карла Маркса, Фридриха Энгельса, российских революционных мыслителей. Из его курса студенты узнавали и о российских ученых, внесших вклад в развитие экономической теории. Политическую экономию социализма преподавала профессор Мариам Семёновна Атлас, крупный специалист банковского дела. Она раскрывала теоретические основы хозяйствования. Занималась со студентами, увлеченными научными разработками, воспитывала аспирантов, охватывая широкий круг теоретических проблем. К ней на консультацию приезжали докторанты из других городов. Многие ученые обязаны ей своими успехами.

После окончания института по распределению приехала с мужем, Рогачевским Анатолием Михайловичем, бывшим однокурсником, в Новосибирск.

Недолго мне пришлось трудиться на финансовом поприще. В 1954 г. поступила преподавателем политической экономии в техникум советской торговли, а в 1957 г. была принята ассистентом на кафедру политической экономии Новосибирского электротехнического института связи (НЭИС) (ныне — СибГУТИ), в котором проработала до конца 2007 г. С 2002 г. стала работать совместителем в СибАГС, а с января 2008 г. и по настоящее время являюсь доцентом кафедры финансов и кредита СИУ РАНХиГС. В период 1996—2005 гг. работала (по совместительству) на кафедре политической экономии Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при НГУ. В сентябре 2009 г. была приглашена на должность профессора кафедры экономики в Сибирскую академию финансов и банковского дела (по совместительству), где и преподавала до 2014 г.

За годы работы в НЭИС в моей жизни произошло много событий. Наряду с преподавательской деятельностью я приобщилась к научным исследованиям. Наша кафедра стала сотрудничать с Институтом экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Его директор, член-корреспондент АН СССР Герман Александрович Пруденский, привлек преподавателей, в том числе и меня, к исследованию проблем использования бюджетов времени трудящихся. Особое внимание уделялось исследованию вне рабочего и свободного времени и изучению факторов, на них влияющих. В составе группы ученых, возглавляемой профессором Николаем Михайловичем Кокосовым, я принимала участие в исследовании проблемы использования трудящимися бюджета времени. О полученных результатах докладывала на ряде научных конференций, проводимых институтом в разных сибирских городах.

К этому времени мною были сданы все кандидатские экзамены и следовало думать о диссертационной работе. По совету заведующего кафедрой

доцента Леонида Борисовича Крука в 1967 г. я поступила в аспирантуру Московского финансового института на кафедру политической экономии, где встретила многих профессоров, у которых училась, будучи студенткой. Диссертационное исследование «Свободное время как экономическая категория» я выполнила под научным руководством профессора Марии Семёновны Атлас. Защитила диссертацию в декабре 1969 г.

Возвратившись в НЭИС, я стала работать на кафедре политической экономии сначала старшим преподавателем, а после получения звания доцента — в должности доцента.

Сначала меня поставили преподавать политическую экономию студентам технических факультетов. Вела полностью курс, рассматривающий производственные отношения при капитализме и социализме на лекционных и семинарских занятиях, на дневном, вечернем и заочном отделениях. Лекционный материал сопровождался наглядными пособиями сначала в виде плакатов, затем стали использоваться постепенно усложняющиеся технические средства. Появилась стационарная учебная телевизионная система, расширившая информационную возможность подачи лекционного материала. В конце деятельности в СибГУТИ стала применять и компьютерное сопровождение, но в весьма ограниченной степени. Позже мне поручили вести более широкий курс политической экономии капитализма на инженерно-экономическом факультете. Завершила я работу в СибГУТИ преподаванием курса истории экономических учений.

В институте связи обучались студенты-иностранцы из многих социалистических стран: монголы, вьетнамцы, лаосцы, поляки, болгары, чехи, венгры, кубинцы. Русским языком они владели недостаточно хорошо, что вносило много сложностей. Было трудно и им и нам. Но они старались не только овладеть специальностью, но и познавать жизнь в Сибири.

Помимо преподавания много времени уделялось внеучебной работе со студентами. Это были и регулярные занятия студенческого научного кружка по проблемам политической экономии социализма, и ленинские чтения, и дискуссионный клуб по актуальным проблемам экономического развития страны. Участие в них принимали в основном студенты инженерно-экономического факультета. Выполнялись работы по достаточно широкой тематике с последующим обсуждением на заседании кружка. Трижды кафедра политической экономии принимала участие во Всесоюзном конкурсе студенческих работ по общественным наукам, проводимом ЦК ВЛКСМ. В 1980 г. работа «Закон экономии времени», выполненная под моим руководством, прошла на республиканский и союзный этапы конкурса, получив высшую оценку. Доклад по этой работе был представлен на международную студенческую конференцию. В последующие годы студенческие работы, выполненные под моим руководством, также получали высокие оценки на конкурсе.

В 2009 г. в СибАГС я тоже стала руководить научной работой студентов по кафедре финансов и кредита. Проводили поточные конференции, принимали участие в вузовских и городских конференциях, занимая призовые места. В 2020 г. студенты 2 курса экономического факультета приняли участие в проводимой дистанционно в Екатеринбурге Всероссийской студенческой конференции «Экономика в лицах». Доклад «Михаил Иванович Туган-Барановский — выдающийся российский экономист», подготовленный студенткой А. Белаш, занял 1-е место. Доклад «Владимир Карпович Дмитриев — первый русский экономист-математик», подготовленный студентами Я. Боровской и С. Сукнёвой, занял 5-е призовое место на проводимой осенью того же года конференции.

Научной работой я стала активно заниматься под руководством ученых Института экономики. Начало положило участие в 1960 г. в первой конференции молодых ученых СО АН СССР, проводимой Институтом экономики

и организации промышленного производства по инициативе члена-корреспондента Германа Александровича Пруденского. В дальнейшем стала участницей научных конференций всех уровней: институтских, городских, республиканских, союзных и международных, проводимых партийными и комсомольскими органами, Институтом экономики СО АН, Московским финансовым институтом (университетом), рядом сибирских вузов, в том числе СибГУТИ, СибАГС (СИУ — филиал РАНХиГС).

За период до 2022 г. мной опубликовано более 160 работ, из них научных — 116.

В вузе, как правило, внимание уделяется прежде всего подготовке учебных и учебно-методических работ. Среди моих разработок были методические указания по изучению политической экономии, проведению стандартных занятий и занятий с применением учебного телевидения.

После перехода России к рыночной экономике было прекращено преподавание курса марксистско-ленинской политической экономии. Кафедра стала именоваться кафедрой экономической теории. Значительно расширился круг преподаваемых дисциплин. Политическую экономию сменил курс экономической теории (микро- и макро-

экономика), были введены курсы мировой экономики, истории мировой экономики, истории экономических учений. Учебной литературы по новым дисциплинам не было. Заведующий кафедрой профессор Борис Наумович Хомелянский своевременно принял решение: пишем учебные пособия сами. В 1994 г. студенты получили необходимое им учебное пособие: курс лекций по экономической теории.

Курс истории экономических учений, в 1970-е гг. исключенный из вузовских программ подготовки экономистов и восстановленный Госкомвузом России в 1990-е гг., вести было предложено мне. Учебных пособий тоже не было. Пригодились мне знания, полученные у А. Л. Реуэля. Обратив внимание на то, что в прежних учебниках акцент делался на анализ теоретического наследия классиков марксизма (Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Владимир Ильич Ленин), а в новейших учебниках внимание сосредоточено только на западноевропейских и американских экономических теориях и школах, исследующих рыночную экономику, а русская экономическая мысль не упоминается вообще, я решила восполнить этот недостаток. Пришлось углубиться в изучение литературы. В 1998 г. вышло первое учебное пособие, написанное мной для СибГУТИ, в 1999 г. — для ИПК, а в 2006 г. — учебник «История экономических учений», получивший гриф УМО. В нем были рассмотрены взгляды не только революционных мыслителей, но и М. И. Туган-Барановского, А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева, В. К. Дмитриева, Е. Е. Слуцкого, Л. В. Канторовича.

Углубившись в изучение литературы, относящейся к истории экономической деятельности не только теоретиков, но и практиков, я обнаружила много забытых имен россиян, в той или иной степени способствовавших развитию России, стала рассказывать о них в статьях, более 20 статей было

опубликовано в журналах «ЭКО», «Сибирская финансовая школа», «Историко-экономические исследования» и др.

Были написаны две монографии: «Деньги, их происхождение и эволюция» (2007), «Академик Иван Иванович Янжул — создатель финансовой науки в России» (2014), глава «Последователи Посошкова: экономические воззрения М. В. Ломоносова» в коллективной монографии «У истоков российской экономической мысли» (2015). Постоянно работая в читальных залах ГПНТБ, я заслужила звание «Почетный читатель».

Моя работа в высшей школе была отмечена не только благодарностями, но и другими наградами:

1985 г. — медалью «Ветеран труда» за долголетний добросовестный труд от имени Президиума Верховного Совета СССР решением исполкома Новосибирского областного совета народных депутатов;

1986 г. — нагрудным знаком «За отличные успехи в работе» за заслуги в области высшего образования СССР;

1990 г. — нагрудным знаком «Ударник XII пятилетки»;

2003 г. — почетной грамотой мэрии Новосибирска за вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов для города в связи с 50-летием со дня образования СибГУТИ;

2012 г. — памятной медалью «За вклад в развитие Новосибирской области»;

2017 г. — юбилейной медалью «80 лет Новосибирской области»;

2021 г. — медалью «За безупречный труд и отличие» III степени Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

*М. А. Рогачевская — кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов и кредита СИУ — филиала РАНХиГС*

Статья поступила в редакцию 17.10.2022; одобрена после рецензирования 19.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.

The article was submitted 17.10.2022; approved after reviewing 19.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Блинова Анна Николаевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения, Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Российская Федерация. E-mail: anblinova@mail.ru

Бородина Елена Михайловна — кандидат культурологии, доцент кафедры народного хорового пения, Кемеровский государственный институт культуры, руководитель регионального информационно-методического центра по возрождению и сохранению казачьей культуры в Кузбассе, Центр народного творчества и досуга Кузбасса, Кемерово, Российская Федерация. E-mail: elena.folklor@rambler.ru

Герман Аркадий Адольфович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация. E-mail: a.a.german@mail.ru

Жигунова Марина Александровна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения, Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Российская Федерация. E-mail: marizh.omsk@mail.ru

Ивонин Юрий Перфильевич — доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ivonin-yr@ranepa.ru

Иларионова Татьяна Семеновна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ts.ilarionova@igsu.ru

Киселева Елена Васильевна — доктор педагогических наук, доцент, и. о. директора НОЦ «Антропология личностного и профессионального развития», Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kiseleva-elv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7570-8121>

Рогачевская Майя Антоновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: rogachevskaya-ma@ranepa.ru

Савинов Леонид Вячеславович — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: savinov-lv@ranepa.ru

Смирнова Татьяна Борисовна — доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музееведения, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, зав. отделом национальных культур и историко-культурного наследия, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского ин-

ститута культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Омск, Российская Федерация. E-mail: smirnovatb@omsu.ru

Ханин Гирш Ицкович — доктор экономических наук, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Научно-исследовательская лаборатория «Центр конкурентной политики и экономики», научный сотрудник, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: khaning@yandex.ru

Шлегель Елена Александровна — аспирант, помощник проректора по учебной работе, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Российская Федерация. E-mail: lena_shlegel@mail.ru

Шульга Анна Александровна — преподаватель International Online Center «Speak Russian». Севастополь, Российская Федерация. E-mail: levshavnin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5948-1991>

Юрченко Маргарита Алексеевна — преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

Ярков Александр Павлович — доктор исторических наук, руководитель учебно-методического направления, Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация. E-mail: ayarkov@rambler.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Anna N. Blinova — PhD in History, researcher at the Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museum Studies, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation. E-mail: anblinova@mail.ru

Elena M. Borodina — Candidate of Cultural Sciences, Associate Professor of Folk Choral Singing Department, Kemerovo State Institute of Culture, Head of Regional Information and Methodological Center for Revival and Preservation of Cossack Culture in Kuzbass, Kuzbass Folk Arts and Leisure Center, Kemerovo, Russian Federation. E-mail: elena.folklor@rambler.ru

Arkady A. Herman — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History and Historiography, Saratov National Research State University after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation. E-mail: a.a.german@mail.ru

Marina A. Zhigunova — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Omsk, Russian Federation. E-mail: marizh.omsk@mail.ru

Yuri P. Ivonin — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ivonin-yp@ranepa.ru

Tatiana S. Ilarionova — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Public and Municipal Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: ts.ilarionova@igsu.ru

Elena V. Kiseleva — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Acting Director of the REC “Anthropology of Personal and Professional Development”, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kiseleva-elv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7570-8121>

Maya A. Rogachevskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Loans, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: rogachevskaya-ma@ranepa.ru

Leonid V. Savinov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: savinov-lv@ranepa.ru

Tatyana B. Smirnova — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Ethnology, Anthropology, Archeology and Museology, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Head. Department of National Cultures and Historical and Cultural Heritage, Siberian Branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Omsk, Russian Federation. E-mail: smirnovatb@omsu.ru

Girsh I. Khanin — Doctor of Economics, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of

the Russian Federation, The scientific research laboratory “Center for Competition Policy and Economics”, researcher, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: khaning@yandex.ru

Elena A. Shlegel — Postgraduate student, Assistant Vice-Rector for Academic Affairs, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation. E-mail: lena_shlegel@mail.ru

Anna A. Shulga — Teacher at the International Online Center “Speak Russian”. Sevastopol, Russian Federation. E-mail: levshavnin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5948-1991>

Margarita A. Yurchenko — Lecturer of the Department of Foreign Languages and Linguistics, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

Alexander P. Yarkov — Doctor of Historical Sciences, Head of the educational and methodological direction, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation. E-mail: ayarkov@rambler.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

1. Общие положения

Редакция журнала «Сибирь гуманитарная» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующему научным специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;

5.6. Исторические науки (5.6.1. «Отечественная история»; 5.6.2. «Всеобщая история»; 5.6.4. «Этнология, антропология, этнография»; 5.6.5. «Историография, источниковедение, методы исторического исследования»; 5.6.6. «История науки и техники»; 5.6.7. «История международных отношений»; 5.6.8. «Документалистика, документоведение, архивоведение»);

5.7. Философия (5.7.1. «Онтология и теория познания»; 5.7.2. «История философии»; 5.7.6. «Философия науки и техники»; 5.7.7. «Социальная и политическая философия»; 5.7.8. «Философская антропология, философия культуры»; 5.7.9. «Философия религии и религиоведение»);

5.8. Педагогика (5.8.1. «Общая педагогика, история педагогики и образования»; 5.8.2. «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»; 5.8.5. «Теория и методика спорта»; 5.8.7. «Методология и технология профессионального образования»).

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: sib.gum@siu.ranepa.ru

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен предоставить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегий при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

2. Издательское оформление статей

Статьи в журнал «Сибирь гуманитарная» оформляются по ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

2.1. Элементы издания, оформляемые автором¹:

— УДК;

— заглавие статьи — на русском и английском;

— подзаголовочные данные (при наличии) — на русском и английском;

— сведения об авторе (авторах) — на русском и английском;

— аннотация — на русском и английском (*Abstract*);

— ключевые слова (словосочетания) — на русском и английском (*Keywords*);

— благодарности (при желании) — на русском и английском (*Acknowledgments*);

¹ Расположение и последовательность элементов см. Приложение.

— знак охраны авторского права;
— перечень затекстовых библиографических ссылок — на русском и английском (*References*);

— информация об авторе (авторах) (*Information about the author(authors)*).

Если статья публикуется не на русском языке, то элементы, требующие перевода, указываются сначала на языке статьи, затем — на английском языке, после чего — на русском.

2.2. Описание элементов издания

2.2.1. УДК — индекс Универсальной десятичной классификации, проставляется в соответствии с тематикой статьи.

2.2.2. Заглавие статьи — формулировка темы, точно отражающая рассматриваемую проблему.

2.2.3. Подзаголовочные данные статьи содержат сведения, поясняющие ее заглавие.

2.2.4. Сведения об авторе (авторах) содержат:

— имя, отчество, фамилию автора (авторов¹) (полностью);

— наименование организации (организаций²), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО и др.);

— адрес организации (организаций), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);

— электронный адрес автора (авторов);

— открытый идентификатор ученого (*Open Researcher and Contributor ID — ORCID*) (при наличии);

— автор, ответственный за переписку (*Corresponding author*) (при наличии нескольких авторов): фамилия, имя, отчество (полностью), электронный адрес.

2.2.5. Аннотацию оформляют по ГОСТ Р 7.0.99-2018 «Реферат и аннотация. Общие требования». Объем не превышает 250 слов.

2.2.6. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. После ключевых слов точку не ставят.

2.2.7. Благодарности. При желании приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.2.8. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1-2003 «Издания. Знак охраны авторского права. Общие требования и правила оформления» внизу первой полосы с указанием фамилии и инициалов автора (авторов) или других правообладателей и года публикации статьи.

2.2.9. Перечень затекстовых библиографических ссылок формируется из подстрочных ссылок со сквозной нумерацией по всему тексту. Ссылки оформляются по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

2.2.10. Информация об авторе (авторах). В этот блок входит дополнительная информация об авторе (авторах): ученые степени, ученые звания, указание должности (с наименованием и адресом организации), почетные звания, членство в организациях и т. п.

2.3. Основной текст статьи может иметь следующие структурные части:

— введение;

— основную часть с выделением разделов «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение» и др. (допускается деление основной части на тематические рубрики и подраз рубрики);

— заключение.

2.4. Надписи и подписи к иллюстративному материалу (таблицы, рисунки и др.) приводят на языке текста статьи и повторяют на английском языке.

¹ Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

² Если автор (авторы) работает (учится) в нескольких организациях.

3. Требования к техническому оформлению

3.1. Общие технические требования:

- текстовый редактор: MS WORD версия 2003 или более современная;
- редактор таблиц: MS Word 2003 или более современная (формат Excel не допускается);
- редактор графиков и диаграмм: MS Word 2003 или более современная;
- формат файла с рукописью: **.doc; .docx**
- формат файлов с рисунками, графиками, схемами и др. иллюстрациями: ***.jpg (jpeg), *.tif (tiff); *.png**.
- тип иллюстраций: полутоновой черно-белый, штриховой черно-белый;
- кегль (размер шрифта) для заголовка и текста статьи (кроме сносок) — 14;
- гарнитура — Times New Roman (TNR).

3.2. Параметры страницы:

- поля — 2 см вокруг;
- нумерация — автоматическая с первой страницы в нижнем правом углу.

3.3. Параметры абзаца:

- выравнивание — по ширине;
- отступ слева/справа — 0;
- интервал перед/после — 0;
- межстрочный интервал — 1,0.
- отступ первой строки абзаца — 0,7;
- должен быть установлен запрет висячих строк.

4. Оформление отдельных элементов текста

4.1. Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подписанные подписями. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносятся в подрисуючную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуючная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

4.2. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт.

Размеры рисунков и таблиц — не более 135 × 2100 мм. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте после ссылки на них.

4.3. Формулы. Простые внутристрочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 12,5 мм.

4.4. Буква «ё» употребляется только в целях смысловоразличения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

4.5. Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

4.6. Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При передаче своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа

«В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

4.7. Ссылки. Даются ссылки на источники всего заимствованного материала (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.).

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конев Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.

2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.

3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.

4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed. South-Western Educational Pub, 2006. 304 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitiya zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU)* [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]. Minsk: BGU, 2018, pp. 294—297.

2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — sovery starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser], Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.

3. Braslavets L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism], 2009, no. 1, pp. 125—132.

4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed., South-Western Educational Pub, 2006, 304 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54.

Siberia Humanitarian. 2023;(1):42—54.

Этнокультурное наследие

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

Этнокультурное наследие в современной России

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

² ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Этнокультурное наследие в современной России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54. DOI: 10.32324/2412-8945-2023-1-42-54.

Ethnocultural heritage of modern Russia

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹ Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

² ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I.S., Petrov I.P. Ethnocultural heritage of modern Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):42—54. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2023-1-42-54.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — master's student, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2023; одобрена после рецензирования 00.00.2023; принята к публикации 00.00.2023.

The article was submitted 00.00.2023; approved after reviewing 00.00.2023; accepted for publication 00.00.2023.